

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Адыгейский государственный университет»**

На правах рукописи

Подольский Владимир Вячеславович

**ВЛИЯНИЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ФАКТОРОВ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА: МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность
22.00.06 – социология культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор Денисова Г.С.

Майкоп-2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методологические проблемы исследования влияния социокультурных факторов на правовую культуру общества	20
1.1. Правовая культура российского общества в фокусе социологического анализа	20
1.2. Методология фрейм-анализа ценности права в структуре поведенческих практик	37
Глава 2. Долговременные социокультурные факторы формирования правовой культуры россиян	53
2.1. Нереплексивное влияние культурного кода: ценность права	53
2.2. Бюрократизация юридического поля как фактор снижения ценности права в профессиональной культуре юристов	78
Глава 3. Воспроизводство влияния долгосрочных социокультурных факторов на состояние правовой культуры российского общества	105
3.1. Массовая культура как агент воспроизводства этикоцентризма: анализ фреймирования правовых ситуаций (на примере телесериала «Глухарь»)	105
3.2. Опыт фрейм-анализа правовой ситуации в коллективных представлениях	124
Заключение	161
Литература	166
Приложение 1	186
Приложение 2	189
Приложение 3	204
Приложение 4	210
Приложение 5	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Конституционное утверждение принципов демократического государства в России включает создание независимой правовой системы для обеспечения защиты гражданских свобод, гарантируемых нашим государством. Правовое обеспечение реализации этих принципов направлено также и на трансформацию правовой культуры российского общества. В постсоветский период в России были предприняты реальные шаги, направленные на создание институциональных основ для формирования правовой культуры, ориентированной на ценность права как регулирующей системы поведения, что в обобщенном виде проявляется, например, в доверии суду, обеспечивающему утверждению права. Так, в первую очередь, был изменен статус суда в политической системе и обеспечении контроля за реализацией права, а также – его доминантной роли в структуре правоохранительных органов. Однако эмпирические социолого-правовые исследования свидетельствуют о том, что уровень доверия правоохранительной системе в России недостаточно высок. Многолетние исследования «Левада-Центра» отношения населения к судебной системе и правоохранительным органам свидетельствуют о медленном росте доверия к ним. Опыт взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов резко увеличивает негативное отношение к этим структурам¹. Одновременно, эмпирические замеры показывают в целом «благожелательное отношение населения к рутинным практикам нарушениям законов»². Растет нарушение правовых практик и со стороны правоохранитель. Так, Генеральный прокурор РФ Ю.Чайка признает, что за период 2009 по 2018 гг. число нарушений законодательства, допущенных следователями, увеличилось в 2,5 раза при снижении зарегистрированных

¹ Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давление, пытки//Вестник общественного мнения. 2018, № 1-2 (128). С.86-87.

² Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия//Социологические исследования. 2020. Т.46. № 1. С.98.

преступлений в 1,5 раза³. Эти данные показывают разрыв между созданной институциональной основой, обеспечивающей независимый статус основных правовых институтов, и правовой культурой общества и правоохранителей. В этой ситуации право не рассматривается обществом как абсолютная ценность.

Американский социолог Д. Блэк обосновал тезис о том, что эффективность права с необходимостью требует «спрос на право и мобилизации права» со стороны общества⁴. Наличие «спроса на право» – суть потребность общества в праве как ценности, обладающей безусловной приоритетностью в регулировании поведения. Но именно эта ценность в культуре российского общества по данным эмпирических исследований не занимает значимых позиций в структуре терминальных ценностей, а институты, обеспечивающие верховенство закона, не пользуются доверием у населения. Косвенно низкая ценность права подтверждается также воспроизводством установки населения на патернализм государства, вытесняющей необходимость ориентироваться на собственные стратегии жизненного успеха и отстаивать их средствами закона⁵. По мнению экспертов на ценность права не ориентирована деятельность современной судебной системы, которая так и не достигла реального статуса независимой ветви власти⁶.

Таким образом, практика показывает, что наличное состояние правовой культуры российского общества не соответствует возможностям сформированной институциональной структуры, и это говорит о том, что

³ «О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению». Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки 10 апреля 2019 // Генеральная прокуратура РФ : официальный сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/>(дата обращения: 26.07.2020).

⁴ Блэк Д. Поведение закона // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов/ Под ред. Э.Л. Панеях. М.: Статут, 2014. С.131-144.

⁵ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических исследований). Аналитический доклад / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2011. С. 142 -164

⁶ Панеях Э.Л. Эволюция российской судебной системы в 2014 году// Контрапункт, 2015, 1 сентября.

имеются действенные неинституциональные факторы, способствующие консервации поведенческих установок, не ориентированных на регулирующую роль права на уровне организаций и на уровне массового повседневного поведения людей. Массовая приверженность таким установкам свидетельствует о том, что эти факторы имеют социокультурную природу. Указанное обстоятельство требует обращения к анализу долгосрочных социокультурных факторов, оказывающих значительное влияние на правовую культуру общества, включая профессиональные группы правоохранителей.

К такого рода факторам относятся, в частности, традиционные особенности российской культуры: доминирование этической регуляции над правовой, подчиненный статус правосудия по отношению к государственной власти. Эти явления изучаются преимущественно на макросоциологическом уровне. Между тем, социальная типичность установки на «обход» права в разрешении тех ли иных коллизий, свидетельствует о том, что макросоциологический уровень анализа должен быть дополнен микросоциологическим, в фокусе внимания, которого – типика смыслов индивидуального поведения. Микросоциологический уровень анализа позволит выявить механизмы влияния социокультурных факторов, имеющих макросоциальный характер, посредством габитуализации – закрепления их в качестве дорефлективных «укорененных структур» культуры, определяющих мотивацию практик повседневного поведения индивидов.

Масштаб и недостаточная изученность на микроуровне влияния долговременных социокультурных факторов на правовую культуру – комплекс ценности, установок и поведенческих практик, – объясняет социально-практическую актуальность заявленной темы исследования: она непосредственно связана с укреплением ценности права для обеспечения становления в России правовой культуры, соответствующей государству правового типа.

В то же время заявленная тема обладает и научно-теоретической актуальностью в социологии культуры, поскольку позволяет рассматривать ограниченность функционирования правовых институтов и пассивность населения в сфере правовых практик с более высокой «точки обзора» – в контексте действия долгосрочных социокультурных факторов, воспроизводящих устойчивые поведенческие паттерны.

Степень научной разработанности темы исследования. Общий контекст изучения правовой культуры, определяющий методологические подходы к нему и ключевые концептуальные установки, сформировался в рамках отечественного и зарубежного правоведения и представлен трудами отечественных ученых-правоведов, таких как С.С. Алексеев, В.Г. Афанасьев, Я.И. Гилинский, В.А. Глазырин, М.И. Еникеев, В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсисянц, А.П. Окусов, Ю.В. Чуфаровский и др. В работах указанных авторов осуществлена концептуализация понятия «правовая культура» в предметном поле правоведения и в связи с базовыми для правоведения понятиями правосознания и правового поведения. Значительное внимание отечественных правоведов было уделено исследованию традиционного для российской ментальности феномена правового нигилизма и факторов его распространения в период системных институциональных реформ 1990-х годов; среди авторов работ, посвященных правовому нигилизму, следует упомянуть В.И. Гоймана, А.В. Колесникова, Н.И. Матузова, А.И. Новикова, И.Д. Невважая, Э.Ю. Соловьева, В.А. Туманова и др.

Исследование правовой культуры в дисциплинарном поле социологии культуры осуществляется в основном в последние десятилетия и в ракурсе, существенно отличном от того, который предлагает правоведение. Рассматривая правовую культуру не столько как понятие правоведческого ряда, сколько как одну из подсистем культуры, социология культуры исследует ее сквозь призму изучения ранга ценности права в иерархии ценностей общества, а также в контексте повседневных практик, применительно к которым правовая культура выступает как главный фактор

и критерий формирования массового «спроса на право», то есть востребованности обществом права как главного регулятора повседневных взаимодействий. Здесь необходимо отметить значимость для настоящего исследования классических социологических концепций культуры, разработанных Э. Дюркгеймом и М. Вебером, и веберовской традиции социологии культуры в широком смысле, в рамках которой для настоящего исследования можно выделить как особо значимые феноменологическую социологию, теорию социальных представлений, в частности, работы В. Вагнера, теорию полей и теорию габитусов П. Бурдьё, теорию фреймов И. Гофмана. Именно теория фреймов И. Гофмана является принципиальной методологической основой данного исследования, поскольку предоставляет наибольшие возможности для микросоциологического изучения состояния правовой культуры россиян сквозь призму ситуаций повседневного взаимодействия. Помимо работ И. Гофмана, ставших источником методологической рефлексии в первой главе диссертации, следует отметить посвященные теории фрейм-анализа теоретико-социологические исследования Г.С. Батыгина, В.С. Вахштайна, в которых дается анализ и интерпретация ее основных понятий. В некоторых работах В.А. Ядова и О.Н. Яницкого делаются актуальные в настоящее время попытки соединения методологии фрейм-анализа с макросоциологическими социокультурными концепциями, возможность и основания такого соединения применительно к исследованиям культуры рассматриваются О.И. Горяиновой.

В работах Н.Ф. Медушевской обосновывается необходимость обращения к исследованию неосознаваемых структур культурной ментальности россиян для понимания глубинных процессов, динамика которых определяет состояние правовой культуры населения и демонстрирует отличие ментальных оснований российского типа правовой культуры от соответствующих оснований западного. Именно в связи с неосознаваемостью глубинных установок, определяющих состояние и характеристики правовой культуры, для настоящего исследования являются

принципиально значимой разработанная П. Бурдые концепция габитусов, или неосознаваемых «укорененных структур», воспроизводящихся в поколениях и транслирующих те или иные поведенческие установки и культурные стереотипы.

Выявлением влияния неосознаваемых структур культурной ментальности россиян на состояние правовой культуры и правовое поведение продуктивно занимался в своих исследованиях М.Б. Смоленский. В некоторых филологических работах Н.А. Арутюновой рассматриваются когнитивно-лингвистические основания восприятия права в русскоязычной языковой картине мира в контексте семантики понятий «право», «правда» и «истина». Природу этикоцентризма, укорененного в структурах российской культурной ментальности, исследует А.В. Джоган в работе, посвященной русскому философскому языку. Влияние православной религиозности на формирование правовой ментальности россиян рассматривали С.С. Аверинцев, А.И. Ковлер. Проблемой культурной рецепции, в том числе рецепции отношения к праву и правопониманию, продуктивно занимались крупнейшие советские и российские культурологи – Ю.А. Лотман, Э.С. Маркарян, Б.А. Успенский.

Феномен правового нигилизма на российской почве исследуется такими авторами как А.П. Семитко, И.Д. Невважай, А.И. Новиков и др. В качестве одного из компонентов российской ментальности правовой нигилизм рассматривался отечественными правоведами, культурологами и социологами прошлого, в частности, А.Б. Венгеровым, Б.А. Кистяковским, и их концепции до сих пор не утратили актуального звучания. Влияние социальной и психологической аномии в России периода системных реформ на распространение нигилистического отношения к праву широко и в различных аспектах исследовано в масштабных работах того времени по социологии – таких авторов как Р.И. Капелюшников, И.М. Клямкин, В.В. Радаев, Р.В. Рывкина, Л.И. Тимофеев и др.

Проблемы трансформации правовой культуры в постсоветский период в рамках социокультурного анализа активно изучаются на Юге России, о чем свидетельствуют диссертационные исследования А.М. Гусаровой, Я.В. Зубовой, Л.Ю. Колюшкиной, В.В. Ковалева, А.П. Михайлова, И.А. Петрулевич, П.С. Самыгина, М.Б. Смоленского, Е.Г. Шурыгиной. Ряд диссертационных исследований по проблемам правового сознания и правовой культуры в последние годы были защищены Берзеговой С.И., Беречетовой Р.С., Картавцевым Д.А., Кукушкиной А.А., Муртазалиевым М.М., Михайлюк В.А. Однако все эти исследования выполнены в традициях макросоциологического подхода. В одном из немногочисленных современных отечественных исследований по социологии культуры, опирающихся на методологию фрейм-анализа, Н.А. Чухно выявил и показал специфику российского и советского юридического фрейма.

Реформирование в России правоохранительной системы, включая суды, актуализировало необходимость развития социологических эмпирико-правовых исследований. Первоначально они фокусировались на изучении опросов общественного мнения относительно уровня доверия судам и другим правоохранительным органам, готовности обращаться в суды, а также выявления места права в структуре ценностей общества. Это направление эмпирических исследований представлено во всех ведущих центрах опросов общественного мнения – «Левада-центр», Фонд общественного мнения (ФОМ), ВЦИОМ, Циркон и др. В последнее десятилетие благодаря доступности массива данных о работе судебных и правоохранительных органов стало возможным проводить эмпирико-социологические исследования, направленные на изучения влияния социальной структуры на поведение правоприменителей, выявление влияния корпоративной культуры на механизм расследования и принятия судебных решений; определение роли различных агентов юридического поля – полиции, следователей, прокуроров, адвокатов и судей в реализации правосудия. Все эти направления активно развиваются в Институте проблем

правоприменения, созданном в 2009 г. в составе Европейского университета в Санкт-Петербурге, такими исследователями как: В.В. Волков, А.В. Дмитриева, Е.В. Масловская. Э.Л. Панеях, К.Д. Титаев, М.С. Шклярчук и др. К этому направлению эмпирических исследований можно отнести работы Г.А. Сатарова, П.Х. Соломона, А.Е. Шаститко. Исследования специфики восприятия населением современных правоохранительных органов представлены коллективом кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета (работы Т.И. Афасижева, А.П., Жаде З.А., Михайлова, В.Н. Нехай).

Из приведенного обзора состояния разработанности темы исследования становится очевидным, что изучение социокультурных факторов состояния правовой культуры россиян сохраняет актуальность и социальную востребованность на протяжении длительного времени, осуществляется одновременными усилиями нескольких научных дисциплин что, соответственно, отражено в объемной и разнообразной исследовательской литературе. Тем не менее подобные исследования, как правило, осуществляются на макросоциологическом уровне, что, при всей значимости, не исчерпывает проблематики состояния правовой культуры, оставляя за гранью внимания область непосредственных повседневных взаимодействий, где, собственно, и проявляется реальная ценность права в восприятии россиян. Настоящее диссертационное исследование представляет собой попытку восполнения этого пробела, поскольку фокусируется именно на анализе повседневных взаимодействий.

Объектом исследования являются повседневные поведенческие и правоприменительные практики современных россиян.

Предмет исследования составляет нереплексивное влияние долговременных социокультурных факторов на состояние правовой культуры в контексте повседневных поведенческих и правоприменительных практик современных россиян.

Цель исследования состоит в выявлении нерелексивного влияния долговременных социокультурных факторов на мотивацию повседневных практик россиян, обуславливающего несоответствие наличного состояния правовой культуры россиян созданной институциональной структуре правового государства.

Указанная цель реализуется посредством последовательного решения следующих **задач**:

- систематизировать методологические подходы к изучению правовой культуры и обосновать необходимость привлечения микросоциологического подхода к изучению поставленной проблемы;

- разработать методологию исследования правовой культуры современных россиян на основе совмещения макросоциологического и микросоциологического подходов;

- выявить долгосрочные социокультурные факторы, определяющие формирование правовой культуры в России;

- определить влияние бюрократизации профессиональной деятельности различных агентов юридического поля на формирование правовой культуры правоохранителей и общества;

- показать роль современной массовой культуры, в частности, телевидения, как инструмента консервации этикоцентризма в оценке правовых ситуаций и выбора в них модели поведения;

- определить восприятие различными социальными группами (студенчеством и полицейскими) этикоцентризма, конструируемого массовым искусством, в оценке правовых ситуаций.

Гипотеза исследования. Эмпирические социолого-правовые исследования свидетельствуют о широкой распространенности иллегальных и криминальных практик, а, следовательно, о существовании значительного лага между состоянием формально-правовых институтов и реальной правовой культурой общества, которая характеризуется низким рангом ценности права и уклонением от правовых регуляторов. Указанное

несоответствие обусловлено нерелексивным влиянием долговременных социокультурных факторов, в силу которого россияне в повседневных практиках продолжают воспроизводить модели интерпретации правовых ситуаций в рамках этикоцентризма и правового нигилизма, а также бюрократической рациональности. Для приведения уровня правовой культуры в соответствие с состоянием правовых институтов общества необходимы культивирование ценности права и реорганизация системы взаимодействия основных акторов юридического поля на этом ценностном основании.

Теоретико-методологическая основа исследования предопределена поставленной целью и вытекающими из нее непосредственными задачами. Поскольку цель исследования ориентирует на выявление социокультурных факторов, влияние которых на состояние правовой культуры россиян и их восприятие ценности права имеет нерелексивный характер и может быть обнаружено на уровне повседневных взаимодействий, в качестве базовой методологии была избрана теория фреймов И. Гофмана – микросоциологическая концепция, позволяющая отслеживать то, как индивидуальные агенты повседневных взаимодействий интерпретируют частные правовые ситуации. В то же время изучение социокультурных факторов, обуславливающих наличный тип и уровень правовой культуры в России, требует использования и макросоциологических подходов в продуктивном методологическом синтезе с теорией фрейма. В качестве такого дополняющего подхода в работе использована социологическая концепция П. Бурдьё, в частности, такие ее компоненты как концепт габитусов – для обоснования нерелексивного характера действия социокультурных факторов, и теория полей для анализа с ее помощью состояния юридического поля в современной России. Важным методологическим моментом здесь является сама идея возможности такого синтеза теорий макро- и микроуровней, концептуализированная в некоторых работах В.А. Ядова и О.Н. Яницкого.

Существенным методологическим ориентиром для настоящего исследования послужили также некоторые идеи докторской диссертации М.Б. Смоленского, явившейся одной из первых теоретических работ, посвященных социокультурному исследованию правовой культуры россиян на основе социологической методологии П. Бурдьё.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических опросов населения по вопросам оценки деятельности и доверия к правоохранительным и судебным органам, которые проводились Левада-центром, ФОМ, ВЦИОМ. Наряду с ними, работа опирается также на эмпирические результаты изучения специфики функционирования органов МВД и судов, которые проводились коллективом Института правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, а также кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета на протяжении 2012-2016 гг.

В состав эмпирической базы диссертации входит также авторское пилотное исследование коллективных представлений населения и сотрудников правоохранительных органов, которое проводилось в два этапа. На первом этапе был проведен фрейм-анализ одного из эпизодов широко популярного телесериала «Глухарь». В этой продукции массового киноискусства представлена интерпретация поведенческих паттернов правоохранителей и граждан в типовых повседневных юридических ситуациях, транслируемая на массовую телеаудиторию.⁷ На втором этапе были проведены открытые групповые дискуссии, в которых обсуждались проблемы правовой культуры и соотношение в ней ценности права и справедливости, активно продвигаемой массовым кинопроизводством.

⁷ Доля зрительской аудитории этого телесериала достигала в годы его первого показа от 25 до 42% аудитории телеканала – Бородина А. "Глухарь" и "Большая разница" // Коммерсантъ: газета. – 30 сентября 2009. – № 181 (4236). – С. 6; Телерейтинги: «Глухарь» прибавил и в рейтинге, и в доле.NEWSru.com (28 июля 2010). (Дата обращения 1.02.2019).

⁸ Дискуссии были проведены среди студентов Южного федерального университета; Ростовского филиала Российской государственной академии правосудия; действующих сотрудников МВД – слушателей факультета первоначальной подготовки Краснодарского университета МВД. Всего было проведено 4 дискуссии, в которых участвовали 91 человек. В рамках этого исследования были проведены также экспертные интервью с бывшим руководителем городского управления МВД и одного из представителей управления регионального филиала Института повышения квалификации Следственного комитета РФ.

Настоящее исследование содержит следующие элементы **научной новизны**:

- обоснована эвристическая эффективность исследования наличного состояния правовой культуры на методологической основе теории фреймов, заключающаяся в возможности выявления и опознания неосознаваемых культурных кодов, способствующих занижению ценности права в повседневных практиках современных россиян;

- разработана методология исследования состояния правовой культуры современных россиян, основанная на сочетании макросоциологических парадигм социологии культуры и микросоциологической концепции фрейм-анализа, позволяющая вскрыть механизм актуализации укорененных в российской ментальности культурных кодов;

- выявлены макросоциальные факторы, способствующие актуализации нерефлексивных механизмов функционирования культурных кодов российской культуры, определяющих низкий ранг ценности права;

- определено влияние бюрократизации на профессиональную культуру всех агентов юридического поля, что проявляется в габитуализации тех норм, которые блокируют формирование правовой культуры, соответствующей

⁸ О методе дискуссий см.: Штейнберг И.Е., Шанин Т., Ковалев Е.М., Левинсок А.Г. Качественные методы. Полевых социологических исследованиях. – СПб.: Алетейя, 2009. С. 231-255.

правовому государству (обвинительный уклон в правосудии, отказ от реальной состязательности сторон в судебном процессе и др.);

- выделен смысл фреймирования юридических коллизий, который конструируется массовым кинематографом и адресуется широкой аудитории: укрепление этических рамок как более значимых в сравнении с правовыми для определения смысла криминальной ситуации;

- установлено влияние правовой образованности и опыта практической деятельности в правовой сфере на формирование правовой культуры, в частности, способности оценивать ситуацию в правовых рамках; а также в способности полицейских видеть в корпоративной культуре и чрезмерной регламентации фактор торможения применения правовых норм в соответствии с ценностью права.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социология культуры, традиционно стоящая на макросоциологических позициях, рассматривает правовую культуру как целостное ценностно-нормативное образование и на базе такого подхода оценивает ее состояние. Однако макросоциологический подход лишь ограниченно способен фиксировать сдвиги в ценностной мотивации повседневного поведения, в котором реализуется правовая культура на массовом уровне и которое определяет ее качественные характеристики. В этой связи актуальным представляется исследование состояния правовой культуры современных россиян на основе микросоциологического подхода, в частности, посредством фрейм-анализа, дающего возможность предложить наиболее реалистичский срез состояния правовой культуры через выявление динамики воспроизводства неререфлексивно укорененного культурного кода определения ситуаций повседневного взаимодействия

2. Методология исследования состояния правовой культуры современных россиян базируется на сочетании макросоциологического и микросоциологического уровней изучения и нацелена на выявление культурного кода, задающего на неререфлексивном уровне ограничения,

контурирующие в повседневном взаимодействии восприятие агентами частных правовых ситуаций. А также она включает определение истоков формирования и механизмов действия искомого культурного кода; исследование состояния юридического поля, способствующего консервации и периодической актуализации этого культурного кода; роли массовой культуры в формировании и трансляции нерелексивных ограничений, и характера их влияния на формирование ценности права.

3. Социокультурными факторами, определяющими содержательные характеристики правовой культуры россиян (низкий уровень ценности права; стремление обойти правовые нормы в регуляции поведения; не высокий уровень правовых знаний) являются мировоззренческий этикоцентризм и историко-культурная традиция бюрократизации юридического поля. Механизм влияния этикоцентризма на общественную ценность права состоит в том, что культивируется волюнтаристический произвол агента, окрашенный его эмоциональным восприятием и субъективным представлением о справедливости, освобождающий от действия права как формального регулятора и вытесняющий его из внутреннего пространства интерпретации агентом своей ситуации. Бюрократизация юридического поля, традиционная для России, противостоит рыночно-экономическому механизму регуляции поведения на основе равенства возможностей индивидов, и обеспечивает доминирование корпоративных интересов. Влияние обоих указанных факторов способствует консервации низкой ценности права в восприятии россиян.

4. Состояние и динамика развития правоохранительной системы России в постсоветский период свидетельствует о том, что, несмотря на созданную конституционную основу и проведенные реформы правовых институтов, так и не произошло становление суда самостоятельной ветвью власти, а другие правоохранительные органы, по-прежнему, продолжают выполнять лишь репрессивную функцию. Определяющую роль в торможении процессов формирования правовой культуры играет

воспроизводство историко-культурной традиции бюрократизации, захватившей юридическое поле. В нынешних условиях она обеспечивается утверждением иерархии его агентов, системой количественных показателей эффективности их деятельности; сохранение модели судопроизводства, при которой основной объем расследования происходит на стадии предварительного следствия; обеспечением доминирующей позиции в следственном и судебном процессах прокуратуры; рутинизацией труда и утверждением шаблонов в деятельности каждого из агентов юридического поля. Выделенные тенденции обуславливают переориентацию профессиональной культуры юристов с ценности права на организационно-бюрократические ценности, что препятствует утверждению ценности права в обществе и правовой мотивации в поведенческих практиках.

5. Современные производители массовой символической продукции создают образ положительного героя правоохранительных органов (следователя), который при оценке юридической коллизии руководствуется элементами культурного кода, в основе которого лежат три элемента: 1) необходимость соотнесения события с пониманием справедливости, главное содержание которой – служение на благо обществу, защита слабого, воздаяние людям по их делам; 2) восприятие права в качестве внешней необходимости по отношению к повседневной жизни, в рамках которой инструменты права являются не эффективными; 3) уверенность в том, что именно действия полицейских первичного предварительного расследования определяют эффективность реализации справедливости и наказания виновного. Тем самым, авторы массового культурного продукта, в первую очередь, телевизионного, транслирует этикоцентризм, ограничивающий на неререфлексивном уровне восприятие массовой аудиторией ситуации в правовых категориях.

6. Анализ групповых дискуссий среди студенчества и полицейских (сержантского состава работников МВД) показывает, что этикоцентричный фрейм интерпретации правовых ситуаций, который имеет архитипичный

характер и закреплён в классической русской литературе и массовой культуре постсоветского периода, в настоящее время воспринимается критически. Образ «справедливого» следователя, который берёт на себя ответственность разрешать правовую коллизию «по совести», переопределяя правовую ситуацию, и тем самым, превышая должностные полномочия, уже исчерпал себя. От правоохранительных органов ожидаются действия в соответствии с четким соблюдением юридических процедур, которые обеспечат соблюдение достижения закона, и этим – утверждение справедливости. Выявленная ситуация свидетельствует о росте правовой культуры общества.

Научно-теоретическая значимость исследования. Теоретические положения диссертационного исследования конкретизируют представления о тормозящем влиянии некоторых культурных традиций российского общества, обладающих инерционным и долгосрочным характером на формирование правовой культуры, соответствующей государству правового типа. Наряду с этим, проведенное исследование обогащает методологическую базу исследования правовой культуры привлечением методологических инструментов фрейм-анализа, концепции габитусов и юридического поля П. Бурдьё.

Практическое значение работы заключается в выявлении степени влияния бюрократизма на ограниченность функционирования правовых институтов, укреплении иерархических отношений в юридическом поле, что требует внесения корректив в оценку эффективности функционирования правоохранительных и судебных органов.

Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы высшими образовательными организациями для расширения правовой подготовки студентов, а также – при разработке учебных курсов «Социология права» и «Социология культуры» при подготовке студентов по направлениям «Социология», «Юриспруденция».

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта

специальностей ВАК РФ. Соответствует паспорту специальностей ВАК РФ 22.00.06 – социология культуры п. 11. Культурная коммуникация. Современные коммуникативные технологии и их влияние на духовную жизнь общества; п. 14. Культурная социализация и самоидентификация личности; п. 24. Правовая культура и соционормативная система регуляции общества.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на кафедре философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», а также на научно-практических конференциях:

- XIII научной конференции молодых ученых и аспирантов «Наука. Образование. Молодежь.» 8-9 февраля. Майкоп, 2016;

- VII международной научно-практической конференции 24 ноября – Ставрополь: АНО ВО СКСИ, 2017;

- XIV международной научной конференции молодых ученых и аспирантов «Наука. Образование. Молодежь.» Майкоп, 2018;

- всероссийской научно-практической конференции «Культурное пространство молодежи: смыслы и практики» 15-20 апреля. Ялта: ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2019.

Основные результаты исследования нашли отражение в 10 публикациях общим объемом 3,1 п.л., в том числе в 4 (1,6 п.л.) – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (включающих шесть параграфов), заключения, библиографического списка и приложения (программы групповых дискуссий, их стенограмм, стенограммы экспертных интервью).

Глава 1. Методологические проблемы исследования влияния социокультурных факторов на правовую культуру общества

1.1. Правовая культура российского общества в фокусе социологического анализа

Правовая культура может быть определена в нескольких аспектах. Прежде всего, необходимо рассматривать ее как компонент и производное культуры общества, социальной группы и конкретной личности, имеющий непосредственное отношение к праву. Согласно многочисленным устоявшимся определениям, представленным в правоведческой литературе, правовая культура представляет собой «комплекс регулятивов и ценностей, на основе которых строится реально существующий в стране правопорядок. Она выражается в правосознании людей, то есть их представлениях о том, каков должен быть этот порядок, и как следует относиться к действующей в государстве правовой системе». ⁹ То есть, под правовой культурой понимается относительно целостное образование, конституируемое мировоззрением акторов, их представлениями о характере социальной повседневности, значимости принципа долженствования в процессе осуществления социальных практик, иерархией социальных ценностей и местом в ней ценности права.

Такой подход к определению правовой культуры соответствует понятию правовой системы: «Правовую систему образуют в совокупности «три определяющих правовых явлений: писаное право, как система норм, юридическая практика, правовая идеология». ¹⁰ При этом юридическая практика включает в себя элементы правовой культуры – правоотношения, правовые учреждения, правовое поведение. «Выделение в составе правовой культуры юридической практики – показатель того, что право существует и функционирует в единстве и взаимодействии с компетентными

⁹ Гагин И.А. Правовая культура общества. Электронный ресурс:http://i-gagin.ru/content_art-28.html

¹⁰Алексеев С.С. Теория права. – М., 1995. С. 83.

государственными органами, которые призваны гарантировать проведение в жизнь юридических норм».¹¹

Как часть культуры – правовая культура должна рассматриваться прежде всего, как отрасль аксиологии общества, отражение его правовых ценностей и ранга ценности права в социальной системе ценностей. Ценностно-нормативная функция правовой культуры является одной из ее базовых социальных функций и состоит в обеспечении высокой ценности права в сознании общества и индивидуальных акторов, находясь в неразрывной связи с ее регулятивной и социализационной функциями, направленными на формирование внутренних, интериоризированных регуляторов социального поведения и внутреннего контроля. Таким образом, правовая культура является по преимуществу ценностно-нормативным образованием, более или менее гармонично встроенным в систему культуры социума.

В то же время правовая культура содержит в себе, помимо ценностно-нормативного, и когнитивный (знаниевый) компонент, что обусловлено рациональностью правовой регуляции и необходимостью освоения акторами совокупности правовых компетенций как когнитивной основы правосознания и правовой культуры. В силу этого формирование правовой культуры субъекта можно рассматривать и в значительной мере как когнитивный процесс, связанный с повышением общей осознанности действий и накоплением социальных и правовых знаний.

В качестве еще одного важнейшего компонента правовой культуры следует указать поведенческий компонент, отражающий способность общества и его отдельных акторов осуществлять свои социальные практики в русле их регламентированности правом, считаясь в своих действиях с ограничениями, налагаемыми существующим законодательством.

Однако здесь мы ставим своей задачей обзор имеющихся теоретико-методологических подходов, которыми может воспользоваться

¹¹ Алексеев, указ. соч. С. 85.

исследователь правовой культуры, работающий в предметном поле социологии. Если в правоведческом контексте понятием правовой культуры обычно оперируют в абстрактном ключе, рассматривая референт этого понятия как самостоятельный феномен из категории правовых, то социокультурный контекст исследования сразу задает иной аспект рассмотрения – с точки зрения вписанности правовой культуры и правопонимания в единый организм социетальной культуры и в процесс нормативного регулирования социальных практик. Социологический – прежде всего, социокультурный – ракурс изучения правовой культуры предполагает концентрацию исследовательского интереса на субъекте формирования и практической реализации правовой культуры.

Прежде всего, необходимо отметить, что правовая культура находится в единстве с правосознанием, и различие между этими близкими понятиями заключается, с нашей точки зрения, прежде всего в акцентах: как и любая культура, правовая культура имеет в своем основании систему ценностей на уровне как личности, так и общества, и способ социального регулирования и контроля поведения. Таким образом, правовая культура в теоретическом рассмотрении представляет собой ответвление единого комплекса культуры, вписана в своем развитии в динамику культуры общества и в своих содержательных параметрах отражает специфические характеристики конкретной культурной традиции. Исследование процесса формирования правовой культуры в предметном поле социологии может осуществляться посредством применения разнообразных методологических подходов, как классических, так и современных.

Одним из классических для социологии подходов к исследованию правовой культуры является функционализм Э. Дюркгейма. В соответствии с методологическими принципами функционализма базой феноменов культуры являются коллективные представления, сформированные обществом и осваиваемые индивидуальными акторами в процессе их социализации. Социализация осуществляет интроекцию этих представлений,

коллективных ценностей и норм в индивидуальное сознание. Методология исследования феноменов культуры, как и других проявлений социальной реальности, для Дюркгейма заключается в «овеществлении» исследуемого социального факта и выявлении его функций в обществе, поскольку всякий социальный факт является таковым в силу своей функциональной необходимости.¹²

Состояние права и степень уважения к нему в обществе, что, в сущности, и есть правовая культура, по мнению Дюркгейма, составляет важнейший индикатор уровня развитости коллективного сознания, позволяющий давать исследовательскую оценку социальным отношениям. Значимость правовых норм и приверженности к ним членов общества для социологического исследования Дюркгейм видит главным образом в постоянстве и «овеществленности» права, облегчающих исследование правовых феноменов как социальных фактов, свидетельствующих о состоянии социальных отношений.¹³

Однако большинство современных методологических подходов, имеющих потенциал исследования правовой культуры, имеют иной общий теоретический источник – социологию понимания, парадигмальные основы которой восходят к работам М. Вебера. В отличие от понимания культуры в функционализме Э. Дюркгейма, согласно которому господствующие в сообществе коллективные социальные представления становятся основой индивидуальных мотиваций благодаря процессу социализации, в ходе которой происходит интериоризация индивидуальным актором выработанных социумом готовых «смыслов» и «представлений», в понимающей парадигме источником целей и ценностей, мотивирующих социальное действие, является сам субъект, черпающий их из глубин собственного свободного самоопределения.

¹² Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с.

¹³ См. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. М., Юрайт. 2016.

Напомним, что генезис понимающей парадигмы в социологии связан с философским неокантианством, постулировавшим глубинное различие номотетического (естественнонаучного, открывающего законы объективного мира) и идеографического (гуманитарного) знания. Гуманитарное, в том числе историческое и социологическое знание, в этой парадигме предстает как исследование проявлений субъекта, свободно определяющегося в социальном действии, мотивированном ценностями и целями.

М. Вебер сформулировал и методологические ориентиры исследования феноменов права в рамках понимающей социологии. Он подчеркивал, что «социология в той мере, в какой «право» попадает в орбиту ее исследования, занимается не выявлением логически верного «объективного» содержания «правовых положений», а действиями, в качестве детерминантов и результатов которого могут, конечно, играть значительную роль – наряду с прочими факторами – представления людей о «смысле» и «значимости» определенных правовых положений»¹⁴. Из приведенной цитаты явствует, что правовая культура должна рассматриваться в социологическом анализе как продукт и одновременно комплексная культурная характеристика субъекта, самостоятельно формирующего ценностные и прагматические основания мотиваций социального действия. Таким субъектом может быть индивидуальный актор или социальная группа. Правовая культура в парадигме понимающей социологии также может быть рассмотрена как продукт самополагания социального субъекта, осуществляемого в интерпретативной деятельности по отношению к праву и в когнитивной деятельности по отношению к социальной среде осуществления своих повседневных практик, истолковывая закон и связывая свое истолкование с когнитивными схемами действия в обществе. Следовательно, исследуя процесс формирования правовой культуры, следует исходить из специфики предмета и использовать методологию, позволяющую проникнуть в сферу

¹⁴Вебер М. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. С. 508.

мотивационных установок субъекта. Согласно этим принципам, мотивации субъекта действия, если они остаются в рамках рациональности, определяются значимыми для него ценностями или прагматическими целевыми установками.

На базе парадигмальных установок понимающей социологии в ходе дальнейшего развития социологического знания возникли более современные исследовательские подходы, которые применимы и к изучению правовой культуры. Обращение к субъекту как создателю и носителю смысла, реализуемого в действии, требует привлечения к исследованию правовой культуры категории смыслообразования. Это дает основания обратиться к понятийному ряду феноменологической социологии, базирующей свои представления на тесной связи субъектности и смыслообразования. Феноменологический подход постулирует, вслед за Э. Гуссерлем и А. Шюцем, полагающую роль субъекта по отношению к миру объектов, а субъекта социальных практик – к объективным социальным структурам. Это проистекает из философских принципов феноменологии, согласно которым «смысл – это то, за что отвечает субъект, и источником чего, собственно, является субъект... Конституирование – это полагание бытия мира посредством смыслообразования».¹⁵ Иными словами, речь идет о смысловой оптике: формирующийся смысл образует специфическую среду восприятия социальной реальности: «смысл, смысловое пространство – это та среда, через которую мы смотрим, а не то, что мы видим в качестве предмета».¹⁶ Фундаментальная значимость смысловой оптики для явлений культуры очевидна, однако для изучения ее влияния необходимы специальные методологические приемы, позволяющие сделать конструируемый сознанием смысл видимым для исследователя, превратив его в предмет исследования. Если же идет речь о социальной реальности и

¹⁵Савин А.Э. Смыслообразование в свете феноменологической философии// Электронный философский журнал Vox / Голос: <http://vox-journal.org>
Выпуск 18 (июнь 2015).

¹⁶Там же.

социальном измерении смыслообразования, то здесь исследователь имеет дело со смыслами, конституирующими интерпретативную среду, в которой осуществляются практические социальные взаимодействия.

Исходя из этого, процесс формирования правовой культуры можно обоснованно рассматривать как процесс смыслообразования, в ходе которого закладывается или трансформируется смысловое пространство повседневных практик, создается или изменяется понимание акторами самих себя и собственных действий в контексте их отношения к праву как общественной ценности и социальному регулятору.

Однако при таком подходе возможны разные теоретические интерпретации этого процесса. Их различие заключается в понимании природы социального объекта, несмотря на то, что в целом в этом вопросе их объединяет генетическое родство. С точки зрения теории социального конструктивизма, имеющей в основе феноменологию, объективные структуры, с которыми субъекты-акторы сталкиваются в непосредственной практике, суть всецело субъективные конструкции, социальные представления, получающие в процессе конструирования онтологическую объективизацию. В этой логике объект предстает «как своего рода внутреннее видение».¹⁷ И это социальное представление конструируется в когнитивном процессе «как должное, как привычный умственный ландшафт, как онтологическая реальность».¹⁸ Конструирование социальных представлений, таким образом, равнозначно конструированию группами и акторами обладающего предсказуемостью и надежностью объективного мира, относительно которого можно на основе таких представлений формировать эффективные социальные ожидания.

¹⁷Wagner W. Queries about social representation and construction // Journal for the theory of social behaviour. 1996. V. 26. # 2. P. 95-120. С. 115. Цит. по: Емельянова Т.П. Социальное представление понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-88794.html>

¹⁸Ibbitt.

Таким образом, конструирование субъектом социальных представлений, претерпевающих объективацию, рассматривается феноменологической социологией и возникшей на ее методологической базе теории социального конструктивизма как когнитивная деятельность, построение социального знания. В рамках этого подхода правовая культура может рассматриваться как конструирующее самописание субъекта, в котором повседневные взаимодействия акторов регулируются на основе принципов рациональности, а именно – правом.

Неосознаваемый субъектом процесс конструирования объективизируемых представлений, согласно исследователям, не может рассматриваться в силу этого как преднамеренное действие. В. Вагнер предлагает в этой связи заменить понятие действия термином «событие», подчеркивающим не зависящий от сознательной воли акторов его характер: «Конструктивное событие – это такое событие, по ходу которого в мире нечто называется, снабжается атрибутами и ценностями и интегрируется в социально значимый мир. Это нечто становится социальным объектом только в групповой системе здравого смысла по ходу взаимодействий, в которых действующие лица, относящиеся к группе и разделяющие одно представление, в соответствии с тем, что является релевантным в данном контексте, принимают участие». ¹⁹ Совершающиеся в социальном мире события представляют собой производные неосознанного конструктивного творчества их участников, не определяющиеся их непосредственной волей, но создаваемые их участием в формирующемся с их участием культурном контексте. Таким образом, с точки зрения социального конструктивизма главной целью исследования является субъект и его конструирующая деятельность.

Другие методологические линии, тоже восходящие генетически к понимающей социологии, отличается от теории социального конструктивизма признанием определенной дуалистичности субъективного и

¹⁹Wagner W. S.110.

объективного как акцентов различия в единстве. Кроме того, акцент делается на плюрализме субъективных описаний реальности. Э. Гидденс, описывая процесс социальной структуризации, отмечает: «... Структура не существует независимо от знаний деятелей относительно того, что они делают в процессе повседневной деятельности. Субъекты деятельности всегда имеют представление о том, что делают: в виде некоторого описания, существующего на уровне дискурсивного анализа. Однако другие описания могут представлять их деятельность совершенно иным, незнакомым и непривычным, образом; и, кроме того, субъекты могут практически ничего не знать о многочисленных последствиях собственной деятельности»²⁰. Согласно Гидденсу, процесс структуризации двуедин и заключается в синхронном формировании социальных структур и субъективных описаний, посредством которых акторы выстраивают свои социальные ориентиры и ожидания.²¹

Аналогичная двойственность просматривается и в социологии П. Бурдьё, согласно которому социальные структуры формируются посредством габитуализации – закрепления дорефлексивных «укорененных структур», определяющих действия акторов. Согласно Бурдьё специфика габитусов в том, что они дорефлексивны, недоступны сознанию агента практики, но укоренены в глубинных слоях его субъективности. В габитусах закрепляются стратификационные различия, связанные с происхождением, условиями взросления, образованием и в целом культурным капиталом индивида, и тем самым габитусы суть инстанция, посредством которой осуществляется объективация социальных различий в виде социального неравенства. Но при этом габитус является устойчивым именно субъективным образованием. Дорефлексивный характер габитуальных структур делает возможным то, что, как пишет И. Маркова, «социальное окружение существует для людей как их онтологическая реальность...

²⁰Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 71-72.

Могущество таким предполагаемым онтологическим реалиям придается именно недостаточной осознанностью их существования людьми».²² Таким образом, подчеркивает Емельянова, процесс и продукт социального конструирования признаются неререфлексируемыми, т.е. бессознательными для самих действующих акторов. Однако эта неосознаваемая конструктивная деятельность осуществляется не с чистого листа, но на фундаменте долговременных и обладающих чрезвычайной силой воздействия на поведение людей фигур истории: «Бессознательное»... в действительности есть не что иное, как историческое забывание, произведенное самой историей при осуществлении объективных структур, которые она порождает в своих «квазинатурах» - габитусах. В этом качестве инкорпорированной истории, ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является; следовательно, он есть то, что придает практикам их относительную независимость по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего. Эта автономия прошлого действовавшего и деятельного, которое, функционируя как аккумулированный капитал, производит историю с незапамятных времен и обеспечивает таким образом непрерывность в изменении, которая делает индивидуального агента миром в мире. Габитус – спонтанность, не обладающая сознанием и волей – одинаково противопоставляет себя как механической необходимости, так и рефлексивной свободе...».²³

Основываясь на охарактеризованных выше подходах, мы можем рассматривать правовую культуру как комплекс социальных представлений, процесс формирования которых в значительной мере находится вне границ непосредственного сознания акторов. Будучи неосознаваемыми, эти представления, однако, приобретают мотивирующую силу, направляющую действия акторов помимо их осознанного целеполагания. Под

²² Цит. по: Емельянова Т.П. Социальное представление понятие и концепция: итогипоследнего десятилетия. – <http://rudocs.exdat.com/docs/index-88794.html>

²³ Бурдые П. Практический смысл. СПб., М., 2001. С.109.

неосознаваемым индивидуальными акторами влиянием габитусов они строят свои практики по соответствующим этому влиянию траекториям. Поэтому, отмечает Бурдьё, роль укорененных структур в формировании объективных структур социального поля чрезвычайно велика: «Институция... может быть завершённой и полностью жизнеспособной лишь тогда, когда устойчиво объективируется не только в предметах, т.е. в логике какого-либо отдельного поля, трансцендентной единичным агентам, но также и в телах, т.е. в устойчивой предрасположенности признавать и выполнять требования, присущие данному полю»²⁴. Иными словами, для жизнеспособности правовых институтов необходимо не только адекватное конфигурирование самих институтов, но и формирование «устойчивой предрасположенности» индивидуальных акторов к соблюдению правовых норм, высокой ценности для них права.

Значимость субъективных неосознаваемых представлений в качестве инстанций, конструирующих социальную реальность, признает И. Гофман, также продолжающий линию понимающей социологии. Однако социология Гофмана при этом находится на платформе интеракционизма и в фокусе его внимания находятся частные ситуации повседневного социального взаимодействия. Двойственность объективного и субъективного в социальном представлении, отмеченная и Гидденсом, и Бурдьё, в теории Гофмана приобретает вид принципиальной двусторонности любой социальной ситуации. Ситуация взаимодействия и объективна, поскольку воспринимается как объективная социальная реальность, и субъективна, так как одновременно дается субъектом в качестве определения (описания) ситуации, в которой он находится. Она же представляет собой и матрицу, задающую возможные в этих рамках события. Ситуация как единство ее объективной и субъективной составляющих есть фрейм –рамочная структура, конституирующая фрагмент социальной реальности. Рамочная структура фрейма ограничивает набор возможных интерпретаций событий

²⁴Бурдьё П. Практический смысл. СПб., М., 2001. С.112.

субъектом, т.е. является границей смыслообразования, обеспечивающей реалистичность субъективного понимания и поведения.

Таким образом, фрейм есть структура, ограничивающая и организующая переживаемый и интерпретируемый субъектом опыт повседневности в каждой эмпирической ситуации. И эта ограничительная роль фрейма осуществляется через адекватное определение акторами ситуации. Об этом говорит известная формула, которую исследователи называют «теоремой Гофмана»: «Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас».²⁵

Формирование фреймов, согласно Гофману, происходит непрерывно, так же как непрерывно возникновение бесчисленных ситуаций социального взаимодействия. Ситуации многообразны, как и определяющие их фреймы, однако само по себе фреймирование есть стереотипизация индивидуальных изменяющихся представлений о ситуации посредством выработки устойчивой формальной структуры понимания. По определению Грегори Бейтсона, философские идеи которого послужили концептуальной базой социологии Гофмана, «фрейм – это формальное определение ситуации, которое создается, «во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности в них»²⁶. Фрейм, как и габитус в социологической теории Бурдьё, нерелексивен и находится за пределами осознания актора. Но рамочная структура фрейма неосознанно определяет границы собственной свободы актора в процессе осмысления своей ситуации. Сам актер, по отношению к которому ситуация выглядит объективной и принуждающей к определенному выбору, мыслит и действует в рамках фрейма как неосознаваемой стереотипизированной формы ситуационного взаимодействия с другими. В этом смысле фрейм почти аналогичен габитусу

²⁵ Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья)//Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004. С.7.

²⁶ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004. С.71.

и определяет восприятие актором реальности, заставляя его вести себя соответственно этому восприятию. Фрейм, по замечанию В. Вахштайна, есть продукт структурного изоморфизма между социальной реальностью и когнитивными схемами ее интерпретации.²⁷

Здесь нужно подчеркнуть, что исследовательские ресурсы теории фреймов существенны. Фрейм-анализ позволяет исследовать не только внешний слой повседневности, но и ее внутренние, глубинные структуры, организующие социальный опыт. Согласно Гофману, «видение отличий (и сходства) в способах действия означает понимание хода событий <...> аналитические различия позволяют нам увидеть внутренние структуры»²⁸.

Первичные системы фреймов в концепции образуют глубинные неосознаваемые актерами кодовые пласты общего для них символического описания повседневности. Транслируемые в определениях ситуаций символические структуры, несущие в себе закодированную информацию о повседневности, образуют метакоммуникативную базу определения любой рутинной ситуации. Такие структуры, можно сказать, являются репрезентантами символической культуры сообщества в частных ситуациях взаимодействий. Эти коды, без которых невозможна коммуникация в рамках взаимодействия, в совокупности и организуют мир рутинных практик.

Рассматривая правовую культуру акторов сквозь призму повседневных ситуаций, в которых они участвуют, мы можем предположить, что первичная система фреймов задает общую рамочную структуру, определяющую границы понимания актора, и эти границы являются для него горизонтами его восприятия ситуации, самого себя в ней и характера осуществляемого взаимодействия.

Современные россияне разных поколений, социализация которых происходила в различных общественных условиях, в разные исторические

²⁷ Вахштайн В.С. Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 141-151.

²⁸ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.6. С. 682-683.

периоды и под влиянием различных социальных концепций и идеологем, несмотря на множественные различия в понимании происходящих социальных и политических процессов, как нам представляется, объединены в своей когнитивной деятельности неосознаваемым влиянием первичной системы фреймов, сформированной в долговременной исторической и социокультурной ретроспективе. Речь идет о воздействии факторов, определивших специфическое видение реальности социальных взаимодействий, вписывающее их в интерпретативно-оценочный контекст, задаваемый рамками первичных культурных инвариантов.

Нам представляется, что таким базовым инвариантом понимания социальной ценности права в российской традиционной культуре в течение долгого времени являлось представление о сниженном духовном потенциале правовой регуляции, отчужденности права как продукта социальной конвенции от сакральных истоков бытия человеческого сообщества, проявляющих свое воздействие главным образом через интроецированные нравственные критерии и ориентиры. Отсюда вытекает относительно низкий ранг ценности права в общественной системе ценностей. Право толкуется преимущественно как сфера договорных отношений, что определяет в контексте традиционной российской культуры невозможность достижения посредством применения правовой регуляции в обществе и каждой конкретной ситуации главенства безупречной и абсолютной справедливости.

В последние десятилетия исследователи неоднократно обращались к проблеме недостаточной эффективности правовой регуляции социальных практик в России в период системной трансформации институтов, когда в результате последовательно проводившихся всесторонних реформ, в том числе и в правовой сфере, были созданы оптимальные институциональные условия для повышения уровня правосознания и правовой культуры населения. Подобные исследования, как правило, выводят на необходимость специального социокультурного – социологического или культурологического – изучения глубинных культурных причин,

детерминирующих наличие существенных правовых девиаций в поведении россиян несмотря на сформированные для этого институциональные возможности. Так, например, наличие особого, традиционного для россиян типа правовой культуры и понимания ценности права отмечает Н.Ф. Медушевская: «...Нормальное функционирование системы права в любом государстве во многом обусловлено уровнем правовой культуры граждан, которая складывается из таких элементов, как осознание необходимости строгого выполнения законности, вера в право, глубина юридического образования и юридического мышления, развитость чувства права и законности. Для современной российской правовой культуры характерны особенности, отличающие ее от правовой культуры Запада».²⁹

Очевидные отличия, характеризующие правокультурные представления россиян, находят проявление в некотором устойчивом духе пренебрежения к праву, недоверии к государству и правоохранительным органам, легкости выбора неправовых поведенческих траекторий. Констатируя наличие таких особенностей правовой культуры россиян, которые могут быть однозначно оценены как негативные и препятствующие утверждению общества правового типа, Н.Ф. Медушевская пишет о необходимости для более глубокого понимания происходящих в настоящее время процессов обращения «к интеллектуально-духовным основаниям отечественного права», которое позволит объяснить, «почему для россиянина характерно упоение свободой без границ и вседозволенность, почему он стремится не исполнять закон, а обходить его всеми возможными способами, находя лазейки, которые приводят в изумление западного человека, понять те глубинные процессы, которые не лежат на поверхности, скрыты, но при этом составляют сущность права, проявляясь в той или иной форме в общественной жизни современности».³⁰

²⁹Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания Российского права. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М, 2010.

³⁰Вахштайн В.В. Памяти Ирвинга Гофмана...

Таким образом, применение фрейм-анализа и методологий, создаваемых на основе попыток синтеза фрейм-анализа с различными другими методологическими моделями, может быть эффективным в исследовании глубинных неосознаваемых структур организации повседневного опыта россиян в сфере правоотношения. Как уже было сказано выше, правовая культура, исследуемая под углом зрения понимающей социологии и, в частности, теории фреймов, выступает как первичная система фреймов, обрамляющая события и ситуации, связанные со взаимодействиями в сфере права. Такие ситуации субъективно-объективны и находят свое осуществление и разрешение в неосознаваемой внутренней логике субъективных интерпретаций, укорененных в этом общем контексте, первичной системе фреймов. Интерпретации остаются в границах, заданных системой фреймов, и сами по себе не обладают возможностью изменения, предполагающего выход за эти границы.

Однако фреймы имеют потенциал изменения. Характеризуя логику фрейм-аналитического исследования, В. Вахштайн подчеркивает, что внимание исследователя в ходе фрейм-анализа должно фокусироваться вокруг связи между определениями ситуации взаимодействия различными вовлеченными в него акторами и наблюдаемыми внешними характеристиками этого взаимодействия...Согласованное фреймирование взаимодействия делает его непроблематичным». ³¹ Проблематическим определение ситуации становится тогда, когда взаимодействие обнаруживает тенденцию «выпадения» за рамки фрейма, а проблематизация заключается в возникновении осознания неизоморфности наличного определения ситуации.

Исходя из этого, мы полагаем, что исследование правовой культуры современных россиян можно осуществлять с методологических позиций фрейм-анализа. Для отечественной социологии культуры, традиционно

³¹Вахштайн В. С. Анализ фреймов голосования. Эссе об организации электорального опыта. // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2.

стоящей на макросоциологических позициях, характерно изучение правовой культуры как целостного ценностно-нормативного образования, неразложимого на конкретные ситуации взаимодействия и трудно представимого в раздробленности на частные определения ситуации. Тем не менее, реальные практики социального взаимодействия составляют непосредственную ткань повседневности, и для того, чтобы приблизиться к адекватному знанию о повседневности, необходимо рассматривать ее на уровне микросоциальных ситуаций. Исследуя ситуации с точки зрения теории фреймов, мы имеем возможность выделить некие реально работающие, но недоступные пониманию на макросоциологическом уровне укоренившиеся в среде взаимодействующих акторов парадигмальные образцы, под которые они подстраивают свое поведение и которые транслируют в процессе коммуникации: «Повседневная жизнь, сама по себе достаточно реальная, довольно часто оказывается многослойным отображением некоего образца или модели».³² Такие образцы и составляют, как нам представляется, наиболее реалистический срез правовой культуры, и при этом – ее глубинный срез. Поворот к исследованию повседневных интеракций, демонстрируемый современной социологией, мотивируется тем, что, по словам И. Гофмана, «...рутинную деятельность надо воспринимать со всей серьезностью - как часть реальности, которая имеет первостепенное значение».³³

На наш взгляд, использование фрейм-анализа для социологического изучения правовой культуры может быть обоснованным и эвристичным, поскольку именно выявление и опознание таких неосознаваемых глубинных парадигмальных образцов определения ситуаций повседневности может способствовать выяснению того, что препятствует утверждению высокой ценности права в повседневных практиках современных россиян.

³²Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.6. С. 679.

³³Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 677.

1.2. Методология фрейм-анализа ценности права в структуре поведенческих практик

Исследование состояния правовой культуры современного российского общества с применением фрейм-анализа предполагает разработку специальной методологии, предназначенной адресно для этой цели. Необходимость применения фрейм-анализа к изучению данной темы, как уже подчеркивалось выше, вытекает из признания того факта, что в период системных реформ российское общество столкнулось с неожиданными трудностями в области строительства правового государства с верховенством закона и высоким уровнем правосознания граждан. Реформирование правовой сферы закономерно для периодов трансформации запаздывало по сравнению с темпами институциональных реформ других областей общественной жизни. Ослабление функциональных возможностей прежних правовых институтов, несоответствие прежней законодательной базы изменившимся реалиям повседневности привело к распространению правового нигилизма, коррупции и криминальных форм поведения в беспрецедентных масштабах. Нам представляется, что культурной основой этих явлений стало социокультурное наследие исторического прошлого и прежде всего – дорефлексивные ограничения самоосознания социальных агентов в определении ситуаций повседневного взаимодействия.

Современный период в жизни российского общества достаточно отличается от первоначального периода системных реформ. Если начальный период можно с полным основанием охарактеризовать как преимущественно период ломки старых институциональных структур, вторжения и закрепления непривычных для россиян ценностей и когнитивных паттернов интерпретации, то в настоящее время мы можем наблюдать конструирование и апробирование новых схем и установок, траекторий повседневной практики. В этом обновляющемся социальном контексте фундаментальную значимость имеет задача преодоления противоправных,

правонигилистических тенденций мировоззрения и практики, привычно обозначаемых в массовом сознании как «беспредел девяностых» или «лихие девяностые». Речь идет о смене мировоззренческих установок в отношении права и качественном изменении состояния правовой культуры рядовых акторов. Мы полагаем, что сложность задачи здесь определяется в основном влиянием культурно обусловленных ограничений правосознания. Такие ограничения остаются дорефлексивными и в силу этого не могут быть преодолены посредством убеждения, пропаганды и распространения правовых знаний, внедрения в массовое сознание идеологием, ориентирующих на высокую ценность права и его эффективность в качестве регулирующей инстанции. Внутреннее согласие акторов с подобными идеологическими постулатами, даже если оно совершенно искренне, остается поверхностным именно потому, что такой постулат воспринимается субъектом как пришедшая извне рассудочно обоснованная данность, не затрагивающая того глубинного уровня личности, где формируются неосознаваемые мотивации. Однако именно тот глубинный уровень является источником видения агентом своей ситуации такой, какой он ее видит, с привычными социальными интерпретациями, изменить которые он бессилён.

Исследование правовой культуры современных россиян в предметном поле социологии, как нам представляется, будет продуктивным при совмещении ряда методологий, единых в том, что они исходят из приоритетной значимости дорефлексивных социокультурных оснований повседневных взаимодействий. Это комплекс методологий, генетически восходящих к понимающей социологии М. Вебера и требующих принципиального сосредоточения исследователя на субъекте и его мотивациях, целях, ценностях, когнитивных паттернах, социальных представлениях, интерпретациях. Мы полагаем, что эти методологии, имея общий исток, совместимы в рамках одного и того же исследования, и их следует использовать именно в комплексе, поскольку специфика квалификационной работы предполагает обязательное освещение

макросоциологического контекста, а для этого нужны обеспечивающие такой контекст методологические подходы. Таким образом, методологической базой настоящего исследования должен быть комплекс концептуальных подходов, работающих на принципах понимающей социологии, а именно – теория социальных представлений, концепция габитусов П. Бурдьё и фрейм-анализ.

Первые два компонента методологического комплекса необходимы главным образом, чтобы восполнить недостающие элементы макросоциологического анализа и обеспечить полноту рассмотрения того, что в терминологии фрейм-анализа получило название «первичной системы фреймов». Нам представляется, что доступ к его исследованию может осуществляться как исследование неосознаваемых интерпретативных паттернов, лежащих в основе определения частной ситуации. Эти паттерны можно сопоставить с габитусами в концепции П. Бурдьё, согласно которому габитус есть «... система схем восприятия и оценивания, ... когнитивные и развивающиеся структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла»³⁴.

Однако в отличие от П. Бурдьё, в методологии которого существенную роль играл классовый подход, предполагающий исследование стратификационно обусловленных различий габитусов, основоположник фрейм-анализа И. Гофман ориентирует свою методологию на исследование

³⁴ Цит. по: Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002. С.62-63.

состояния целого (социума) через анализ индивидуального: «Мое внимание сосредоточено не на структуре социальной жизни, а на структуре индивидуального опыта. Лично я полагаю общество первичным во всех отношениях, а любое участие в нем индивидов – вторичным, поэтому в данной работе рассматриваются исключительно объекты второго порядка.... Развиваемый здесь подход не улавливает разницы между благополучными и обездоленными классами и, можно сказать, отвлекает внимание от подобных вопросов»³⁵. Таким образом, микросоциологическая направленность фрейм-анализа не противоположна макросоциологическим исследованиям, как представляется поверхностному взгляду, а характеризует изучение повседневных взаимодействий скорее, как рассмотрение макросоциальных феноменов сквозь призму преломления их в индивидуальных повседневных взаимодействиях. Как подчеркивает И. Гофман, в определении ситуации индивидуальными агентами всегда просматривается то общее, присущее социетальной культуре, неосознаваемое понимание, которое характерно именно для данной культуры. Поэтому нам представляется, что использование в методологии исследования фрейм-анализа не уводит в микросоциологическую перспективу, а позволяет увидеть благодаря более пристальному рассмотрению те характеристики социума, которые сложно опознать в зеркале макросоциологических концепций.

Необходимо отметить, что в российской социологической науке к настоящему времени очень незначительно используется теоретический ресурс теории фреймов, и очень мало число работ, в которых он применяется к исследованию повседневности. Российская социология по преимуществу сохраняет макросоциологические установки, в чем, возможно, демонстрирует сохраняющуюся инерцию, заложенную в период доминирования марксистской версии макросоциологии. Тем не менее, насущность разрешения дилеммы «микро» и «макро» в социологии давно назрела, что признают современные теоретики. Например, Б. Латур,

³⁵Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта.

подвергая критике эти крайности, пишет: «...Понятие локального взаимодействия так же малореалистично, как и понятие глобальной структуры».³⁶ Необходимость разрешения традиционной дилеммы осознают и отечественные социологи. На это указывал, в частности, В. А. Ядов, отмечающий тенденцию к методологической интеграции макросоциологического подхода и исследований взаимодействий повседневности, свидетельствуя о введении в современный научный оборот «миксметодологии», объединяющей элементы и того, и другого.³⁷ В качестве возможного связующего звена в этом контексте упоминается и теория фреймов.³⁸ Исследовательская группа под руководством В.А. Ядова осуществила успешную попытку такого методологического «микса» фрейм-анализа с макросоциологическими теориями.³⁹

Специфика теории фреймов определяется тем, что она позволяет увидеть частную ситуацию как реальную данность повседневности, конкретную интерактивную реальность, которая исчезает, как только исчерпывается конкретное взаимодействие. Однако генетическая преемственность Гофмана и понимающей социологии находит проявление в том, что для Гофмана формирование фреймов, обладающих непродолжительным существованием, имеет основание в некоем идеальнотипическом прообразе, общем для множества частных ситуаций взаимодействия и определяемом господствующей культурой.

³⁶Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С.283.

³⁷Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. (Последам дискуссий при разработке исследовательского проекта) // Официальный сайт ИС РАН.2011. [электронный ресурс]. иЯб: <http://www.lsras.ru/publ.html?id=2024> С. 149.

³⁸Ядов В.А. К дискуссии о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 128-130.

³⁹ Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / Под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. Москва, 2010.

Напомним, что в теории Гофмана фреймы дифференцируются на первичные и вторичные системы.⁴⁰ Под первичной системой фреймов понимаются «культурные инварианты, устойчивые во времени базовые образцы опыта социальной группы», зафиксированные культурой: «Они конституируют центральный элемент культуры, порождают образцы человеческого понимания».⁴¹ Как отмечает О.И. Горяинова, на основе таких инвариантных культурных образцов формируются вторичные системы фреймов, которыми оперируют индивидуальные акторы в повседневных взаимодействиях. Культура в ее диахронных измерениях есть среда, обеспечивающая акторов идеально-типическими конструкциями, образующими базу конструирования фрейма.

Другой отечественный исследователь О.Н. Яницкий также делает попытку соединить фрейм-анализ и социокультурные исследования. Он рассматривает фрейм как своего рода опосредующее звено, соединяющее когнитивный схематизм и культуру. В понимании Яницкого фрейм представляет собой доминирующий коллективный взгляд на мир, рамки которого могут и осознанно задаваться идеологами социальных движений.⁴² Ссылаясь на работу Д. Сноу и Р. Бедфорда, Яницкий трактует фрейм как когнитивную схему, обеспечивающую упрощенную интерпретацию социальной действительности посредством выборочного акцентирования и специфического кодирования «объектов, опыта и последовательности действий в среде их прошлого и настоящего обитания».⁴³ Фреймы могут быть как главным (доминирующим), так и ситуационными, и прогностическими (интерпретирующими еще не наступившее будущее). При

⁴⁰ Горяинова О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания // Культурологический журнал. 2010. № 1. [электронный ресурс]. иКБ: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2011_11_37_11_1297931831.pdf

⁴¹ Горяинова, указ. соч. .

⁴² Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга [электронный ресурс]. иКБ: http://www.ssa-rss.ru/Index.php?page_id=19&ld=464

⁴³ Snow, D. and R. Benford, 1992. Master Frames and Cycles of Protest pp.133-53, in Morris A and C. Mueller, eds. *Frontiers in Social Movement theory*. London: YaleUniversityPress.

этом они непосредственно коррелируют с базовыми компонентами культуры – коллективными ценностями и целями. Роль фрейма здесь заключается в «стабилизации» когнитивного процесса посредством наложения на него рамок упрощающей интерпретации. Будучи, таким образом, частью конституирования культуры, фрейм обретает устойчивость и поддерживает стабильность восприятия мира как уже осмысленного и оцененного культурой. Вписанные в культуру и закрепившиеся в ней фреймы тормозят процессы изменения и реформ, но показавшие свою способность продержаться длительный срок инновации могут инкорпорироваться в культуру в качестве новых социальных норм, а затем превратиться в долговременные коды культуры.

Закрепленные на неосознаваемом уровне коллективные представления о высокой или заниженной ценности права как базового регулятора социальных взаимодействий, составляющие содержание правовой культуры, образуют идеально-типическую рамочную структуру, в границах которой формируются и находят частное выражение осознанные интерпретации акторов, вовлеченных в ситуации взаимодействия. Нам представляется, что наличие таких неосознаваемых границ может рассматриваться как главный фактор, влияющий на эффективность правовых регуляторов в среде акторов, смысловая оптика которых определена идеально-типическими рамками.

Исследуя ситуацию взаимодействия как юридический фрейм, необходимо также ставить своей задачей выявление характеристик реального понимания агентами ситуации взаимодействия. Такая задача обусловлена тем фактом, что, как подчеркивает Чухно, «в ходе социальных практик постоянно имеет место расхождение (а часто, и противоречие) установленных позитивных правил взаимодействия и реальных стратегий поведения акторов».⁴⁴

Необходимо выяснить, чем обеспечивается это расхождение, то есть выяснить, как возможно переинтерпретировать юридическую ситуацию

⁴⁴ЧухноН.А. Генезис и структура юридического фрейма. // Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону. 2005.<http://cheloveknauka.com/genezis-i-struktura-yuridicheskogo-freyma>

таким образом, чтобы она понималась как преимущественно нравственная коллизия, разрешение которой было бы осуществимо вне пределов компетенции права.

Основой правовой культуры является степень осознания субъектом высокой ценности права как самодостаточной рациональной системы социальной регуляции, функционирование которой осуществляется на базе формализованных критериев и норм, важнейшей характеристикой которых выступает их общезначимость для всех лиц, независимо от их социального или имущественного статуса, возраста, пола, национальной принадлежности.

Этим право радикально отличается от других социальных регуляторов, в частности, морально-этических, которые действуют в современной культуре в условиях снижения эффективности моральных санкций. Как показали исследования, современное российское общество демонстрирует снижение нравственных требований к человеку и его повседневному поведению, что свидетельствует об ослаблении моральной регуляции последнего. Массовое сознание россиян демонстрирует тенденцию к моральному обоснованию вседозволенности в условиях конфликта между широко распространившимися достигательными и потребительскими ценностями, и традиционной для российской культуры этики самоограничения. Парадокс этого положения заключается в том, что уровень моральной требовательности населения к характеру повседневных практик существенно снизился, но в то же время этикоцентрический тип правовой культуры, ориентирующий на справедливость вместо законности, сохраняется, поскольку обусловлен действием долговременных кодов российской культуры.

Указанное противоречие, как нам представляется, находит выражение в неосознаваемых коллективных представлениях россиян, являющихся интерпретативной базой их правовой культуры.

Мы полагаем, что представления современного среднестатистического россиянина о праве и его реальной регулятивной роли в обществе заключают

в себе противоречие. На уровне поверхностных воспринятых когнитивных представлений осознается необходимость важнейшей значимости права в современном обществе, насущная потребность общества и граждан в эффективной формально-правовой регуляции повседневных взаимодействий, важность повышения правовой культуры и правовой компетентности агентов взаимодействия.

В то же время эти представления носят неглубокий и декларативный, местами даже осознанно презентационный характер. Это связано с существующим в современном российском обществе лагом между утратившими реальную эффективность в качестве регуляторов ценностями и нормами, и не коррелирующими с ними практическими нормами повседневного взаимодействия. В силу этого лага агенты обладают на нерелексивном или также и релексивном уровне пониманием того, что в сфере повседневных социальных взаимодействий право не выступает реальной ценностью – не обеспечивается соответствующим значимым отношением, а также не обладает реальной безусловной эффективностью как реальный социальный регулятор. Оно, с другой стороны, может быть эффективным в качестве регулятора при наличии определенных специальных условий, однако этого не достаточно для того, чтобы рядовые агенты социальных взаимодействий воспринимали право, закон как действительно эффективный регулятор, который следует всегда принимать в расчет в повседневных взаимодействиях. Характеризуя сложившийся социальный контекст повседневных взаимодействий, Е.В. Красавина пишет: «Институциональная среда современного транзитивного российского общества уже длительное время характеризуется слабостью формальных регулирующих социальные практики институтов и институционализацией неформальных (теневых) траекторий обменных взаимодействий. Повседневные практики регулируются неформальными правилами игры и представляют собой не ограниченные институционально иллегальные обмены, прикрытые презентационным соблюдением формальных норм. При

этом теневой порядок оказывается несравненно более эффективным регулятором повседневных практик, так как базируется на логике прямого обмена благами и статусами. Официальный же порядок и его институты оказываются обесцененными и избыточными на практике». ⁴⁵ Описанное положение дел придает презентационный характер и правовой культуре, что выражается в том, что правомерное поведение в повседневных ситуациях не только не является социально премированным, но и постоянно обесценивается востребованностью и вознаграждаемостью в ситуационных взаимодействиях лиц с низкой правовой культурой, легко практикующих иллегальные обмены. Однако условием поддержания среды неформальных обменных взаимодействий остается наличие имитационно-презентативного компонента, который обеспечивает официальный «фасад» институционализированных практик. Важную часть этого «фасада» составляет право и презентационное правомерное поведение, связанное с принятием официальных правовых норм.

Таким образом, реальная ценность права в обществе может оставаться низкой, и это находит проявление в повседневных взаимодействиях, когда агенты определяют свою ситуацию как подлежащую регуляции посредством неформальных правил («по понятиям»), но обретающую социальное оправдание в терминах этики («по справедливости»). Своеобразие такого правопонимания в действительности во многом сходно с коллективными представлениями, вызревшими в недрах криминальной субкультуры, когда «понятия» составляют неписанный кодекс, репрезентирующий именно «справедливость». О распространении в некриминальной среде психологии и языка, прежде присущих криминальному миру и составлявших его отличительную особенность, много говорилось и писалось в девяностые годы в контексте исследований характерного для начального периода реформ

⁴⁵ Красавина Е.В. Молодежь в социальном пространстве современной России: имитационный механизм социальной адаптации. Дисс. на соискание ученой степени доктора социол. наук по спец. 22.00.06. -социология культуры. Майкоп. 2013. С. 27.

ослабления правовых институтов. Этот немаловажный факт свидетельствует о формировании специфической коммуникативной однородности, проявляющейся на уровне повседневных взаимодействий. О необходимости такой однородности применительно к классовым габитусам писал П. Бурдьё: «Однородность габитусов, наблюдающаяся в границах одного класса условий существования и социальных детерминаций, есть то, что делает практики и произведения непосредственно понятными и предсказуемыми, а следовательно, воспринимаемыми как очевидные и сами собой разумеющиеся. Габитус позволяет экономить на интенции не только при производстве, но и при расшифровке практик и произведений. Автоматические и безличностные, обозначающие без намерения обозначать, рядовые практики представляются пониманию не менее автоматическому и безличностному... «Коммуникация сознаний» предполагает общность «бессознаний» (т.е. языковой и культурной компетенции)»⁴⁶. Коммуникативная однородность, общность понимания реальности и понятность агентам вне зависимости от наличия у них осознанной концептуализации ситуации, порождает общность траекторий, по которым строятся взаимодействия, а в терминологии фрейм-анализа – общность стандартов определения ситуации.

Бытование представлений о справедливости, в которых она предстает как высочайшая социальная ценность, несравнимо более высоко ранжируемая, чем право и правопослушность, в условиях российских системных реформ оказалось фактором распространения правового нигилизма и элементов криминальной субкультуры на все слои общества. Иными словами, оно стало фактором еще большего снижения социальной ценности права. Соответственно этому и уровень правовой культуры, будучи изначально невысоким, снизился еще больше. Иными словами, возникли дополнительные социальные и культурные предпосылки для переопределения юридической ситуации.

⁴⁶ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., М., 2001. С.113.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что наличное состояние правовой культуры в современном российском обществе связано с текущими культурными процессами. В контексте осуществления системных реформ происходило и происходит не только преобразование экономических и правовых институтов, но и взаимодействие двух разных типов культуры. Исследователи подчеркивают, что «в переходные и кризисные периоды жизни общества происходит относительная, иногда очень значительная фактическая десакрализация прежних культурных ценностей и норм, сопровождаемая ослаблением эффективности социализирующих институтов». ⁴⁷ Рыночная экономика и ее институты коррелируют с прагматическим типом культуры и требуют для эффективного осуществления рыночных отношений соответствующего прагматической культуре принципа организации повседневных взаимодействий. Это принципы обмена и рационального выбора модели поведения. Согласно теории рационального выбора, ситуация противостояния социальных и экономических интересов кланов и групп побуждает агентов совершать выбор в пользу следования социальным нормам, в первую очередь правовым. К этому побуждает рациональный выбор наиболее продуктивной и безопасной стратегии поведения. Такой выбор участники социального взаимодействия совершают во имя собственной успешности, а не во имя неких почитаемых ими сакральных ценностей. Ценность права в прагматической культуре современных развитых обществ, до некоторой степени сакрализованная благодаря ее давней укорененности в культуре западного мира, восходящей генетически к культуре Древнего Рима, где право занимало важнейшее место, тем не менее органично вписана и в прагматический фундамент повседневности. Таким образом, в культуре западного мира символический и прагматический компоненты организации

⁴⁷ Красавина Е.В. Молодежь в социальном пространстве современной России: имитационный механизм социальной адаптации. Дисс. на соискание ученой степени доктора социол. наук по спец. 22.00.06. -социология культуры. Майкоп. 2013. С. 98.

повседневности находятся в состоянии баланса, которым и обеспечивается высокий уровень правовой культуры населения.

В отличие от западной культуры, в культуре современного российского общества мы можем констатировать отсутствие такого баланса. Традиционная символическая культура, сакральное ядро которой образуют, как сказано выше, духовные ценности православия, этикоцентрична и надрациональна в своих ориентациях. Советская культура тоже наследовала в трансформированном и секуляризованном виде ценности символического типа. Но в процессе системных реформ, направленных на переход к экономике, основанной на рыночных механизмах, возник запрос на прагматическую модель культуры и произошло вторжение в социокультурное пространство российского общества индивидуалистических ценностей и образцов.

Рыночная экономика и формирование многочисленного материально обеспеченного среднего класса, класса собственников, объективно является фактором поддержания правовой культуры на достаточно высоком уровне. Собственникам необходима гарантированная правовая защита собственности, и потому они прагматически заинтересованы в повышении правовой культуры и социальная ценность права для них является высокой. Однако спецификой российской социально-экономической ситуации стало наличие массы «работающих бедных», имеющих низкий доход, не позволяющий им обладать более или менее значительной в условиях рынка собственностью. Эта категория населения сохраняет объективную заинтересованность в перераспределении доходов, что способствует консервации и закреплению традиционных для россиян представлений о несовпадении права и справедливости.

Еще одним фактором такого рода является сохранение сословно-корпоративной бюрократической системы, препятствующей как становлению полноценной регуляции экономики рыночными механизмами, так и формированию прагматических оснований повышения правовой

культуры. Это положение поддерживается противоречием, охарактеризованным Красавиной: «Рыночно-экономический компонент создает иллюзию равенства возможностей и видимость наличия в обществе механизмов ее реализации. Кроме того, он способствует формированию и распространению достижительных мотиваций, прежде всего по отношению к материальному достатку, повышает ранг материальных ценностей, превращая их в универсальный критерий жизненного успеха. Но сословно-корпоративный компонент порождает препятствия для развития свободного рынка, поддерживая привилегии и статусы бюрократии, сохраняя закрытость каналов социального восхождения для молодых людей из базового и низшего слоев, видящих единственно важную жизненную цель в достижении высокого достатка и статусных позиций, но не имеющих открытых социально приемлемых каналов для ее реализации».⁴⁸ Осознание активной частью населения иллюзорности представления о равенстве возможностей, наличие в обществе сильной корпоративно-бюрократической системы, способной оказывать в своих клановых интересах влияние не только на экономику, но и на правосудие, влечет за собой социальную резиньяцию, снижает доверие к правоохранительным структурам и суду, приводит к актуализации долговременных культурных стереотипов в части нигилистического отношения к праву.

Несмотря на то, что указанные обстоятельства объективны и действительно выступают препятствием для реализации социально-статусных амбиций и представлений о материальном благополучии, сами по себе, без культурных оснований они не могут быть самодостаточным фактором придания отношению россиян к праву нигилистической окраски. Такая окраска, на наш взгляд, является продуктом осуществляющегося на базе долговременно действующих культурных предпосылок (первичной

⁴⁸Красавина Е.В. Указ.соч. С.29.

системы фреймов) переопределения ситуации. В российской культуре, как мы показали выше, существует культурный код такого переопределения,

В то же время необходимо выяснить, как именно действие указанного культурного кода реализуется на уровне осознанного определения ситуации в частных взаимодействиях у агентов, различающихся по социальному статусу, профессии, образованию и ролевой позиции по отношению к праву. Нам представляется, что специфика переопределения различна у репрезентантов различных категорий агентов, и прежде всего – у работников правоохранительных структур и рядовых граждан, у взрослых людей и молодежи. Для выяснения этого следует осуществить анализ мотиваций того или иного определения юридической ситуации работниками правоохранительных органов, а также мотиваций рядовых граждан, определяющих ситуацию, связанную с правом, посредством «взгляда со стороны».

Интерес представляет также оценка россиянами наличного состояния правовой культуры в российском обществе, а также определение ими причин недостаточной эффективности изменений в ее состоянии в ходе социальной и экономической стабилизации общества.

Сделаем необходимые выводы. Итак, методология настоящего исследования предполагает рассмотрение состояния правовой культуры современных россиян посредством выявления неосознаваемых культурных границ, контурирующих агентами взаимодействия ситуации как юридической. Эта цель может быть достигнута, как нам представляется, на основе совмещения ряда методологических подходов, объединенных общностью теоретического генезиса и позволяющих выявлять и исследовать культурные коды, обеспечивающие нерефлексивное переопределение юридической ситуации в ситуацию морально-этического выбора. Такими подходами являются теоретические методологии, возникшие в рамках парадигмы понимающей социологии, которая делает принципиальный акцент не на институциональных структурах, а на культурных, социальных,

ментальных параметрах субъекта социального действия или агента социальной интеракции. Разрабатываемая нами методология базируется главным образом на теории фрейм-анализа, поскольку исследование направлено на выявление нерелексивных ограничителей культурного восприятия, определяющего специфику коллективных представлений россиян, на уровне индивидуального определения ситуации.

Тем не менее, микросоциологический характер методологии фрейм-анализа ограничивает возможность построения на его базе концептуальных выводов, и потому в методологию включены элементы других подходов, родственных понимающей парадигме, но имеющих макросоциологическую перспективу, прежде всего, социокультурного подхода и теории габитусов П. Бурдьё.

Методология настоящего исследования ориентирует на макросоциологическую концептуализацию (в предметном поле социологии культуры) влияния на состояние правовой культуры россиян неосознаваемых ограничений, создаваемых укорененным в российской ментальности культурным кодом.

Глава 2. Долговременные социокультурные факторы формирования правовой культуры россиян

2.1. Нереплексивное влияние культурного кода: ценность права

Обращаясь к изучению первичного рамочного контекста, в границах которого формировалось и вызревало отношение россиян к праву, необходимо прежде всего отметить, что этот контекст органично включал в себя целый ряд культурных компонентов, среди которых можно назвать традиционную для российской культуры систему ценностей, лингвистические особенности, послужившие фактором формирования особенной когнитивной картины мира, влияние православной религиозности, а также влияние культурных травм, вызванных трагическими событиями российской истории, имевшими место на протяжении последних веков. Попытаемся последовательно проанализировать каждый из перечисленных компонентов и показать, каковы истоки и характер их формирующего воздействия на состояние правовой культуры и отношение к праву.

Состояние правовой культуры и ее типологические характеристики, как убедительно показал М.Б. Смоленский, определяются «по аксиологическому критерию, в зависимости от субординации в системе социального регулирования по степени ценности различных нормативных регуляторов в их соотнесенности с правом».⁴⁹ Разделяя эту позицию, мы должны подчеркнуть, что также видим критерий состояния правовой культуры общества в том, какое место ценность права как регулятора социальных взаимодействий занимает в общей социальной иерархии акторов. И стоит подчеркнуть, что ценность права может быть существенно вариативной в различных рамочных контекстах социальных взаимодействий. Возможность такой вариативности отношения к праву в различных

⁴⁹Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства....

культурах заложена в том, что сами по себе правовые нормы, являясь смысловой основой социальной регуляции, могут иметь широкий диапазон дистанцированности от мира социальной повседневности и тем самым - от ситуационных взаимодействий индивидуальных акторов. Уже цитированный М.Б. Смоленский пишет: «Обобщенно-абстрактный характер нормы делает ее значительно более отдаленной от ситуации лицом-к-лицу. Нормативные системы становятся объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных ситуаций, жизненного опыта, которые можно сохранять во времени и передавать последующим поколениям». ⁵⁰ Таким образом, рассматривая ситуации повседневного взаимодействия, нужно учитывать, что они в определении акторов могут быть существенно отдалены от смыслов, заложенных в правовые нормы, и в том числе полностью им не соответствовать.

В то же время право, как важнейший регулятор социальных взаимодействий действует не в абстракции, а в социокультурном контексте, сформировавшемся на протяжении исторических по масштабу сроков и под влиянием долговременных обстоятельств. В единстве этого контекста правовая регуляция является позднейшей, но возникает и укрепляется в среде повседневности, регулируемой другими формами нормативной регуляции. Традиционная по типу социальная среда регламентируется преимущественно, и часто даже исключительно, обычаями, нормами поведения, предписанными религией и нормами общественной морали. И если обычное право и религиозный закон эффективно действуют там, где сохраняют значимость родственные и соседские связи, а также активно участвует в жизни общества институт религии, то мораль остается принципиально значимым регулятором в любой культуре без исключения.

Однако поскольку гражданская идентичность россиян независимо от их религиозной и этнокультурной принадлежности в течение длительного исторического периода была связана с единой государственностью, в

⁵⁰ Там же.

формировании которой принципиальную объединяющую роль сыграла отечественная культура и религиозность, социетальные основания российской культурной идентичности определялись и до сих пор во многом определяются влиянием культурного кода, генетически восходящего к православной религиозности, несмотря на то, что Россия была и остается поликонфессиональной страной.

Такие представления применительно к правовой культуре россиян, на наш взгляд, сформировались в результате длительного и глубокого влияния православной религиозности, образующей сакральное ядро русской традиционной культуры. Этикоцентрические паттерны, на неосознанном для агентов уровне выполняющие роль матрицы в интерпретации юридических ситуаций людьми, сформировавшимися в аксиологической парадигме российской культуры, тесно связаны с российской традиционной культурной идентичностью, а именно – с ее сакральным ядром. Как справедливо отмечает Н.Н. Федотова, «проблема идентичности — это сфера сакрального, где человек соотносит себя с фундаментальными ценностями, со смыслообразующим слагаемым бытия. Пласт сакрального в идентичности личности в условиях глобализации определен именно локально. Именно локальное характеризует личное, глубоко укорененное в человеке». ⁵¹ Современные условия, создаваемые глобализацией и взаимопроникновением ценностей и смыслов разных культур, не только не устраняют, но усиливают стремление к сохранению элементов собственной культурной идентичности на локальном уровне. Обосновывая это положение, Н. Федотова ссылается на приведенный Т. Фридманом пример ситуации П. Сорокина, который несмотря на жизнь в эмиграции в США сохранил в своем научном творчестве элементы российских традиционных ценностных ориентаций: «(альтруистическая любовь, триединая истина, интегральная

⁵¹Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации// Человек. 2004, № 6. <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-uslovijah.html>

сущности человека)». ⁵² Таким образом, в случае Сорокина идентификационные компоненты, транслируемые сакральным ядром культурной традиции, не только сохранились в инокультурной среде, но и были инкорпорированы в теоретические концепции. Значимость сакрального ядра традиционной культуры настолько высока, что укорененные в нем ценности и смыслы становятся основой социального бытия сообщества, пронизывая не только религиозные практики, но и повседневность: «Под сакральным в данном случае понимается не верность религиозным принципам и не религиозное толкование священного, а священные для индивида ценности его повседневной жизни». ⁵³ И если глобализированная культура базируется на вестернизирующих унифицированных образцах и по своей сути является индивидуалистической, то именно локальные анклавные традиции культуры, даже подвергшейся сильному в современном мире влиянию секуляризации, сохраняют и культивируют причастность принятой трактовке сакрального в организации повседневности, в практиках повседневных взаимодействий. Такая причастность сакральному может трансформироваться в процессе секуляризации и утратить присутствие на уровне осознанных действий и стратегий поведения, но сохраняться в качестве неосознаваемых укорененных структур, конституирующих интерпретации и практики субъектов в процессе определения ими ситуации. Эти укорененные структуры, как нам представляется, можно рассматривать как долговременные первичные системы фреймов, являющиеся базой ситуационных взаимодействий в тех или иных социальных обстоятельствах. Характеризуя эти структуры как долговременные, мы имеем в виду их существование на протяжении длительных, исторических по своему масштабу сроков, исчисляемых несколькими столетиями. Соответственно, формирование таких укорененных структур происходило также на протяжении столетий.

⁵² Там же.

⁵³ Федотова Н.Н. Указ. Соч.

Поэтому наше исследование должно включать в себя анализ долговременных социокультурных факторов, под влиянием которых сформировались и габитуализировались укорененные структуры культурной ментальности россиян, на глубинном неосознаваемом уровне образующие первичную основу определения ситуации взаимодействующими агентами. Такие факторы во многом, на наш взгляд, порождены спецификой сакральных ценностей, фундировавших российскую культурную традицию, репрезентированных византийским православием. В отличие от католической религиозности, наследовавшей римскую культуру и, в частности, сакрализацию договорного начала и права как оформляющего это начало социального института, православие ориентировалось на трансцендентные приоритеты «не от мира сего», смирение и равнодушие к мирским целям и ценностям, к мирским регулятивам, больше почитало «сердце», глубинную ипостась человека, контактирующую с сакральным, по сравнению с «разумом», мирской рациональностью. Поэтому юридическая правота занимала в иерархии ценностей православного жизненного мира гораздо менее значимое место, чем воспринимаемая «сердцем» правда и справедливость.

Таким образом, культурная матрица православия задавала характерный для российского правопонимания этикоцентризм, придававший своеобразную окраску представлениям русского человека о должном и справедливом. Такое понимание образует архетипическую основу российского культурного кода, транслируемого как неосознаваемая установка по отношению к праву. Такой культурный код остается актуально действующим, задавая неосознаваемые границы, налагаемые первичной системой фреймов российской культуры. Как отмечает М.Б. Смоленский, в аксиологических представлениях культурной общности «присутствуют как вполне осознаваемые аспекты, выявляемые всякий раз при просьбе обосновать свой выбор, оценку или поведение, так и действенные, но плохо или совсем неосознаваемые составляющие, формирующиеся на уровне дорефлексивного

когито, о котором говорят Ж.-П. Сартр и П.Бурдьё, но которые, однако, мотивируют реально осуществляемые выборы базовых ценностей и соответствующее поведение. И ценностные структуры, и дорефлексивные составляющие правового менталитета, хотя и имеют явно языковую, а значит, и социокультурную репрезентацию, чтобы быть действенными, не могут не опираться на природу человека во всей ее полноте, включая и коллективное бессознательное». ⁵⁴ Неосознаваемые рамочные структуры, конституирующие восприятие агентом юридической ситуации, предлагают сознанию ее в трансформированной интерпретации, как ситуацию нравственного выбора. Таким образом, ситуация интерпретируется агентом так, что нравственные параметры определения становятся доминирующими, что позволяет при необходимости полностью вывести рассмотрение ситуации из правового поля, освобождая тем самым агента из-под действия правовых ограничений.

Необходимо учитывать, что в истоках общественной морали даже в подвергшихся секуляризации культурах заложены интерпретативные коды, транслированные из поколения в поколение из религиозных мировоззренческих парадигм.

В частности, характеризуя «инвариантные параметры символической системы российской культуры», В.Н. Абросимов указывает, что в своей целостности такая символическая система, которую, как нам представляется, можно рассматривать как первичную фреймовую систему, восходит к «секуляризованной духовности, основные ценностные ориентиры которой представляют собой обмирщенные идеалы православной духовной культуры, редуцированные к императивам светской нравственности». ⁵⁵ Особенностью

⁵⁴ Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства. Автореф. докт. дисс. Ростов-на-Дону. 2003. // Диссертации по гуманитарным наукам - <http://cheloveknauka.com/pravovaya-kultura-kak-element-sotsiokulturnogo-prostranstva#ixzz5E337HjMМ>

⁵⁵ Абросимов В.Н. Роль интеллигенции в становлении новой российской идентичности в постсоветский период. - Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. социол. наук. Ростов-на-Дону. 2007.

этой символической системы культурных кодов является безусловный приоритет, отдаваемый нравственности и морали как главным, наиболее ценным для общества и индивидуальных носителей этой культуры, формам социальной регуляции. Такая приоритетность морали по отношению к любым иным регуляторам, в том числе и прежде всего к праву, сопряжена с существенной долей недооценки регулятивного потенциала права и, следовательно, его социальной ценности. Отголоски такого отношения, хотя и в рационально-концептуализированном виде, можно обнаружить даже у исследователей. Так, польский социолог А. Подгурецкий полагает, что мораль являет собой базовый нормативный регулятор социального поведения, по отношению к которому право выступает как более узко ограниченный и подчиненный.⁵⁶ Концепция Подгурецкого, однако, с нашей точки зрения, имеет изъян, поскольку предполагает невозможность ситуаций, в которых мораль и право не поддерживают друг друга и даже противоречат друг другу, а также таких, в которых осуществленное правовое разрешение коллизии оказывается неудовлетворительным для субъекта именно с позиций неудовлетворенности требований морали.

Возвращаясь к характеристикам культурного кода, транслируемого российской культурной традицией, следует подчеркнуть, что приоритет морали как регулятора над правом и связанное с ним относительное обесценивание правовой регуляции характеризуются исследователями как этикоцентризм. Эта особенность, присущая российской культуре в целом, определяющая и содержательную специфику русской классической литературы и философии, и даже социологических и политических учений, сформировавшихся на российской почве, наложила отпечаток и на отношение россиян к праву. Это отношение подразумевало восприятие права как хотя и необходимого регулятора социальных взаимодействий, но затрагивающего их поверхностно, так как способностью проникновения в

⁵⁶ Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974.

сокровенную глубину человеческих мотиваций в этой системе культуры обладает лишь мораль. Уровень этикоцентризма в традиционном российском отношении к праву таков, что не допускает интерпретации права как равнозначимого морали альтернативного регулятора, и тем самым отказывает праву в самостоятельной ценности. Удержание права на периферии сферы решения главных общественных и частных проблем означало признание низкой ценности права в обществе и возможность осуществления социальных практик и макросоциальных проектов на приоритетной основе субъективных интерпретаций нравственных императивов и ценностей. Естественно, что такие интерпретации варьировались для разных социальных групп и классов, укореняясь в качестве дорефлексивных оснований практики как ощущение свободы от правовой регламентации там, где решаются ключевые жизненные вопросы. Коллизии вхождения российского культурного мира в реалии прагматики осмысливались и разрешались в системе кодов между полярностями абсолютной свободы сильной личности ницшеанского типа, не знающей ограничений, и восходящих к христианству нравственных императивов. Это нашло отражение в русской классической литературе в ситуации героя «Преступления и наказания» Раскольникова.

Полярные мотивации, между которыми динамически разворачивается драма Раскольникова, связаны с изменением определения им собственной ситуации с убийством старухи-процентщицы. Интересно отметить, что правовая оценка совсем не фигурирует в его определении. Интерпретируя свою бедность и не соизмеряемые с нравственными критериями доходы процентщицы, Раскольников осознает эти обстоятельства в границах бинарной оппозиции «тварь ли я дрожащая – или право имею», причем под правом он понимает возможность встать над нравственными ограничениями, а отнюдь не юридическое понятие. Доказывая самому себе возможность для себя встать над нравственностью и религиозными нормами, он пытается обосновать абсолютность своего волюнтаризма, оставаясь, тем не менее, в

рамках такого определения ситуации, где он не готов заплатить за свое деяние ощущением собственной неправоты перед законом, обществом и своей совестью. В своем определении ситуации с убийством процентщицы Раскольников видит себя обладающим нравственной правотой, несмотря на очевидность преступности своих намерений. Таким образом, неправотой характер деяния не препятствует чувству его правоты и оправданности поступка в контексте «новой свободной нравственности сильного человека». Парадоксально, но Раскольников остается для себя в границах поля морали, расширив их для себя по собственному произволу. И с легкостью, даже не задумываясь, перешагивает границы, налагаемые правом.

Дальнейшие события, описанные в романе Ф.М. Достоевского, постепенно заставляют его иначе переопределить ситуацию, осознав тяжесть и непоправимость своего деяния. В то же время это новое осознание Раскольникова остается в границах интерпретации, диктуемой культурными инвариантами. Его путь к покаянию в контексте нравственного возрастания и очищения души есть путь принятия подлинных моральных регулятивов, а не собственной вымышленной волюнтаристической морали. В новом определении ситуации он видит себя грешником, нарушившим общечеловеческие и Божеские нормы, и лишь в подчиненном функциональном аспекте – преступником в правовом понимании этого слова.

Определяя ситуацию как развернутую «над правом», Раскольников находится под влиянием тех же инвариантных кодов культуры, что и Нечаев и его последователи; русские «бомбисты»-народовольцы. Расширяя для себя своим субъективным произволом границы собственной правоты за пределы всеобщих норм морали, все эти субъекты тем самым создавали для себя новое, иное моральное поле, действуя в котором, они оставались в групповом понимании героями несмотря на очевидную противоправность и аморализм своих практик. Тем самым они показывали, что по-прежнему подчиняются морали как регулятору, однако трансформировав для этого самое мораль. У субъектов революционных моделей и практик интерпретация понятий добра

и зла сохраняла предельную актуальность и остроту, однако деформировалась так, что оппозиции сближались вплоть до прямого обмена местами. И парадоксальным образом все эти искаженные интерпретации сохраняли для себя инвариантность такого понимания, в котором мораль оставалась господствующим регулятором их участия в происходящих событиях.

Неучастие правовых идей и смыслов в формировании мотивационных установок индивидуальных агентов свидетельствует о том, что инвариантный контекст российской культуры не давал возможности соответствующего определения частных ситуаций. Такое «обнуление» правовой регуляции в ее возможностях и эффективности характеризуется исследователями как правовой нигилизм – культурная установка по отношению к праву, допускающая его формальное, но не реальное присутствие в качестве регулятора. Мы полагаем, что можно рассматривать правовой нигилизм как фундаментальную инвариантную черту российской правовой культуры, которая традиционно представляла собой культуру только формального присутствия права при отсутствии его в реальных интерпретациях событий и ситуаций.

По определению правоведа А.Б. Венгерова, «правовой нигилизм – это, во-первых, характеристика определенных негативных, деформированных сторон правосознания, это та идеологическая и психологическая часть правосознания, которая резко критически, отрицательно относится к требованиям уважения и соблюдения права. Во-вторых, правовой нигилизм и его антипод – законность – это не только сфера духовной жизни общества, сфера правового сознания. Это еще и характеристика определенного реального состояния общества». ⁵⁷ Таким образом, правовой нигилизм одновременно составляет и состояние духовной, культурной сферы, и черту правовой ментальности носителей этого типа правовой культуры, и

⁵⁷Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция. 2000. С.528.

характеристику повседневных социальных практик. Во втором из указанных смыслов мы и можем говорить о проявлении состояния правовой культуры через частные события и ситуации, в своем определении которых агенты взаимодействия в известном смысле «выносят за скобки» правовые нормы, а также просто демонстрируют их незнание или забвение. Проблема правового нигилизма как «родимого пятна» правовой культуры россиян нашла отражение уже в творчестве дореволюционных русских социальных мыслителей. Согласно Б.А. Кистяковскому, нормативное, присущее правоведческому подходу, понимание права может быть существенно дистанцированным от «реального права», действующего в обществе и действительно регламентирующего социальные взаимодействия.⁵⁸

Социологизируя право, внося в понимание правовой культуры и правосознания аспект живой повседневной реальности, Кистяковский открывал перспективу изучения состояния правовой культуры общества сквозь призму неокантианского – веберианского – подхода. Однако его понимание приемлемо и в качестве ориентира для фрейм-анализа, поскольку указывает на возможность различия между нормативным, предполагаемым, и реальным, повседневным, отношением населения к праву.

Констатируя у современного ему населения России, от простонародья до интеллигенции, равнодушного и поверхностного отношения к праву, Кистяковский подчеркивал, что повседневная жизнь русского народа не подчинена на практике какому бы то ни было правовому порядку, связывая этот факт с этикоцентричностью российской культурной ментальности, которая препятствует развитию на практике представлений о ценности формального права и его эффективности в качестве реального социального регулятора.

Современные отечественные исследователи, развивая позицию Кистяковского, отмечают, что правовой нигилизм характеризует «надменно-

⁵⁸ Русские дореволюционные юристы (Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, П.И. Новгородцев, Л.И. Пестражицкий и др. ...) – www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/127.htm

пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, что, в свою очередь, характеризует меру цивилизованности общества».⁵⁹ Речь идет именно о «высокомерии» и «снисходительном восприятии», что раскрывает почти буквально низкий ранг права как социальной ценности в иерархии общественных ценностей. Оттесняя право, как регулятор на нижние уровни системы ценностей, российская культурная ментальность тем самым освобождает центральное место для надрациональных, издавна подвергшихся сакрализации аксиологических комплексов, укорененных в глубинных этнопсихологических характеристиках народа и генетически связанных с сакральным ядром российской культурной традиции. Говоря об «архетипическом ядре российского юридического фрейма», Н.А. Чухно видит его базовую характеристику в совмещении морального и правового компонентов, а также доминировании коллективной ответственности над индивидуальной.⁶⁰ А М.Б. Смоленский, анализируя культурно-ментальные истоки российского правового нигилизма, подчеркивает: «Рассматриваемая в историко-социокультурном ракурсе, отечественная правовая культура предстает как специфический тип отношения к праву, основную характеристику которого составляет этикоцентризм. Наличие в российской культуре ярко выраженной эмоциональной доминанты, слабость и невыраженность интеллектуального начала обусловили эмотивно-рассудочный подход к морали, иррационализм духовных поисков некоего «сверхправа», превышающего юридическую рациональность и отождествляемого с непосредственным эмоциональным переживанием. Это порождает эмоционально-синкретический тип правопонимания, в котором не артикулируются различия между моралью и правом и который ориентирует

⁵⁹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни// <https://cyberleninka.ru/article/v/pravovoy-nigilizm-kak-obraz-zhizni>

⁶⁰Чухно Н.А. Генезис и структура юридического фрейма. // Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону. 2005. <http://cheloveknauka.com/genezis-i-struktura-yuridicheskogo-freyma>

на неправоуое разрешение ситуаций, в которых синкретическому мышлению между моралью и правом видится противоречие». ⁶¹ Об эмоциональной, догосударственно-патриархальной доминанте, в противовес государственному, рациональному началу, в культурной ментальности россиян много писал А.С. Ахиезер, указывая, что именно эта культурная доминанта определяет высокую степень отчуждения повседневных практик от рациональных форм организации и контроля, присущих участию государственных структур в жизни социума

Отражение такой специфики российской культурной ментальности в логике языка и лингвистических особенностях когнитивной картины мира россиян анализирует Н.Д. Арутюнова. Согласно ее концепции, когнитивные схемы, транслируемые семантикой русского языка, обеспечивают специфическое значение понятий «истина» и «правда». Нерелексивный характер языковой картины мира констатирует и А.Д. Шмелев, подразумевая под этим неосознаваемые семиотические коды, «свойственные носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемые ими как нечто самоочевидное». ⁶² Исследования в области семантики базовых для правосознания понятий в русском языке показывают, например, общность этимологии слов «право» и «правда». (Н.Д. Арутюнова). При этом необходимо иметь в виду, что понятие «правда» в российской культурной ментальности укоренено в качестве фундаментального смыслового образования, обладающего не только рациональным значением, но и огромным эмоциональным потенциалом. В отличие от семантически сходного понятия «истина», слово «правда» несет в своей семантике эмоциональные оттенки. В когнитивной картине мира, сформированной на основе такой семантики, понятия, этимологически близкие к правовым,

⁶¹ Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства. Автореф. докт. дисс. Ростов-на-Дону. 2003. // Диссертации по гуманитарным наукам - <http://cheloveknauka.com/pravovaya-kultura-kak-element-sotsiokulturnogo-prostranstva#ixzz5E337HJmM>

⁶² Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. - М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 12.

обременены дополнительными этико-религиозными коннотациями, что составляет лингвистическую предпосылку характерного для российской культурной ментальности этикоцентризма. Смысловый ряд «истина – закон – право», на котором базируется рациональная правовая культура, подменяется в языковой картине мира россиян семантически близким эмоционально нагруженным рядом «правда – совесть – справедливость». Формально-рациональные значения в этом ряду заменяются этико-религиозными коннотациями.

Этикоцентризм, присущий когнитивной картине мира, базовой для российской традиционной культуры, как было показано нами выше на примере определения ситуации убийства героем романа Достоевского Раскольниковым, парадоксальным образом способствует не внедрению более высоких стандартов поведения и более эффективных, чем право, форм социального контроля. Формальное право основывается на жестко фиксированных в своих границах понятиях. Морально-этические нормативы, напротив, имеют тенденцию к размыванию границ и эмотивному слиянию в синкретизме коллективных представлений. В том числе – и с необходимостью – такая особенность восприятия создает условия для развития нигилистического отношения к праву. Характеризуя влияние этикоцентризма на российскую культурную ментальность, А.В. Джоган пишет: «Этикоцентристская заостренность внимания на нравственной проблематике в русской философии и культуре в силу антиномичного характера нравственного сознания русского человека приводит к таким нравственным деформациям, как морализм, нигилизм и эстетизм... При этом парадокс нравственного сознания в России проявляется в том, что русский нигилизм имеет под собой моралистическую подоплеку».⁶³

В то же время необходимо остановиться и на действии другого социокультурно-исторического фактора, существенно влияющего на

⁶³ Джоган А.В. Особенности русского философского языка: феномен этикоцентризма. Автореф. канд. дисс. // Воронеж. 2011. <http://www.dslib.net/etika/osobennosti-russkogo-filosofskogo-jazyka-fenomen-jetikocentrizma.html>

распространение правового нигилизма в российском обществе. Речь идет о традиционном бюрократизме, присущем деятельности российских официальных структур, в том числе и прежде всего – правоохранительных органов и судов. Поскольку состояние юридического поля (правоохранительных и правоприменительных структур и среды их взаимодействия) обладает динамикой, можно говорить о процессе бюрократизации деятельности структур, ответственных перед обществом за качество правосудия, эффективность расследования, реальную состязательность судебного процесса, позволяющую обеспечить соблюдение прав всех его сторон, в том числе обвиняемых.

Для российской традиционной культуры и истории российского общества всегда было характерно сакрализирующее отношение к государству и структурам, непосредственно осуществляющим власть. Генетически восходящее к сакральным паттернам государственной власти, воспринятым от византийского православия, такое отношение пронизывает российскую культурную ментальность и является существенным фактором, препятствующим принятию идеи разделения властей и независимости суда как самостоятельной ветви власти. Неосознаваемый паттерн восприятия суда как «избыточной» структуры на фоне легитимированного традиционной культурой единовластия государства, проекции единовластия Бога, не способствует пониманию значимости независимой судебной власти для реализации человеком своих законных прав. Отсюда проистекает хроническое неверие в силу суда как власти и недоверие к судебным и правоохранительным органам как малоспособным к объективному расследованию и принятию справедливых решений.

Такое неверие, будучи тоже фактором укоренения правового нигилизма среди населения, габитуализируясь, принимает две разные формы – у профессиональных работников судебных и правоохранительных органов и у рядовых агентов юридической ситуации.

Для профессионалов суда и правоохранительных структур оно приобретает форму специфического изъяна профессиональной мотивации, когда определяющими при принятии решений и ведении расследования становятся корпоративная солидарность, извращенные представления о «чести мундира», подверженность влиянию или прямому давлению исполнительной власти, отрешенность от понимания ответственности за судьбы людей. Происходит подмена реальных целей и ценностей правосудия корпоративными и служебными ориентирами, что выливается в приоритетность бюрократической процедуры по отношению к реальному выполнению профессиональных обязанностей. Таким образом, де-факто в повседневных профессиональных практиках работников судов и правоохранительных органов ценность права как таковая не является аксиологической основой мотивации их деятельности и реальной доминантой профессиональной этики. Вписанность де-факто судов в бюрократическую иерархию социума противоречит идее независимости судебной власти от исполнительной и способствует восприятию населением судебных инстанций как безвластного продолжения исполнительной власти, занятого лишь бюрократическим оформлением решений в русле ее интересов. На практике это проявляется в отчетливом обвинительном уклоне в деятельности судов.

Что касается рядовых агентов юридического поля, то такое его состояние мотивирует их на недоверие к правоохранительным органам и судам как инстанциям, как и к их работникам, что является одним из наиболее мощных факторов распространения правового нигилизма и удержания низкого ранга реальной ценности права в системе ценностей общества.

Таким образом, у нигилистического отношения к праву в России глубокие и давние культурные корни. Парадоксализм отношения россиян к праву заключается в том, что позиционируя правовую регуляцию и правовой контроль в качестве дополняющих действие морально-этических

регуляторов, такое отношение становится почвой для оправдания субъективного произвола индивидуальных и групповых агентов, полагающих себя и свои интересы превыше права. Этот антиномизм фактуры отношения к праву и государственности с течением времени и под влиянием происходивших в российском, советском и постсоветском обществе исторических событий подвергался многочисленным трансформациям, суть которых, как нам представляется, свелась к постепенному ослаблению реальной действенности морально-этических регуляторов при сохранении и даже распространении вширь нигилистических девиаций в правосознании россиян. Еще один парадоксальный момент указанной антиномической кодовой структуры заключается в неосознанном характере ее реализации в качестве рамочного ограничителя восприятия агентами ситуаций, в которых осуществляется их взаимодействие. Индивид, оценивая и определяя ситуацию, неосознанно предпочитает волюнтаристические, эмотивно-обусловленные решения и поступки, оправдывая их нравственными, псевдонравственными или классово-нравственными, корпоративно-нравственными соображениями. Низкая ценность права и малоэффективность правовых институтов в таком культурном контексте неосознанно полагаются по умолчанию, что также находит проявление в определении ситуации, имеющей отношение к правовой проблематике.

Волюнтаристически-нигилистическая структура отношения к праву вызрела и сформировалась в неосознаваемых пластах российской культурной ментальности, как нам представляется, вследствие традиционно присущей православной религиозности недооценке значимости формально-рационального начала. В отличие от католицизма, впитавшего культурные влияния римской цивилизации с ее безусловным уважением к праву и культивированием формальных процедур правоприменения, православие, воспринятое от Византии, унаследовало от нее иные, ориентированные на отрешенность от мирской жизни, стереотипные ценностные ориентации. Одним из главных таких ориентиров является аскетическое пренебрежение к

миру и присущим ему способам самоорганизации, ко всему, имеющему рационально-рассудочную основу.

Начавшийся в начале XIX века процесс секуляризации интегрального контекста русской культуры, естественно, не мог коснуться глубинных неосознаваемых кодов, ответственных за стереотипы интерпретации событий. Эти коды лишь обрели иные формы репрезентации в культуре и общественной жизни. Фундаментальные сдвиги, связанные с освобождением крестьян, развитием капиталистических экономических отношений в недрах традиционного уклада, способствовали обострению неосознаваемой антиномии «этикоцентризм – нигилизм» в мироощущении индивидов, ориентированных традиционными культурными кодами на поиск правды, социальной справедливости, «жизни по совести». Беспрецедентный всплеск противоправного поведения в среде образованной молодежи, распространение различных форм политического террора, получивших квазиэтическое оправдание и обоснование, продемонстрировали тесное родство этикоцентризма и нигилистического отвержения права.

Установившаяся после революции октября 1917 года диктатура большевиков, принципиально построивших свою идеологию на отрицании ценности не только права, но и морали с позиций верховенства классовых интересов пролетариата в перспективе общечеловеческого социального развития, стала окончательным шагом к доминированию культуры правового нигилизма. Отрицание «буржуазного» права как классово ограниченного и враждебного пролетариату воспринималось оправданным с точки зрения революционной идеологии, и при этом право как таковое отождествлялось с буржуазным правом. Диктатура пролетариата открыто практиковала неправовые, незаконные методы решения политических проблем, революционное насилие и государственный террор. Нигилистическое отношение к праву молодого советского государства находило проявление в очевидном несоответствии практик установленного социального порядка формальным правовым нормам; в создании таких практик правоприменения,

которые противоречили духу права; в уничтожении независимости судебной власти и реальной состязательности судебного процесса; в формировании структурных новаций в организации судопроизводства, превративших произвол в норму. По образной метафоре писателя Ю.О. Домбровского право рассматривалось как «факультет ненужных вещей».

Даже в более поздний советский период идеологическое противостояние с Западом концентрировалось в значительной мере вокруг полемики о правах человека, в ходе которой доказывалось, что права человека есть не ценность, а идеологическая фикция и ими можно и должно пренебречь во имя обеспечения реальной социальной справедливости и уверенности в завтрашнем дне. Идеологемы такого рода, содержавшие в себе заряд правового нигилизма, оказывали значительное формирующее влияние на мироощущение людей и на неосознаваемом уровне, закрепляя и транслируя нигилистические установки следующим поколениям граждан. В то же время, как отмечает Н.А. Чухно, «в юридический фрейм в эпоху советской модернизации были включены следующие принципы: рассмотрение любого правового нарушения в политическом контексте; придание индивиду личной ответственности за все события, которые происходят "в обществе; при одновременном наделении общества статусом «коллективного судьи»... Данные принципы определили трансформацию юридического фрейма по двум направлениям: разрушение монополии профессионалов в сфере правового регулирования и доминирование при этом социокультурной компетенции (чувства справедливости) над профессионально-правовой (юридическим знанием)». ⁶⁴ Таким образом, этикоцентризм оставался характерной чертой восприятия права и в советский период.

Распад советской системы и отказ государства от марксистско-ленинского идеологического догматизма сопровождался возвращением

⁶⁴ Чухно Н.А. Генезис и структура юридического фрейма. // Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону. 2005. <http://cheloveknauka.com/genezis-i-struktura-yuridicheskogo-freyma>

ценности концепции прав человека. Однако события, последовавшие в процессе трансформации общественных институтов, ликвидации единой советской государственности, оказали мощное воздействие на общество, заключавшееся в актуализации глубинных дорефлективных ментальных кодов, содержащих пренебрежение населения к праву. Среди этих событий, как нам представляется, можно выделить несколько таких, которые наиболее существенно повлияли на картину мира и характер повседневных практик населения.

Прежде всего, нам представляется, это мировоззренческие издержки процесса деидеологизации, активно осуществлявшегося властью и СМИ в первое десятилетие реформ. При всей неизбежности и насущной необходимости ухода от марксистской моноидеологии этот процесс инициировал катастрофическое падение доверия граждан к государству, разочарование в устоявшихся социетальных ценностях и общую социальную безропотность, что стало фактором пробуждения и актуализации нигилистических настроений и формирования атмосферы психологической аномии в обществе. В то же время россиянам усиленно пропагандировались ценности достигательного и прагматического порядка, непривычные стандарты потребления, индивидуалистические жизненные ориентиры. При отсутствии у большинства населения реальных путей и возможностей обеспечить себе высокий уровень потребления в рамках правового поведения и в условиях слабости контролирующих институтов это противоречие стало разрешаться зачастую использованием неправовых, сопряженных с риском способов.

Во-вторых, таким фактором стала деинституционализация прежних правовых институтов, образование и сохранение в течение довольно продолжительного времени правового вакуума, когда имеющиеся законы утратили действенность, а новые только находились в процессе разработки. Целые зоны повседневных взаимодействий оказались в вакууме правовой регламентации, что привело к формированию и закреплению обширного

сектора иллегальных социальных практик. В 1990-е годы социологи отмечали, что распространение таких практик стало настолько стремительным и масштабным, что появились основания говорить о тенефикации российского общества, о «теневой России».⁶⁵

Таким образом, десятилетия системных реформ стали одновременно и десятилетиями расцвета неправовых форм социальных взаимодействий и актуализации правового нигилизма. В обществе происходила габитуализация иллегальных траекторий, которые во многих ситуациях оказывались более удобными, взаимовыгодными и приемлемыми. Характеризуя ситуацию, Р.В. Рывкина писала: «За годы рыночных реформ произошел грандиозный скачок: «теневые рынки» сложились практически во всех отраслях социальной сферы российского общества — от образования и медицины до науки и культуры».⁶⁶ Рост индивидуализма означал обесценивание всех ограничителей индивидуального произвола, как правовых, так и моральных. Исследования того периода свидетельствовали о росте индифферентного отношения россиян к различным видам девиантного и криминального поведения, в частности, к коррупции, которая именно в эти десятилетия обрела чрезвычайные масштабы распространения. Это стало одним из основных следствий тенефикации российского общества и порожденного ею еще большего ослабления эффективности правовой регуляции и правового контроля: «... Последствие тенефикации неэкономических сфер общества — ослабление действенности права, законов. Смысл этого понятен: поскольку уход "в тень" осуществляется для того, чтобы уйти от законов, то чем больше "тьень", тем больше внеправового поведения в обществе. Если говорить в

⁶⁵ Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневое общество. М., 2000; Рывкина Р.В. Тенефикация российского общества: причины и последствия. // Социологические исследования. 2000. № 12.

⁶⁶Рывкина Р.В. Тенефикация российского общества: причины и последствия// Социс, 2000. №12. С. 4.

более понятных терминах, то с ростом масштаба "тени" растет сфера криминального поведения».⁶⁷

В то же время о распространении правового нигилизма и существенной деформации правовой культуры говорят факты вовлечения в противоправные практики и криминальный образ жизни значительного количества представителей тех категорий населения, среди которых уровень преступности всегда прежде был традиционно низким. Как отмечает М.С. Смоленский, «социоструктурные параметры роста преступности можно, рассматривать как косвенный показатель распространенности правового нигилизма среди различных групп населения - гендерных, возрастных, профессиональных, конфессиональных, статусных».⁶⁸ Так, в конце 90-х – начале 2000-х годов в России наблюдался всплеск преступности среди женщин. Постоянный рост показателей числа зарегистрированных преступлений также свидетельствовал о распространении нигилистического отношения к праву и ухудшающемся состоянии правовой культуры населения. По данным Главного информационного управления МВД РФ о состоянии преступности в России за 1999 г. общее число зарегистрированных преступлений по состоянию на конец 1999 г. составляло 3001748. Рост по отношению к соответствующему периоду 1998 г. составлял 16,3%. В том числе прирост по отдельным видам преступлений составлял (%): тяжкие и особо тяжкие преступления — 18,4; причинившие особо крупный ущерб или совершенные в особо крупных размерах - 27,7; убийства и покушения на убийства - 5,4; грабеж—13,6; кражи-23,7; мошенничество — 9,0.⁶⁹

Отдельно следует сказать о правовом нигилизме работников государственных и правоохранительных структур, суда, прокуратуры, представителей законодательной и исполнительной ветвей власти. Период ослабления правового контроля стал мощным стимулом разнообразных

⁶⁷ Там же. С. 8.

⁶⁸ Смоленский М.Б.

⁶⁹ См. Рывкина Р.В., указ. соч. С.8.

девиаций, злоупотреблений служебным положением, сращения с криминалитетом в деятельности тех, кто по долгу службы обязан был противодействовать подобным проявлениям. Это свидетельствует прежде всего о долгом периоде селективности правового контроля, но и о распространении нигилистического отношения к праву. Основой проявлений правового нигилизма в управленческих и правоохранительных структурах стала возможность иллегального взаимодействия представителей этих структур с бизнесом в целях личного обогащения: «Поставленные в условия жесткой зависимости от административных решений, предприниматели во многих случаях ищут и находят пути для развития своего дела не в оптимальной организации законных рыночных операций и открытой конкуренции, но в теневых сделках с чиновниками, способными освободить их от ответственности, когда нарушается закон, предоставить льготные возможности и - в то же время - создать непреодолимые препятствия на пути конкурентов. Таким образом, теневой бизнес и коррумпирующая бюрократия оказываются кровно заинтересованными друг в друге, сделки между ними приобретают характер постоянного экономического сотрудничества, которое требует соответствующей рациональной организации и институционального оформления».⁷⁰

Все описанное выше и образовало социальный контекст, в котором культивировался и транслировался правовой нигилизм. Мы полагаем, тем не менее, что издержки и неравномерность осуществления институциональных реформ, сопутствовавшая им аномия и конфликт старых и новых ценностей не были основными факторами, приведшими к расцвету правового нигилизма и падению уровня правовой культуры во всех слоях населения. Реформы послужили объективной предпосылкой актуализации глубинных дорефлективных кодов и установок, образующих первичную систему фреймов, характерную для российской культуры. Транслируемая этими

⁷⁰ Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. М. 2000. - <http://levtimofeev.ru/tenevaya-rossiya-v-soavtorstve-s>

культурными кодами индифферентность к правовым нормам, невысокая ценность права в социальной иерархии ценностей порождали и порождают возможность «выносить правовую оценку за скобки» в определении частных ситуаций и отсутствие за правом решающего значения в выборе стратегии взаимодействия.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Первичная фреймовая система, т.е. специфические коды российской культуры, на дорефлексивном уровне определяющая восприятие носителями этой культуры права, его ценности как регулятора социальных взаимодействий, его эффективности в этом качестве, характеризуется:

- синкретическим, нерасчлененным образом регулятивного общественного начала, которое репрезентируется культурой как мораль (смыслообразы «совесть», «справедливость», «правда»), и в то же время право, воспринимаемое как менее значимый в силу формальности и ограниченности придаток морали. Такое восприятие права остается преимущественно эмотивным, внерациональным, и является следствием этикоцентризма. Этикоцентризм есть сквозная характеристика русской традиционной культуры, нашедшая выражение в лингвистической картине мира россиян, русской философии, классической литературе, а также в специфически присущем россиянам отношении к праву. Этикоцентризм можно определить как базовый, универсальный код русской культуры, ее первичный фрейм.

2. Влияние этикоцентризма на характер определения ситуаций связано, на наш взгляд, преимущественно с тем, что в парадигме этикоцентризма субъективный волюнтаристический произвол агента, окрашенный его эмоциональным восприятием и субъективными оценками, освобождается от действия формальных ограничителей, которые с легкостью снимаются и удаляются из внутреннего пространства интерпретации агентом своего положения в ситуации. В этикоцентризме заложен своеобразный антиномизм, заключающийся в совмещении в мотивациях агента полярно

противоположных начал – готовности следовать «голосу совести» и готовности устранять все ограничения субъективного произвола, которым подменяется совесть и мораль.

3. С этикоцентризмом связаны другие характеристики ядра фреймовой системы российской культуры: доминирование коллективистского начала, в силу которого имеет место недооценка юридического профессионализма; сакрализация государства при одновременном дистанцировании и недоверии по отношению к государственным правоохранительным структурам как посредующим звеньям в эмотивном отношении индивидов и сакральной верховной власти.

4. С этими характеристиками связана, и имеющая место до сих пор бюрократизация деятельности профессиональных агентов юридического поля, свидетельствующая о подмене в их сознании и практике ценности права другими ценностями, связанными с корпоративной солидарностью и подчиненностью де-факто исполнительной власти. Отсутствие реальной независимости суда, обвинительный уклон в российском правосудии порождают и стимулируют рост недоверия населения к работникам правоохранительных структур и судов, способствуя снижению ценности права и в сознании рядовых акторов.

Одним из следствий этикоцентрической доминанты в российском правопонимании является правовой нигилизм, фундаментально определяющий отношение россиян к праву. Проявления правового нигилизма в различных исторически обусловленных формах прослеживаются на протяжении всей российской истории – дореволюционного, советского и постсоветского ее периодов. Все эти исторические периоды внесли свой вклад в поддержание и переход от поколения к поколению культурного кода, транслирующего пренебрежительное отношение к праву.

2.2. Бюрократизация юридического поля как фактор снижения ценности права в профессиональной культуре юристов

Изучение правовой сферы общества обычно опирается на методологию институционального анализа, рассматривающего ее с точки зрения функций правовых институтов, которые описываются как устойчивые структурные образования, оказывающие определяющее воздействие на правовую культуру. Однако этот теоретический подход оставляет за кадром внимания субъективный фактор, связанный со спецификой профессиональной деятельности, от которой зависит функционирование и трансформацию этих институтов. Как отмечают эксперты, работа правовых институтов в конечном итоге определяется поведением людей, а не юридическими доктринами. «Присущая нормам права неопределенность в части способа их использования всегда оставляет правоприменительным организациям возможность реализовывать свои интересы или реагировать на ограничения, что может проявляться в разной интенсивности применения нормы (установления), ее игнорирования, употребления для не предусмотренных в законе целей».⁷¹

В значительной степени ограничение институционального анализа снимается при использовании концепции юридического поля П. Бурдьё. Он показывает иллюзорность представления об автономии права и незыблемости его принципов. Лоик Вакан, американский социолог, ученик П.Бурдьё, отмечал, что его критика «основывается на объяснении тех многообразных процессов, посредством которых социальный порядок маскирует свой произвольный характер и увековечивает себя, добиваясь от подчиненных принятия существующих иерархий».⁷²

⁷¹ Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб.ст./под ред. В.В. Волкова. – С.: Норма, 2015. С. 8.

⁷² Цит. по.: Масловская Е., Масловский М. Концепция юридического поля и оременная социология права //Социология власти. Т.27, № 2 (2018). С. 60.

П. Бурдые выделяет сферу правовых отношений как юридическое поле – специфическую систему социальных связей, которые формируются между различными агентами по поводу производства и интерпретации юридических норм, регулирующих социальные отношения: «Юридическое поле представляет собой место конкуренции за монополию на право устанавливать право, иначе говоря, нормальное распределение и порядок, в котором сталкиваются агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся, главным образом, в социально признанной способности интерпретировать (более-менее вольно, или установленным образом) свод текстов, закрепляющих легитимное, т.е. правильное, видение мира».⁷³

В юридическом поле функционирует особый вид символического капитала – юридический капитал, – и владеющая им социально-профессиональная группа – юристы. Однако эта группа не автономна и действует в рамках, установленных властью. А. Бурдые рассматривает отношения, которые возникают между полем власти (административными чиновниками) и юридическим полем, т.к. внутри этой системы отношений формулируются цели и средства деятельности юристов, идет борьба за «право устанавливать право».

Слой профессиональных юристов внутренне дифференцирован по различным ролям (судьи, адвокаты, прокуроры, следователи). Борьба за толкование закона ведется между этими агентами, которые занимают разные позиции в юридическом поле. Ставка в этой борьбе (конкуренции) – высока: «толкование является одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем [законе, юридическом тексте] символической власти».⁷⁴

⁷³ Бурдые. П. Власть права: основы социологии юридического поля// Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики/ Пер. с фран. ; Отв. Ред. перевода, сост. И послесл. Н.А. Шматко.- М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2005. С. 78.

⁷⁴ Там же, с. 80.

Вместе с тем, конкуренция между разными агентами юридического поля ограничена фундаментальным принципом: «судебные решения, чтобы отличаться от чисто политических актов насилия, должны представлять как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению».⁷⁵ Иными словами, соперничество разных агентов юридического поля возможно до принятия судебного решения. При его спорности существуют также правовые процедуры возвращения к его пересмотру. И эти правила априорны в условиях стабильно функционирующей политической системы.

Функциональное единство юристов обеспечивает разрыв между профессионалами (обществом в целом) и «профанами». П. Бурдые отмечает, что владение специализированным языком и юридическим знанием, публичное утверждение приверженности ценностям и нормам права – все это способствует юристам внушать всему остальному обществу («профанам») веру в нейтральность и автономность права, обеспечивает правовым институтам - суду, - статус посредника в разрешении конфликтов не силовым способом. Воспроизводство этого разрыва и укрепление дистанции определяет необходимость для граждан опираться на помощь юристов (адвокатов, нотариусов) при вступлении в систему правовых отношений.

Предложенная Бурдые концепция показывает, что отсутствие непосредственной связи закона и его применения обуславливают важность для анализа функционирования юридического поля понимания сложившейся системы взаимодействий разных его агентов – судей, адвокатов, прокуроров и др. Их функционирование определено организацией власти, которая поддерживает стабильность юридических институтов и опирается на принцип безусловности решения судебной инстанции.

Применение выделенных основополагающих положений концепции юридического поля П.Бурдые к рассмотрению правовой сферы российского

⁷⁵Бурдые. П. Указ. Соч.

общества указывают на необходимость: а) анализа влияния традиции взаимодействия органов политической власти и органов системы правопорядка; б) традиции организации взаимодействия различных агентов юридического поля.

Изучение формирования правоохранительной и судебной систем в России показывает их зависимость и подчиненность государственной власти в досоветский и советский периоды. Уже в дореволюционной России активно обсуждался вопрос о необходимости достижения судом «общего доверия в государстве» для того, чтобы быть «твердой опорой правительства» для обеспечения «общего в государстве спокойствия»⁷⁶. Однако суд не располагал необходимой полнотой власти, о чем свидетельствовал современник: «Суд оставался бюрократическим, безгласным, инквизиционным и полицейским. Сохраняя свое подчиненное отношение к администрации, и будучи по существу принадлежностью управления, централистски построенного, лишенный малейшей самостоятельности – этот суд, при нищем содержании судебного персонала, был действительно пародией на правосудие».⁷⁷ Это суждение не было субъективным, поскольку даже на уровне постановления Государственного Совета (1862 г.) указывалось: «Все административные власти, начиная от станового пристава до губернатора и даже до министров, вмешиваясь в силу самого закона в ход судебных дел и, тем самым, ослабляя истинное значение суда, останавливают правильное отправление правосудия»⁷⁸.

Полное подчинение судебной системы исполнительной власти (хотя и в разных вариациях) в советский период проанализировано и доказано многими отечественными исследователями на материалах функционирования судебной системы в целом, и на уровне ее региональных

⁷⁶ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. – М., 1913. С.2001. Цит. по: Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций / В.И.Анишина. – М.: Эксмо, 2008. С.52.

⁷⁷ См.: Джаншиев Г. Из эпохи великих реформ. – М., 1893. – С.294.

⁷⁸ Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М., 1891. – С.43.

структур⁷⁹. Показательным является также то, что за весь советский период политической истории страны только в Конституцию 1993 г. было внесено понятие «судебная власть», что косвенно свидетельствует о том, что в этом качестве суды не рассматривались. Поэтому можно с уверенностью сказать, что подчинение правоохранительной системы (включая суды) исполнительной власти выступает исторически сложившейся долговременной социокультурной традицией, оказывающей влияние и на современное состояние правовой культуры общества.

Е.А. Масловская в своих работах показывает построение агентами поля политики рамок для функционирования права как механизма регулирования общественных отношений и средства социального контроля. Агенты юридического поля были подчинены исполнительной власти и местным партийным организациям. В процессе укрепления советской политической системы юридическое поле получает некоторую автономию, особенно с конца 50-х годов, и бюрократизируется. «Агенты судебного поля по-прежнему были подчинены как местным партийным органам, так и вышестоящим инстанциям в собственной иерархии. Но если партийный аппарат вмешивался лишь в ход отдельных судебных дел, то центральные учреждения судебного поля требовали постоянной отчетности, от которой в значительной мере зависела карьера судебных чиновников. ... К началу 80-х годов зависимость судей от центральных учреждений самого судебного поля еще более усиливается. При этом возрастает роль не только министерства юстиции, но и судов высшей инстанции, в которые направлялись апелляции по судебным приговорам. Такое положение дел свидетельствовало об усилении тенденции юридического поля функционировать как аппарат».⁸⁰

⁷⁹ Соломно П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998; Масловская Е.В. Теоретико-методологический анализ динамики правовых институтов советского общества.

⁸⁰ Масловская Е.В. Теоретико-социологический анализ динамики правовых институтов советского общества//Вестник РУДН.Серия Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 404-417.

В.В. Волков выделил ряд отличительных черт советской модели работы правоохранительных органов и судов: 1) высокая формализация процесса судопроизводства, начальным этапом которого является возбуждение уголовного дела»; 2) в реальности в уголовном производстве доминирующая роль принадлежала не суду, а органам следствия и государственного обвинения прокуратуры, которые полностью контролировали содержание уголовного дела, а «функции суда были, по сути, сведены к окончательной проверке качества работы должностных лиц на предшествующих стадиях»; 3) суды были неотъемлемой частью правоохранительной системы, действовали в единстве с органами следствия и прокуратуры. То есть законодательно, организационно и практически независимой судебной власти советская система не предполагала»; 4) уголовная юстиция охраняла советское государство, что утверждалось «принципом социалистической законности, противопоставлявшийся буржуазному равенству перед законом и позволявший использовать уголовное судопроизводство в политических целях».⁸¹

Таким образом, специфика функционирования юридического поля в России (СССР) сформировала подчиненность органов правоохранительной системы органам исполнительной власти; бюрократизацию судебной системы, и ее подчиненность органам следствия и прокуратуры. Реформирование судебной системы и органов МВД, утверждение официального статуса адвоката - все эти юридические преобразования были направлены на разрушение сложившейся системы, обеспечение независимости правосудия и организации паритета исполнительной и судебной ветвей власти. Такая реорганизация юридического поля должна была обеспечить формирование правовой культуры гражданского типа. Основными ее характеристиками являются: ценность права как базовой системы регуляции поведения граждан, государственных органов и

⁸¹Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб.ст./под ред. В.В. Волкова. – С.: Норма, 2015. С. 5-6.

различных организаций; установка на мотивацию собственных действий, исходя из норм права; разрешение конфликтных вопросов правовыми методами. Эти рамки обеспечивают не только равенство всех граждан перед законом, но и равную правосубъектность гражданина и организации, гражданина и государства.

Изучение взаимодействий основных агентов юридического поля позволит выявить сохранение или угасание долговременной социокультурной традиции бюрократизации, которая с необходимостью обеспечивает подчиненное положение юридических институтов, – в первую очередь, суда, – по отношению к исполнительной власти, а, следовательно – сохранение бесправного положения индивида в государстве.

Можно предположить, что, не смотря на проведенные в России реформ правовых институтов, традиция бюрократизации их функционирования постоянно воспроизводится.

Следователи как агенты юридического поля.

В России основное доказывание и принятие решения о достаточности доказательств для направления дела в суд происходит на этапе предварительного досудебного расследования. Роль следователя раскрывается при определении траектории принятия решения по уголовному преследованию: сообщение о преступлении первоначально получают сотрудники полиции, затем – следственные органы проводят предварительное расследование.

В этой цепочке первое формализованное решение о вине подозреваемого принимает следователь МВД, он придает лицу статус подозреваемого или обвиняемого. Следователь формирует дело, готовит систему доказательств и передает его в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения. Прокурор, как правило, не направляет дело в суд, если есть какой-то шанс на оправдание или прекращение дела по реабилитирующим основаниям. Поэтому прокуратуру не принимает у следователя дело, если есть сомнение в его обвинительном результате.

Уголовные дела с непредсказуемым судебным решением не направляются в суд, отсеиваются на этапе расследования.⁸² То есть наиболее значимые процессуальные решения принимаются на начальном этапе расследования. Поэтому фигура следователя – главная в определении человека виновным. Следователь – основная фигура на стадии досудебного расследования. В настоящее время в России следователи работают в четырех различных ведомствах: Следственном комитете (СК), Министерстве внутренних дел (МВД), Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) и Федеральной службе безопасности (ФСБ). Из этих четырех ведомств на долю следователей МВД приходится 50 % уголовных дел и 83 % уголовных дел, рассматриваемых в форме следствия⁸³. Следователи этой структуры – наиболее многочисленная профессиональная группа и работают непосредственно с обычными гражданами. Поэтому практика расследований именно следователей МВД оказывает влияние на правовую культуру общества в целом.

Данная профессиональная группа чрезвычайно редко попадает в фокус эмпирического социологического исследования, что объясняется закрытостью агентов юридического поля в целом для научного анализа. Тем не менее, в 2014 г. коллективом Института правоприменения (Европейский университет в Санкт-Петербурге) было проведено масштабное социологическое исследование пилотного типа в трех субъектах РФ, представляющие разные федеральные округа; условные названия «Сибирь» (258 респондентов), «Северо-Запад» (130 респондентов), «Поволжье» (293 респондента). Наряду с анкетированием следователей МВД, собирались также глубинные интервью (всего 26), ведомственные нормативные акты и

⁸² Шклярчук М.С. Российский уголовный процесс как система фильтров: досудебные траектории и отбор уголовных дел на при мере МВД// Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст./ под ред. В.В. Волкова. М.2015. С. 155-183.

⁸³ Шклярчук М.С. Указ. Соч.

статистические данные⁸⁴. Материалы этого исследования легли в основу нашего рассмотрения следователей как агентов юридического поля.

Социально-демографическая характеристика рассматриваемой группы: преобладание женщин (71,7 %) средний возраст в группе в целом – 32 года, (руководителя – 39 лет). Среди руководителей незначительно преобладают женщины (54 %). Две трети следователей – выходцы из семей, в которых никогда не было юристов. Родственники из прокурорских или судебных структур есть только в 3,9 и 4,1 % опрошенных соответственно⁸⁵. Основное большинство (74,5 %) представителей опрошенной профессиональной группы характеризуются территориальной оседлостью: они работают в том городе, где родились и прошли профессиональную подготовку. Только 8,6 % респондентов дважды за свою жизнь меняли регион проживания (например, учились в школе в одном месте, в вузе – в другом, работают – третьем).

Интерес представляет анализ профессиональной подготовки следователей МВД: 10 % получили высшее образование к 21 году, 50 % - к 23 годам, 30 % - к 30 годам включительно, еще 10 % - после тридцати лет. При этом, 40 % следователей получали юридическое образование заочно. Рекрутируется эта профессиональная группа примерно поровну из юридических факультетов классических университетов (36,5 %) и ведомственных вузов (37,3 %)⁸⁶. Но среди молодежи большая часть (51,4 %) прошла подготовку в ведомственных вузах. Основное большинство респондентов (72,3 %) после окончания сразу пришли работать в следственные отделы и не имеют другого профессионального опыта.

Общая характеристика профессиональной деятельности следователей МВД. Основными видами преступлений, которыми они

⁸⁴ Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: 12 эмпирических фактов. Аналитический обзор. По результатам социологического исследования и цикла интервью. – СПб. 2015. – www.enforse.spb.ru

⁸⁵ Там же, с. 11-12.

⁸⁶ Титаев, Шклярчук. Указ. Соч. с.14-15.

занимаются, являются кражи (83 % респондентов указали на ст. 158 УК РФ), грабежи (53 % отметили ст. 161 УК РФ), мошенничество (41 % указали ст. 159 УК РФ). Кроме того, 80 % респондентов в совокупности указали еще 4 распространенные статьи: 162 – разбой, 111 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, 228 – незаконный оборот наркотиков, 160 – присвоение или растрата. Как правило, следователь самостоятельно, без опоры на оперативных работников, ведет дело. Обычно у него в производстве находится одновременно 13 дел в месяц. Каждый месяц он получает примерно 6 новых дел. Т.е. работники этих отделов перегружены⁸⁷.

Систематизация и анализ объема работы следователей показывает, что основной объем их профессиональных функций сосредоточен на оформлении процессуальных документов и доказательств, полученных в ходе работы оперативников по раскрытию преступлений.

«82,3 % следователей считают, что умение грамотно провести следственные действия после того, как установлено лицо, подозреваемое в преступлении, и есть главное умение следователя» Если учесть, то основной объем работы следователя – оформление документов, можно сказать, что суть следственной работы достаточно бюрократична. Но почти треть руководителей следственных отделов высказывают иную позицию: для них главным в профессии следователя является установление подозреваемого и умение раскрыть преступление⁸⁸. Анализ статистических данных показывает, что только 10,5 % дел раскрывается следователями, основной объем дел (66,7 %) раскрывают оперативники⁸⁹. Глубинные интервью позволяют увидеть, как сами следователи оценивают соотношение в их функциях доли «детективной» (раскрытие преступления) и «бумажной» (юридически корректно доказать вину, бюрократической) видов работы: «Следователь работает только с тем, что ему предоставляют. Он сам не ищет, не ходит, не

⁸⁷ Там же, с. 17-20.

⁸⁸ Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: 12 эмпирических фактов. С.17.

⁸⁹ Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М.: Норма. 2016. С.51.

роет. Единственное, у него есть, конечно, возможность запросы посылать. Замечательно, если ему ответит какая-нибудь суперорганизация, что все в цвет, все совпадает. Это бывает иногда, но очень редко. Поэтому следователь работает с информацией, которую ему предоставили. Если не наработал, естественно, мы сделать ничего не можем»⁹⁰.

Хотя на следователя возложена основная функция по возбуждению дела и его квалификации, он принимает решение, согласовав его предварительно с коллегами «по цеху». Индикативным для оценки работы следователя является частота его профессиональных контактов. Так, те следователи, которые считают, что смысл их деятельности – в умении грамотно провести следственные действия после раскрытия преступления, чаще контактируют с работниками прокуратуры. Следователи, считающие, что главное – квалифицировано раскрыть преступление, ориентированы на частый контакт с оперативниками. Но самые частые контакты у следователей – с работниками аппарата судов: 40 % следователей указали, что с ними они контактируют ежедневно, второе место – за сотрудниками прокуратуры (это отметили 16,7 %). В самый ответственный период – в первые сутки задержания (выезд на место преступления, задержание, возбуждение уголовного дела), - следователи, обычно контактируют с дежурным адвокатом (43,6 %), и представителями структур, близких к следующему этапу рассмотрения дела.

Систематизация и анализ собранных эмпирических материалов позволил сделать вывод о том, кто, в реальности, следователь не является самостоятельным агентом юридического поля, он принимает ключевые решения как результат коллегиального обсуждения (консультаций). Первое место в этих консультациях принадлежит руководителю следственного отдела, с которым обсуждаются все решения: о задержании, квалификации окончательного обвинения, приостановлении расследования, заполнении документов (статкарточка). Второе место принадлежит заместителю

⁹⁰ Титаев К., Шкляр М. Российский следователь: призвание, С.53.

прокурора – с ним согласуются вопросы квалификации преступления и квалификации обвинения на стадии передачи дела в суд. Но определенную роль также играют сотрудники полиции – оперативники и начальник полиции – они выступают в роли собеседников при принятии решения о задержании подозреваемого⁹¹.

В совокупности, работа следователя оценивается по количественным показателям: количеству дел, переданных в суд; количеству дел, возвращенных для производства дополнительного следствия; количеству дел, по которым вынесен оправдательный приговор; сроки в которые расследуются дела; количество сделанной работы (следственных действий); количество сложных дел, которые удалось рассмотреть; аккуратность в оформлении дел⁹². Наличие оправдательных приговоров или возврата дел для дополнительного расследования – показатели низкого качества следственной работы, не достаточной профессиональной квалификации следователя. Такая позиция объясняется традицией российского уголовного расследования: закон наделяет полномочиями следователя дать квалифицированную оценку привлечения, подозреваемого и в случае установления его непричастности – прекратить дело. «Следователь, по сути, должен принять судебское решение – решение о виновности или невиновности на основании того, насколько доказана вина конкретного лица. В отличие от судьи работа следователя не ритуализирована и не формализована – он принимает решения в кабинете, опираясь на материалы дела, в сборе которых, возможно, сам принимал участие»⁹³.

Анализируя перспективу развития профессии следователя социологи указывают, что по факту работа следователя не юридическая, о чем свидетельствует тот факт, что до 2011 г. для этой работы не было обязательным требование профильного юридического образования. «Работа,

⁹¹Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: 12 эмпирических фактов. С.23..

⁹² Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. С.136.

⁹³Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: 12 эмпирических фактов, с. 137.

которую делает следователь, - это работа бюрократическая и оформительская, любой тренированный сотрудник может справиться с ней. ...полученное юридическое образование практически не становится важным ресурсом в социализации следователя»⁹⁴. И вместе с тем, именно следователи МВД по факту принимают решение о виновности или невиновности человека, привлеченного к юридической ответственности.

Позиционируется работа следователей в суде стороной обвинения (прокурором).

Адвокаты как агенты юридического поля. Роль адвокатов в юридическом поле определена положением Конституции РФ (ч.1, ст. 48; 1993 г.) о праве граждан на получение квалифицированной юридической помощи. В 2002 г. был принят закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», определяющий статус адвоката как независимого советника по правовым вопросам; утвержден статус Федеральной палаты адвокатов как высшего органа адвокатского сообщества; квалификационные требования к адвокату и процедура его вступления в федеральную палату. Был принят также этический кодекс адвоката, направленный на добросовестную реализацию юридической защиты в суде. Однако в отличие от следователей и прокуроров основное большинство адвокатов финансируется за счет потребностей клиентов, получает свою известность и расширяют свою клиентскую сеть благодаря их контактам. Такая клиенто ориентированность обуславливает выбор другой стратегии – опираться не на этический кодекс адвокатов, а на устойчивые неформальные практики взаимодействия с судебским корпусом. Они направлены, скорее, на «продавливание» интересов клиента в судебном процессе, оказывая косвенное давление на судью. Выделяют следующие технологии⁹⁵:

⁹⁴ Там же, с. 187.

⁹⁵ Корнеева А.Е. Современные адвокаты: профессиональная практика в процессе трансформации//Социология и социальная антропология. 2006, Т.9, № 2. С. 132-151.

1) изначальный отвод судье, который даже если не будет принят, заставит судью быть более объективным при рассмотрении дела, т.к. в случае кассации суд высшей инстанции будет учитывать отказ от отвода судьи. При таком подходе отвод – способ приобретения равных позиций со стороной обвинения;

2) «взятка под судью», которая рассматривается самим клиентом как способ решения своей проблемы, при этом передачи взятки судье – не гарантированная процедура, переданные деньги могут осесть у адвоката. Достоверные данные о распространенности этих практик отсутствуют, но слов адвокатов-информантов указываются даже прецеденты цен на те или иные услуги⁹⁶;

3) заявление о намерении обжаловать результаты дела в вышестоящей инстанции; возможность отмены решения судьи влияет на успешность его карьеры. Вместе с тем, жалоба на приговор может быть подана и стороной обвинения, поэтому возможны «торги» сторон.

Рассматривая методы работы адвокатов в целом, выделяют также повышенное их внимание к фиксации процедурных ошибок на стадии следствия (неправильное оформление документов, нарушение закона при задержании, обыске, допросе и пр.). Защита клиента строится на настаивании на ошибках следствия, которые привели к обвинительному заключению. Достаточно распространенной практикой также является купля-продажа улик, что возможно, опираясь на контакты с оперативниками.

Все рассмотренные практики противоречат этике адвокатов и рассматриваются как «теневые», неформальные. «Отказ от этики дает больше возможностей адвокату доказать истинную преданность интересам клиента, которой он иногда подменяет свой профессионализм. Отказ от этики - это стиль работы современных адвокатов, отойти от него довольно

⁹⁶ Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С.259.

непросто, это, возможно, потребует воспитания нового поколения юристов»⁹⁷.

Судебное сообщество как агент юридического поля. Судебная система России после 1993 г. прошла период реформирования, который затронул механизм формирования судейского корпуса и управления кадрами судей. Введение в Конституцию РФ определения «Судебная власть» уже дало старт формированию этой ветви власти. Также, как и введение в Конституцию РФ раздела о гражданских правах определяло одну из фундаментальных целей судебной власти – обеспечение прав и свобод граждан. В связи с этим в рамках реформы судебной власти был утвержден независимый статус судьи (Закон о статусе судьи, 1992), который обеспечивался более строгим отбором кандидатов на этот пост, принципом несменяемости судьи с момента вступления в должность, неприкосновенностью судей, созданием системы профессиональной подготовки судей (Российской академии правосудия). Вместе с тем, интересно заметить, что в соответствии с законом на должность судьи может быть назначен выпускник юридических вузов и факультетов начиная с 25 лет, имеющий стаж работы по юридической специальности не менее 5 лет. Предполагалось, что независимость судебной власти будет обеспечиваться самостоятельным финансированием ее инфраструктуры (для этого был создан Судебный департамент) и профессиональные органы судейского сообщества (советы судей, квалификационные коллегии), которым вменялось рассмотрение качества функционирования судебных органов⁹⁸. Вместе с тем, анализ реализации этих принципов показывает в скором времени ограничение принятых мер⁹⁹.

Изучение динамики подготовки и реализации судебной реформы и создание условий становление самостоятельного статуса суда в юридическом поле позволили Масловской показать основную причину ее половинчатого

⁹⁷Корнеева А.Е. Указ. Соч., с. 151.

⁹⁸Краснов М. От Концепции 1991 года до сегодняшнего дня. Попытка инвентаризации // Российская юстиция 2001, № 11.

⁹⁹Морщакова Т. На полпути к правосудию//Отечественные записки. 2003, 3 2.

характера – неспособность суда преодолеть традицию подчинения исполнительной власти. «Положения реформы, направленные на формирование независимого судейского корпуса, противоречили традиционной роли Министерства юстиции как патрона по отношению к судебной системе. Чиновники министерства, которые ранее уже лишились значительной части своих полномочий по контролю над адвокатурой, не могли смириться с дальнейшим уменьшением сферы своего влияния. Кроме того, МВД также не было заинтересовано в усилении независимости судов. Чиновники этого ведомства часто рассматривали судебные решения как помеху для деятельности правоохранительных органов»¹⁰⁰. К тому же, ограничивались функции Прокуратуры, превращая этот орган лишь в одну из сторон судебного процесса, что вызвало противодействие и этой структуры судебной реформе.

В самом профессиональном слое судей также сохранялась тенденция к бюрократизации: вся полнота функция (административные, кадровые, процессуальные полномочия) сосредоточились в руках председателей судов. Рядовые судьи, получив формальную независимость, на деле оказались в подчинении председателями судов, которые оставались судейскими чиновниками. Именно они непосредственно осуществляют контроль за деятельностью судей, оценивать общие результаты их работы, распределять дела на рассмотрение.

Комплексное исследование Г. Сатарова показало, что реформу судебной системы в 90-х-нулевых годах XXI в. нельзя рассматривать как завершённую, поскольку не достигнуты ее главные цели: справедливость суда (преодоление обвинительного уклона, сохранение «телефонного права») не обеспечивается практикой; не достигнута также и независимость судебной власти по отношению к исполнительной ветви¹⁰¹. Эта ситуация в

¹⁰⁰ Масловская Е.В. Трансформация российской судебной системы: социологический анализ. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. С.77.

¹⁰¹ Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. С.443.

значительной степени определяется социально-демографическими и профессиональными характеристиками судей. Эти характеристики были выявлены в процессе эмпирического исследования, проведенного Институтом проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2011-2015 гг. в 15 регионах РФ в судах общей юрисдикции и мировых судах, поскольку на них приходится основной поток гражданских, административных и уголовных дел¹⁰².

Социально-демографическая характеристика судейского корпуса. Основное большинство (65 %) судей в России – женщины. При этом рост женского состава судей происходило в период повышения статуса профессии и ее оплаты. По мнению исследователей это связано с «изменениями политики набора в судейский корпус, ...высокой рутинизированности работы и большой нагрузкой»¹⁰³. Средний возраст судей – 43 года, но почти треть судей – моложе 40 лет, еще треть – в возрасте 40-49 лет, 35,6 % - в возрасте 50 лет и старше. Главным источником пополнения судейских кадров выступает аппарат судов (30 %), еще 20 % судей рекрутируются из прокуратуры, а 17,5 % - из других правоохранительных структур. При этом доля в прошлом технического персонала судов в составе судей постоянно растет¹⁰⁴.

Сравнение судей по местам предшествующей работы и уровню образования показывает, что «...те, кто работали в прокуратуре и негосударственном секторе больше инвестировали в свое образование, чем те, кто работал в аппарате суда или в государственном секторе. <.....> Найм судей из сотрудников аппарата суда, ставшего в последнее время основным поставщиком новых кадров в судебную систему, приводит в судейское кресло больше молодых женщин, получивших менее качественное

¹⁰² Волков В., Дмитрива А. Источники рекрутирования, гендер... //Социология власти. 2015. Т. 27, № 2.

¹⁰³ Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе//Социология власти. 2015. Т. 27, № 2. С.100.

¹⁰⁴ Там же, с. 102.

образование. Их практический опыт, как правило, ограничивается работой в суде, сначала в качестве секретаря судебного заседания, потом в качестве помощника судьи»¹⁰⁵. Так, в среди тех, кто пришел в судьи из аппарата судов 57,5 % обучались в вузе по заочной форме, но среди тех, кто пришел в судьи из прокуратуры таких 23,2 %.

Анализ траектории прихода в профессию судьи показывает, что бывшие «аппаратчики» блестяще справлялись с рутинной бюрократической работой (оформлением протоколов, делопроизводством), и потому, как правило, продвигаются на должности судей самими судьями. Для выдвиженцев же этот переход из секретарей (помощников) в судьи рассматривается как естественное повышение в должности за выслугу лет и умение вести делопроизводство. По нарративам самих судей такая профессиональная стратегия объясняется функциональными видами деятельности помощников судей: им приходится изучать законодательство и отслеживать изменения в нем, следить за постановлениями Верховного суда, изучать судебную практику, быть компетентными в процедуре принятия решений и делопроизводстве, участвовать в подготовке проектов решений для судей. Из описания судьями характеристик своей работы формируется образ «шаблонной, рутинизированной работы, необходимости обрабатывать большой поток дел в ограниченный период времени, необходимость тщательной организации труда, чтобы справиться с этим потоком»¹⁰⁶. Характерно также и то, что для судей «нового призыва» (после 2002 г.) доминирующим качеством судьи выступает «знание буквы закона» (его выделили 70 % опрошенных) по сравнению с качеством «быть справедливым» (48 %). В то время, как для судей, пришедших в профессию до 1991 г. эти ценности были равнозначимы (по 59 %). Показательно также и то, что произошло также снижение ценности «быть независимым» с 54 % у

¹⁰⁵ Там же, с.104.

¹⁰⁶ Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер... С.107.

судей старшего поколения («советского призыва») до 47 % - у судей «нового призыва»¹⁰⁷.

Оценка эффективности работы судьи осуществляется преимущественно по двум критериям: 1) доля дел, рассмотренных в установленные сроки; 2) стабильность судебных решений, т.е. доля дел, решение по которым не были отменены в общем объеме рассмотренных этим судьей дел¹⁰⁸. Оба критерия ориентированы на количественные показатели, следовательно, задают формализацию и стандартизацию работы. Поданные апелляции и кассации, отмена приговора высшей инстанцией трактуется как «некачественная» работа судьи.

При опросе судей был собран результат, показывающий их ориентацию на защиту законности, прав граждан и справедливости (только незначительное количество судей указали на такую ценность как «защита государственных интересов»)¹⁰⁹.

Вместе с тем, дифференцированный подход к анализу ценностных ориентаций судей позволил исследователям выделить три основных фактора, описывающие профессиональную культуру судей: признание ими зависимости от внешних обстоятельств (например, влияния коллег или председателя суда при вынесении ими решений); негативную оценку принципа открытости судебной системы; положительную оценку судебной иерархии и доминирующей роли председателя суда.

Таблица 1 – Отношение судей к судебной системе¹¹⁰

Насколько вы согласны со следующими	Доля (%) согласных	Интерпретация	Объясняющие переменные
-------------------------------------	--------------------	---------------	------------------------

¹⁰⁷ Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы// Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права/ Под ред. В. В. Волкова. – М.: Статус, 2012. С.150.

¹⁰⁸ Поздняков М. Критерии оценки качества работы судей и дисциплинарная ответственность. СПб: ИПП при ЕУСПб. 2014.

¹⁰⁹ Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы// Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права/ Под ред. В. В. Волкова. – М.: Статус, 2012. С. 141-145.

¹¹⁰ Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе. С.118.

утверждениями:			
<i>Первый фактор</i>			
Судебная система слишком открыта – это мешает работе	58,8	Негативное отношение к открытости	Женщины; Судьи, специализирующиеся в рассмотрении уголовных дел
Существующая система публикации судебных актов должна предусматривать больше ограничений	62,3		
Судьи не должны комментировать судебные решения	90,6		
<i>Второй фактор</i>			
При вынесении решения судьи испытывают давление коллег или вышестоящих органов	21,4		
Российским судьям иногда приходится рисковать карьерой ради вынесения справедливого решения	30,1		
Бывают ситуации, когда судьями приходится принимать недостаточно обоснованные решения	44,9	Чувствительность к внешнему давлению	Опыт работы в прокуратуре
<i>Третий фактор</i>			
Председатель суда (его заместитель) не должен помогать судьям разбираться в особо сложных делах	16,3	Бюрократическая (формалистская) ориентация	Специализация в гражданском процессе; опыт работы в аппарате судов; женщины
Опыт работы в аппарате суда очень полезен для будущего судьи	90,2		
Законное решение может быть не справедливым	71,8		

Выделенные характеристики профессиональной культуры судей свидетельствуют о том, что судейское сообщество по-прежнему не рассматривает себя в качестве независимого арбитра, напротив сохраняется стереотип восприятия работы судьи в качестве чиновника, обязанного защищать интересы государства. Между тем, демократизация судебной системы в РФ расширяет границы «судебного усмотрения», применение которого определяется самим судьей и позволяет ему учитывать

индивидуальные характеристики обвиняемого и специфику самого дела. Эта ситуация предполагает самостоятельного судью, способного выбирать решение и нести за него ответственность. Такое решение опирается на способность действовать не по шаблону (на что ориентирует работа в аппарате суда), а опираясь на навыки толкования права. «Судейское усмотрение в области толкования правовой нормы – это верный путь к исправлению судебной практики и уходу от практики единообразной, но неверной. Если судья загнан в прокрустово ложе формальных соображений, невозможно рассчитывать на вынесение справедливого решения»¹¹¹.

Но установка основного большинства судей на помощь председателя суда (или его заместителя) в разрешении сложных дел показывает их неготовность к самостоятельным практикам. Сами судьи не считают зазорным консультироваться друг с другом, хотя понимают, что через подобного рода консультации невольно может оказываться давление коллективного мнения на судью¹¹².

Анализ статистических данных о подсудимых, обвиненных в уголовных делах и представших перед судом в 2009-2010 гг., а также интервью с судьями, показывают, что передаются в суд дела типичные с готовыми подозреваемыми, фигурантами в которых выступают большей частью люди низко статусных или маргинальных слоев. Представители правоохранительных и государственных органов оправдываются в 8-10 раз чаще, чем представителей более низко статусных групп. Статистически на четыре социально статусные группы – правоохранителей, госслужащих, топ менеджеров, предпринимателей, которые в совокупности составляют 4 % подсудимых (тех, против кого возбудили дело и довели его до суда) приходится 31 % всех оправдательных приговоров. Иными словами,

¹¹¹Мишина Е. Судейское усмотрение и правоприменение//Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования/ Под ред. В.В. Волкова.- М.: «Статут», 2011. С.113.

¹¹² Глава кировского суда: «Я с уважением отношусь к Навальному» - Slon - https://republic.ru/russia/glava_kirovskogo_suda_ya_s_uvazheniem_otnoshus_k_navalnomu-932001.xhtml

статистические данные свидетельствуют о том, что на граждан «равенство» перед законом оказывает влияние их социальный статус, который влияет на решение судей¹¹³.

Эмпирические исследования показывают, что уголовные репрессии в России в настоящее время направлены, преимущественно против социально и экономически маргинальных слоев и низко статусных групп. Суды более ориентированы на изоляцию представителей этих групп и на более длительные сроки, чем представителей других статусных групп. Кроме того, результаты статистического анализа показывают также, что к группам, ассоциированным с государством (правоохранителям, госслужащим) применяются более мягкие наказания, чем к предпринимателям: «При одних и тех же юридических обстоятельствах суды наказывают их заметно более сурово, чем госслужащих по статье «мошенничество», а по некоторым общеуголовным статьям – так же, как безработных»¹¹⁴.

Однако преждевременно, объяснять такие практики субъективной предубежденностью судей. Исследование взаимодействий судей и прокуроров в проведении судебного процесса показывает механизм оказания институционального давления на судей. Э. Панеях показала стратегии прокуратуры, позволяющие доминировать обвинению в судебном процессе:

1) участие прокурора в отборе судей на стадии прохождения ими конкурса;

2) манипуляция обжалованиями и кассациями, что позволяет контролировать решение судьи;

¹¹³Волков В.В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда//Журнал социология и социальной антропологии. 2014. Т.17, № 4. С.69.

¹¹⁴Там же, с. 81.

3) обеспечение регулярности взаимодействий судей и прокуроров в одних и тех же территориях по делам одной направленности; фактически установления между ними отношений неформального партнерства¹¹⁵.

Анализ взаимодействий основных агентов юридического поля – стороны обвинения (следователей и прокуроров) – стороны защиты (адвокатов) - судей, показывает, что деятельность каждого из этих агентов оценивается в исчисляемых параметрах. Для оперативников это: количество зарегистрированных и раскрытых преступлений (т.е. принятых следователем), а также их соотношение; сравнение текущих показателей с аналогичными показателями прошлого месяца («расчетная динамика показателя»). По всем показателям ожидается рост, который свидетельствует о росте эффективности работы правоохранителей.

Получив дело от оперативников, следователь не обязан его довести до суда любой ценой. Его работа оценивается не по раскрываемости, но по количеству дел, переданных в суд. Качество собранных материалов оценивает прокурор. Поэтому следователь стремится передать дело в максимальной комплектации, отсюда – увеличение сроков следствия: сбор различных документов, запрашиваемых из архивов; выполнение всевозможных экспертиз и т.д.

Работа следователя тесно связана с работой прокурора, который осуществляет надзор за следствием. По оценкам экспертов – это наиболее рутинный и бюрократический вид деятельности прокурора. Как правило, надзор за следствием, и представление дела в суде (качество представленных следствием доказательств), осуществляется помощниками прокурора. В случае отклонения обвинения, вынесение оправдательного договора, ответственность несет прокурор, который за оправдательный договор получает взыскание (три выговора – основание для увольнения). Поэтому

¹¹⁵ Панеях Э. Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого//Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права/ Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут», 2012. С.109

прокурор всеми возможными средствами лоббирует вынесение обвинительного приговора судьей¹¹⁶.

Российский судья также, как и все рассмотренные агенты юридического поля, находится в бюрократической системе регуляций. Исполнение судьей всех предписаний контролируется председателем суда (хотя это часто представляется судьями как «посоветоваться», «проконсультироваться»). Важным показателем работы судьи является рассмотрение дела в установленные сроки, что порождает перегруженность работой, дефицит времени (плотный график заседаний суда) и невозможность зачастую вникнуть в суть дела. Для судьи, также как и для прокурора, вынесение оправдательного договора, отмена приговора или кассация – свидетельства некачественной работы, ошибок. Таким образом, объективно, заинтересованность прокурора и судьи в обвинительном приговоре усиливают друг друга, и практически не дают шансов адвокату пересилить линию обвинения. Анализ судебной статистики показывает, что основной поток апелляций и кассаций подается прокуратурой по «мягким» или оправдательным приговорам. Например, в 2008 г. было подано 41 % апелляций 44 % кассаций на оправдательные приговоры, а на обвинительные – в 15 раз реже апелляций и в 3 раза меньше кассаций. Каждый четвертый оправдательный приговор был отменен или изменен: «9,5 % по апелляциям и 15,1 % о кассациям дают 24,6 %... Для обвинительных приговоров сумма отмененных и измененных в высших инстанциях не превышает 4,5 %»¹¹⁷. В

¹¹⁶ О превышении должностных полномочий сотрудниками прокуратуры см.: Репьев А.Г. Преодоление кризиса профессиональной правовой культуры и правосознания субъектов, обладающих преимуществами, как направление правовой политики//Правовая культура. 2019, № 3 (38).

¹¹⁷Панеях Э. Практическая логика принятия судебных решений... С.109.

2008 г. оправдательные приговоры были вынесены лишь в 0,7 % всех рассмотренных судами уголовных дел¹¹⁸.

Количественные показатели работы всех агентов юридического поля, также, как и избыточное регулирование функционирования каждого из них порождает значительное расхождение повседневных юридических практик с законом и духом права (реализации в законе справедливости). По мнению Л. Панех основная проблема зарегулированности возникает не внутри каждого из агентов (МВД, прокуратуры, суда), а на стыке этих институтов: «там, где каждый из агентов сталкивается с ограничениями, накладываемыми на него *чужой* системой правил через конфликт интересов с контрагентами, чья деятельность регулируется этими правилами напрямую. Результат, возникающий на этом стыке систем, не будет компромиссом между целями регуляторов, создавших одну или другую систему регуляций, чтобы стимулировать агентов к исполнению титульных функций их ведомств. Не будет он и компромиссом между интересами ведомств и отражением дифференциала власти между организациями. Он будет компромиссом между интересами и целями непосредственных агентов с учетом дифференциала власти *между ними*, но и жесткости структурных ограничений, накладываемых на них формальными правилами, регулирующими их деятельность»¹¹⁹.

Результаты эмпирических исследований системы взаимодействий основных агентов юридического поля позволяют сделать акцент на том, что сами агенты, обычно, не осознают этих ограничений, воспринимают их, не рефлексируя, как изначально заданные и потому «нормальные» параметры их работы.

¹¹⁸ Панях Э. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде//Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования./ Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут»,2011. С. С.169

¹¹⁹Панях Э. Траектория уголовного дела... С.170.

Приведем суждения по вопросу обвинительного уклона российского правосудия одного из председателя судов. Он убежден, что сложившаяся в России система правосудия реализует возложенные на нее функции: «Количество оправдательных приговоров, которые выносятся в нашей стране меньше одного процента. Но система работает таким образом, что в суд, как правило, не попадают дела, которые могут выйти с оправдательным приговором. Система их фильтрует, они отсеиваются на ранних стадиях, когда ведется следствие. У каждой системы есть свои изъяны... Вынести оправдательный приговор по сравнению с обвинительным приговором, по статистике, сложнее в семь раз. При этом, к оправдательному приговору, как правило, и сил, и времени, и средств судья затрачивает значительно больше. ... У нас прокурор ни за что не пойдет на рассмотрение дела, когда орган предварительного расследования, не получив достаточной совокупности доказательств, передает дело дальше...¹²⁰». Следует отметить, что даже в 1936-1937 гг., в условиях массового нарушения прав человека, суд СССР вынес 10,9 и 10,3 соответственно, оправдательных приговора. И такая ситуация держалась до 1953 г.¹²¹ В настоящее время – менее 1 % и это рассматривается судьями как норма, соответствующая параметрам функционирования системы.

Анализ профессиональных ценностных ориентаций судей свидетельствует о том, что их установка на защиту гражданских прав, обеспечение законности и справедливости сочетается с убеждением в органичности обвинительного уклона для российского правосудия. Такая позиция судей следует из их убежденности в том, что истина устанавливается уже на этапе работы предварительного следствия (т.е. оперативниками), грамотного юридического оформления доказательств

¹²⁰ Глава кировского суда: «Я с уважением отношусь к Навальному» - Slon - https://republic.ru/russia/glava_kirovskogo_suda_za_s_uvazheniem_otnoshus_k_navalnemu-932001.xhtml

¹²¹ Поздняков М. Смысл и двусмысленность обвинительного уклона// Как судьи принимают решения.... С.99.

следователями и тщательного надзора со стороны прокурора. Иными словами, ответственность за выявление подлинных обстоятельств преступления со стороны судей перекладывается на работу прокурора, он – в свою очередь ее переадресует следователю, а следователь – оперативнику. Эта цепочка представляет собой «классическую» схему бюрократии. Однако сами агенты юридического поля не воспринимают себя участниками этого схемы. Таким образом, бюрократизация системы взаимодействий агентов юридического поля выступает долгосрочным социокультурным фактором, не воспринимаемым на рациональном уровне, и определяющим паттерны профессионального поведения агентов юридического поля. бюрократизм как долговременный социокультурный фактор стихийно воспроизводит установку на укрепление корпоративной культуры юристов. Неформальная организационная культура – например, принятые нормы «советоваться» по сложным делам судей с председателями судов, неформальные контакты следователей – с судьями, прокуроров и судей – вытесняют принципы профессиональной этики юристов.

Бюрократизация юридического поля обусловила укрепление доминирующей роли в уголовном процессе органов следствия и обвинения, оставив за судом функцию проверки качества работы должностных лиц на предшествующих стадиях. Тем самым, бюрократическая традиция даже при реформировании правоохранительных и судебных органов, вызвала снижение ценностного отношения к праву и не обеспечила роста правовой мотивации при разрешении ситуаций в повседневной социальной жизни.

Глава 3. Воспроизводство влияния долгосрочных социокультурных факторов на состояние правовой культуры российского общества.

3.1. Массовая культура как агент воспроизводства этикоцентризма: анализ фреймирования правовых ситуаций (на примере телесериала «Глухарь»)

Правовая культура, как ориентация и следование нормам права, формируется практикой повседневной жизни, в которой происходят события, квалифицируемые как нарушение или преступления, а также правоприменение, направленное на восстановление нарушенного правового порядка. Наибольшее воздействие на общество оказывает правоприменение по отношению к преступлениям. Его определяют как «...общественно-опасное деяние, посягающее на общественный строй, его политическую и экономическую системы, собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и др. права и свободы граждан».¹²² Правоприменительные практики – яркий индикатор устойчивости правовой системы, который воспринимается как сигнал о степени жесткости правового контроля и возможности совершения преступлений. Тем самым правоприменительные практики выступают мощным фактором формирования правовой культуры общества. Именно от них зависит устойчивость правовых установок, укоренение ценности права в коллективных представлениях, восприятие обществом правовой системы как репрессивной или восстановительной.

При этом характерной особенностью функционирования правоохранительных и судебных органов в России является информационная закрытость. И даже введение законодательства об открытости информации не сделало деятельность этих структур прозрачными для общества. Результаты мониторинга по этой теме в полиции свидетельствует: «Силовые ведомства не хотят публиковать информацию, даже если публикация этой

¹²² Преступление //Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С.288.

информации не несет никаких рисков. Правоохранительные органы, скорее декларируют свою открытость, активизируя работу пресс-служб и заполняя информационное пространство отдельными новостями, в основном направленными на формирование позитивной картины своей работы. Информация, которая позволила бы провести объективный анализ работы силовых ведомств, практически не публикуется». ¹²³

Этот вывод относится к данным официальной статистики. Но еще более закрыты представители правоохранительных структур для исследований, которые направлены на выявление мотивов сотрудников правоприменительных действий, определение выбора квалификации события, то есть выбора позиции «закона» или «справедливости». Вместе с тем, именно эти действия определяют не только статистический результат деятельности органов правоохранительной системы, но и социальную значимость этого результата – доверие к правоохранительным органам в целом, отдельным их структурам, а также – устойчивость коллективных представлений о ценности права и правовой защищенности гражданина в России.

Низкий уровень открытости правоохранительных органов, а также недостаточная правовая образованность основного большинства населения, при высоком уровне интереса к правовым практикам, уровню преступности, степени раскрываемости преступлений и пресечении правонарушений, а также - к качеству работы правоохранительных органов – все это обуславливает большой интерес к информационным телевизионным передачам юридического содержания, а также художественным фильмам и телесериалам детективного жанра, в которых раскрывается деятельность правоохранительных органов.

¹²³ Амара М.И., Шклярчук М.С., Бегтин И.В. Криминальная статистика и открытость полиции: Аналитический обзор (в рамках мониторинга законодательства об открытости статистической информации). – М., 2014. С.6.

Большинство сценаристов художественной кинопродукции этого профиля сами имеют опыт работы в правоохранительных органах, либо работают в тесном контакте с консультантами-практиками¹²⁴. В любом случае, они имеют возможность наблюдений за повседневной работой правоохранителей, неформального и близкого контакта с ними, корректировки художественного вымысла с точки зрения его допустимости в реальной действительности. Некоторые создатели современных художественных лент рассматривают необходимость для телевидения отражать реальную жизнь. Так, И.Куликов, сценарист и создатель телепроекта «Глухарь», о буднях современной милиции (полиции) признается: «Телевидение, я считаю, является зеркалом и отражением жизни. Если это есть в жизни, мы обязаны это показывать. Наш сериал такой первый».¹²⁵

Кинопродукция, акцентирующая внимание не на острых детективных сюжетах, а на повседневных профессиональных практиках правоохранителей, представляет интерес также для социологического анализа, именно потому, что в фильмах такого рода реконструируется специфика социокультурного поля правоохранительных организаций, в которых разворачиваются события, показывается мотивация акторов правовой ситуации.

Событие в кинофильме, претендующем на достоверность, показывается в социологическом измерении - как целостный фрагмент социальной реальности. Событие социологами определяется как последовательность совершаемых действий, имеющих для наблюдателя смысловую завершенность, элементарность (оно наблюдается здесь и сейчас). При этом важна взаимосвязь происходящих действий в пространстве

¹²⁴ Здесь достаточно назвать имена юристов Д.Корецкого и А.Марининой, которые получили широкую известность как авторы романов детективного жанра.

¹²⁵ Глухарь»: новый герой на экране или клевета на милицию //Эхо Москвы - <https://echo.msk.ru/programs/tv/624283-echo/>

и времени: «Как время, так и пространство события идентифицируется в некоторой системе координат или в рамках взаимосвязанной совокупности однородных моментов и мест».¹²⁶

Важное значение при наблюдении события, имеет социокультурное поле. В современной социологии понятие «поле» ввел П.Бурдьё, в концепции которого это понятие, также как и понятие «габитус», занимает центральное место и направлено на преодоление разрыва между макро- и микроанализом социальных явлений. По аналогии с физикой (из тезауруса которой заимствовано это понятие, и где поле определяется как особый вид материи, определяющий взаимодействие частиц), социологи трактуют поле как автономный участок социального пространства, обладающий особыми ценностями и нормами, которые определяют поведение индивидов, попавших в это поле. При этом, поле как внешняя среда по отношению к изучаемым индивидам, определяет их поведения, но, одновременно, через деятельность этих индивидов, поле воспроизводится. С этой точки зрения, индивиды ответственны за поддержание ценностей и норм, функционирующих в поле. Поэтому, например, определенные учреждения, ответственные за воспроизводство базовых социокультурных сфер жизни (будь то, церковь, банк, больница, суд, школа и др.), четко контролируют символическое оформление пространства, дресс-код своих агентов, корпоративную этику, уровень профессиональной подготовленности, культуру профессиональной деятельности.

Стремление сценариста (режиссера) к достоверности позиционируемой реальности, обуславливает необходимость для него воспроизводства специфики правового социокультурного поля. С этой точки зрения, самого сценариста (режиссера) можно рассматривать как профессионально

¹²⁶ Филиппов А.Ф. Базовый словарь теории социальных событий// Пути России: проблемы социального познания. Международный симпозиум. 3-4 февраля 2006. / Под общ. ред. Д.М.Рогозина. – М.: МВШСЭН, 2006. С.199-200.

подготовленного «делегированного наблюдателя».¹²⁷ Тем самым, кинофильм представляет нам определенное социокультурное поле, которое можно использовать как объект качественного социологического исследования, направленного на выявление схемы восприятия сотрудниками правоохранительных органов (в первую очередь, следователями) правовой ситуации и ее идентификации.

Рассмотрение социокультурного поля, представленного сценаристом («делегированным наблюдателем»), позволяет выдержать базисные принципы качественного исследования: акцент *на подробном описании деталей* повседневной жизни, которое позволяет понять общий контекст изучаемого события; рассмотрение *события как завершенный процесс* (череду действий); и в более широком *социальном контексте*, который объясняет мотивацию акторов в рассматриваемом поле; понимание реальности (рассматриваемых событий) как осознанных действий акторов (хотя и далеко не всегда отрефлексированной). Наконец, благодаря позиционированию в кинолентах социокультурного поля правового пространства, можно реализовать такие принципы качественного исследования как: выявление видение реальности в том виде, *как она отражается в сознании людей* (т.е. выявление первичных схем восприятия реальности) и акцентировать внимание на вопросе «Как?» (Как принимается решение агентом социокультурного поля? Какими ценностями это решение мотивировано?).¹²⁸

Об эвристичности кинотекста в изучении социокультурного поля как определенного фрагмента реальности свидетельствует также и понятийный аппарат качественного исследования: «социальная ситуация как спектакль»,

¹²⁷ Этот термин введен Кессельманом Л. Для ситуаций, когда респондент (информант) по каким-то причинам уклоняется от прямых ответов или подробностей, и тогда наблюдение специально подготовленных интервьюэров за поведением респондентов содержат больше информации, чем сами ответы респондентов. См. Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании. СПб; Самара, 2001.

¹²⁸ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. Спб.: Интерсоцис, 2006. С.15-17.

«драматургический подход», а также совпадение объекта наблюдений у создателей кинотекста и социолога – устойчивых стандартных житейских ситуаций.

Для нашего исследования важны именно типовые стандартные правовые ситуации, которые позволяют увидеть типичу смыслов первичной схемы восприятия правовой ситуации и типовую схему действий со стороны всех участников этой ситуации – действующих агентов поля (правоохранителей разного профессионального статуса), и случайных участников (потерпевших, свидетелей, наблюдателей).

Следует отметить, что современное массовое киноискусство активно использует детективный жанр и повествования о «буднях» работников правоохранительной системы. Достаточно перечислить известные телесериалы: «Бандитский Петербург», «Тайны следствия», «Каменская», «Судья», «Ментовские войны» и др. Однако с точки зрения достоверности показа повседневных рутинных правовых событий, с которыми сталкивается среднестатистическое районное отделение полиции, был выбран телесериал «Глухарь» (сценарист И.Куликов, продюсер Е.Люблинский). Впервые он вышел на телеэкран в 2008 г., собрал высокий зрительский рейтинг (доля аудитория кинопроекта достигала 37-40 % зрителей), что обусловило создание серий, которые демонстрировались в течение трех сезонов (включая 2011 г.).¹²⁹ Всего было снято 160 эпизодов, повествующих о разных профессиональных ситуациях сотрудников вымышленного районного отделения милиции (полиции).

Телесериал вызвал большую популярность у телезрителей и широкие дискуссии, в которых выявилось, что популярность связывалась с узнаваемостью аудиторией милицейской повседневности, а также с тем, что в нем рассматривались не хитроумные интриги или жесткие (кровавые) события, а рутина повседневных дел. Сценарист (И. Куликов), продюсер (Е.Люблинский) и актеры, исполняющие главные роли в своих интервью

¹²⁹«Глухарь» - <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

разных СМИ высказывались о том, что телесериал задумывался как ориентированный на показ реальной действительности и реальных полицейских. После просмотра фильма зрительская аудитория раскололась на тех, кто считал, что в фильме представлена «правда жизни», и тех, кто считал, что в сериале милиция (полиция) показана очень негативно. Однако сценарист и продюсер убеждены: «Жизнь намного более жестка и непредсказуема, чем мы показываем. Мы же тоже чувствуем свою ответственность за то, что мы показываем. В жизни все гораздо более плохо, чем мы это делаем. Поэтому я и говорю, что это только часть правды».¹³⁰

Сделаем также акцент на экспертную оценку профессионала МВД телесериалу «Глухарь», которая в 2011 г. была дана экс-министром внутренних дел РФ Р. Нургалиевым: "Мне нравится фильм "Глухарь", потому что впервые показана наша жизнь и психология. Это удалось сделать, там есть наша жизнь. Остальные сериалы какие-то не те. Иной раз даже, выступая перед коллегами, говорю: обратите внимание, потому что важна оперативная психология."¹³¹

Цель обращения к анализу продукции массового кинопроизводства - выявить восприятие типовых юридических ситуаций, в которые попадают миллионы российских граждан; определить общую культурную (ментальную) основу идентичности ее восприятия представителями правоохранительных органов и обычными гражданами, которая транслируется на многомиллионную зрительскую аудиторию популярных телесериалов. Для этого не требуется проводить контент-анализ множества телесериалов или множества серий одного телесериала, достаточно выбрать один из узнаваемых типовых сюжетов.

¹³⁰ «Глухарь»: новый герой на экране или клевета на милицию //Телохранитель – Эхо Москвы - <https://echo.msk.ru/programs/tv/624283-echo/>

¹³¹Нургалиев смотрит сериал "Глухарь", считая его самым объективным – РИА новости. 6 сентября 2011 (<https://ria.ru/20110906/431032478.html#ixzz35P0uGCkx>)

Исследование типовых схем восприятия правовой ситуации, которое позиционируется в телесериале, строилось в два этапа: на первом было дано описание правового социокультурного поля¹³², которое определяет поведение агентов поля, а также самого наблюдаемого события; на втором этапе был проведен анализ фреймирования агентами поля (следователями, служащими ППС) типовой правовой ситуации, которое показано «делегированным наблюдателем» (сценаристом).

Цель исследования – выявить влияние неосознаваемых социокультурных факторов (в частности – этикоцентризма отечественной культуры) на первичные схемы восприятия правовой ситуации современными правоохранителями.

Гипотеза исследования – функционирование милиции (ныне полиции) в условиях действия системы двойного стандарта в правоприменении по отношению к представителям разных социальных групп, провоцирует часть правоохранителей к оценке ситуации не в правовом поле, а в поле нравственной оценки ситуации.

Первый этап. Для анализа была выбрана Серия 22 - «Сутки» первого сезона сериала «Глухарь». Фильм построен на пересечении двух сюжетных линий. Первая (периферийная, фоновая) повествует о неправомерном использовании депутатами машин «Скорой помощи», оснащенных специальными сигналами, для приоритетного передвижения по столице, в условиях, когда депутатам специальным постановлением запретили пользоваться аналогичной сигнализацией на своих автомобилях. Этот сюжет освящает макросоциальный фон отношения к праву в России, для которого характерно пренебрежение правом политической элитой (в данном случае, депутатами). И восприятие этой ситуации как нормы глазами правоохранителей (следователей).

¹³²Методика качественного анализа социокультурного поля дана в указанной работе Ильина В.И., с. 31-34.

Вторая сюжетная линия (основная), направлена на освещение отношения к праву в повседневной жизни представителей массовых слоев общества. Поэтому в фокусе внимания – районный отдел милиции (полиции). Здесь рассматриваются типовые уличные преступления – нападения на людей с целью ограблений в вечернее время. Таких нападений в РОВД зафиксировано уже несколько. О преступниках известно только то, что их двое, оба – не русские, предположительно мигранты, все преступления совершались в территориальной близости выхода из станции метро.

Характеристики социокультурного поля. Основное действие происходит в районном отделении милиции (полиции), с характерной обстановкой: коридором, с вереницей закрытых кабинетов; кабинетом следователей на несколько рабочих мест; комнатой для допросов, без окон, включающей из обстановки только стол и скамейку; «обезьянником» для задержанных, снабженным решеткой, скамейкой; специально отгороженным местом для дежурного, стационарным телефоном; свободным входом в отделение полиции. В коридоре – почти голые стены с редкими стендами, видимо, с распоряжениями и приказами, отсутствие каких-либо стульев; коридоры – только проходы. В кабинете следователей – на полке официальная документация, сборники юридических документов; на стенах – карты-схемы участка, какие-то частные фотографии, сертификаты. Кабинет начальника отличается более широким пространством, офисным размещением оргтехники, папок, жалюзи, картой участка. Аскетическая обстановка помещений РОВД, закрытые двери, выходящие в коридор (исключая открытый вход в здание), указывает на регламентированность и закрытость происходящих здесь событий. Это и есть – правовое социокультурное поле – т.е. локус пространства, в котором господствуют правовые нормы. Попадая в это пространство, случайный человек, *не сотрудник* РОВД, чувствует себя «инородным телом», лишним; в этом пространстве для него нет места.

Основные события происходят в коридоре, на лестничной клетке, в изоляторе временного содержания («обезьяннике»), допросной, частично – в кабинете следователей. Кабинет начальника РОВД открывается как зона наблюдений в начале этого сюжета в двух случаях: когда начальник приглашает подчиненного, застигнутого в конфликтной ситуации с сотрудником другого отделения *на лестничной клетке*, выясняется предмет конфликта – неэффективность работы этого следователя по задержанию преступников этих разбойных нападений; и когда начальник приглашает старшего следователя для обсуждения сложившейся ситуации с задержанием этих преступников. В обоих случаях выясняется не эффективность организации каких-либо следственных действий по поиску преступников именно в этой конкретной серии. Символика пространства кабинета начальника «подсказывает»: рамки формального права, которое продуцируется этим полем, является малоэффективным для поиска преступников этой серии правонарушений.

Характерна подробность: беседы со свидетелями, а также беседы сотрудников происходят в силовом поле права – в кабинетах. Беседы с задержанными - в «обезьяннике», или в закрытой допросной. А неформальное обсуждение ситуации между сотрудниками происходит в коридоре, на лестничной клетке, или на крыльце, перед входом в здание РОВД. И уже этим фиксируются *границы* правового социокультурного поля: это пространство кабинетов и рабочее место дежурного, созданное по типу полуоткрытого кабинета. Пространство «обезьянника» и допросной – за пределами правового пространства, судя по тому, как обращаются с задержанными (особенно, если кто-то из них проявляет агрессию). По мере отдаление от пространства кабинетов и рабочего места дежурного проявляется ослабление действий норм и ценности правового поля.

Культурная программа поля. Она проявляется через различные символические проявления: форму одежды сотрудников, размещение документов, стендов, внешнем облике сотрудников, их манере общаться.

Следует отметить, что все сотрудники носят форму милиции, что свидетельствует об их основной функции: они работают с населением на улицах или в кабинетах, и потому должны выделяться визуально как государственные служащие, носители закона. Их занятость – не работа, а служба, что предполагает не нормированный рабочий день, увеличение время профессиональной занятости за счет своего личного времени, готовность в любое время суток приехать на службу; вытеснение на периферию сознания личных (семейных) интересов. Работа для этих людей не то место, где отработывают положенные часы – они на ней живут. Достижение единого понимания смысла выполнения профессиональных задач и ролей обеспечивается профессиональной подготовкой в ведомственных (МВД) высших и средних специальных образовательных организациях, ориентированных на доминирование специальных профессиональных дисциплин за счет университетских общеобразовательных и теоретических дисциплин. Ведомственная профессиональная подготовка, при которой транслируются достаточный объем профессиональных знаний определяет формирование профессионального габитуса – «системы схем восприятия и оценивания практик, и одновременно их воспроизводства». При этом, как было раньше показано, данные практики по П. Бурдые воспроизводятся только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла. Вторичная социализация в вузах МВД формирует такие коды и схемы классификации. Из всех сотрудников рассматриваемого РОВД, только один – студент-стажер, имеет университетскую юридическую подготовку. Динамика правовой коллизии, рассматриваемой в фильме, показывает, что специфика юридического образования, полученного в ведомственном вузе или в университете, ориентирует на разные схемы восприятия ситуации. Поэтому возможность равного присутствия в пространстве РОВД воспитанников университетов и

институтов (академий) МВД содержит разрушительный потенциал для ценностного основания культурного поля.

Язык поля. Характерный язык поля прослеживается на протяжении всего фильма. Он проявляется в следовании нормам уголовного кодекса, правилам субординации, предельно узком пространстве неформальных форм взаимодействий в присутствии старшего по званию. Начальнику отдела не задают вопросы, а преимущественно отвечают; его распоряжения не обсуждаются, а выполняются. Начальник обсуждение решений и сомнения допускает только в личных взаимоотношениях, но при закрытых дверях кабинета. Таким образом, язык поля проявляется в соблюдении правовых норм, регламентирующих профессиональную деятельность, иерархических взаимодействий, единоначалия, формализации, контроле соблюдения профессиональных норм поведения и исполнении профессиональных ролей. При этом, нарушение правил сотрудниками скрывается от начальника, который в данном пространстве выступает организатором поля и контролирует воспроизводство его ценностей и норм. Вместе с тем, после официального рабочего дня, даже в условии вызова на службу в ситуации задержания преступников, начальник и может явиться одетым не по форме. Так же может поступить и сотрудник ППС. Отсутствие формы, ставит сотрудника в ситуацию частного лица, который может допустить не уставные формы поведения.

Описание события. Накануне события – задержания преступников, зрители (внешние наблюдатели) дважды сталкиваются с восприятием ситуации из уст действующих лиц – следователей РОВД: кражи с избиением женщин происходили вечером в темное время (5 эпизодов), потерпевшие не видели преступников (нападали сзади), не могли их опознать; одна из потерпевших скончалась в больнице, другая – в коме, еще три – с тяжкими телесными повреждениями; свидетелей нападений не было выявлено. Одна из потерпевших – сестра сотрудника ППС. Исходя из опыта, следователем была выдвинута гипотеза о том, что задержание преступников возможно

лишь в условиях еще одного нападения, если сотрудники ППС в этот момент окажутся рядом.

Первый элемент события - задержание преступников. Оно произошло близко к полуночи сотрудниками ППС, в период дежурства. Их задержали в момент нападения, когда были уже нанесены удары потерпевшей, но ограбления не произошло. Следователь и студент-стажер отдела следователей в это время находились на дежурстве. В отделение был доставлен сначала один задержанный и вместе с ним - потерпевшая, затем при участии следователя – доставлен второй задержанный (невозможность их совместной доставки была обусловлена отсутствием места в машине). Итак, первым компонентом (действием) события стало задержание преступников, грубость и агрессия каждого из них, в том числе и по отношению к начальнику РОВД, прибывшей в отдел по вызову.

Вторым компонентом (действием) события – является создание условий для юридической процедуры. К этому действию можно отнести общение следователя с потерпевшей, доставленной с ушибами и в состоянии, близком к сотрясению мозга (диагноз врача «Скорой помощи»). Цель беседы – убедить потерпевшую опознать задержанных. Она сначала отказалась, ввиду того, что не видела лиц нападавших. Однако следователь объясняет: без ее опознания, невозможно будет привлечение задержанных к уголовной ответственности. Кроме того, без ее подтверждения кражи ее личных вещей, задержанные будут привлечены не за разбой, а за хулиганство (т.е. отделаются «легкой» статьей). Этот компонент дополняется еще одним действием: в отделение по звонку коллег, приехал сотрудник ППС вместе со своей сестрой - другой потерпевшей, и ее мужем. Они тоже приехали на опознание (хотя не формально, без официального вызова). Увидев одного из задержанных в «обезьяннике», эти два случайных для ночного дежурства участников события (брат потерпевшей, сотрудник ППА, и ее муж), вошли к задержанному и стали его избивать, пока факт избиения не был прерван подоспевшими следователем и дежурным. В комплекс второго компонента

события можно отнести также агрессию второго задержанного, с которым происходит встреча следователя, начальника РОВД и приехавшего во внеслужебное время сотрудника ППС. После ухода следователя и начальника РОВД, за закрытыми дверями допросной (и за кадром) происходит избиение второго задержанного, которое было спровоцировано его агрессивным поведением. Завершение этого компонента события: начальник РОВД, одетая не по форме, и не в служебном кабинете, а в коридоре, приглушенным голосом приватной беседы, отдает распоряжение следователю: «Надо этих отморожков закрыть. Сделай все, как надо. Я отвернусь. И вызови понятых. Понимающих». А затем, повернувшись к дежурному: «Меня здесь не было».

Третий компонент события – подготовка понятых. Для этого обращаются к ночному охраннику рынка, которого, судя по реплике следователя, часто привлекают в этом качестве. В качестве второго понятого вызывают приятеля следователя, сотрудника ДПС, которого поднимают с постели в состоянии сохранившегося опьянения. На пороге, перед входом в здание РОВД, следователь объясняет мнимым понятым суть ситуации. При этом указывает на то, что фактических улик против задержанных нет. Максимально, ситуация «тянет» на «хулиганку» и побои, к тому же - в зависимости от тяжести. Но нужно свидетельствовать о том, что «они у нее как будто украли, а не просто избили. Поверьте, ребята – это требование общественности!». Один из приглашенных «понятых» уточнил: это по тем событиям с избиением женщин? И получил подтверждение. Мнимые понятые согласились все подтвердить.

Четвертый компонент (действие) события - опознание. Наблюдатель видит прикованных наручниками к решетке «обезьянника» двух задержанных, со следами побоев на лицах, в карманы их одежды следователь демонстративно рассовывает личные вещи последней потерпевшей. Приглашают понятых и потерпевших. Происходит имитация опознания. Завершающий аккорд действия – обращение следователя к задержанному: «Вот и все. Будет очень хороший срок. Это я тебе обещаю!».

И последствие: потерпевшие выходят из здания РОВД и благодарят следователя.

Второй этап. Фрейм-идентификации события. Представленное целостное событие (от задержания до опознания задержанных), включая вербальные и визуальные коммуникации участников, позволяет вычленить его неосознаваемые рамочные структуры, которые конституируют восприятие агентами юридической ситуации.

Правовые рамки оценки ситуации включают в себя доминанту ценности права, главное содержание которой сводится к соблюдению равенства всех граждан перед законом. А это значит, что к любому индивиду (задержанному), независимо от поло-возрастных, этнических, гражданско-правовых характеристик должен быть применен принцип презумпции невиновности. Его реализация предполагает четкое соблюдение процедур, предусмотренных правом. Такое совпадение обеспечивает справедливость в понимании либерально-правовой идеологии, опирающейся на ценности гуманизма (включая ценность человеческого достоинства и гражданских прав и свобод). Именно этот подход заложен в Конституцию РФ, принятой в 1993 г.

Рассматриваемая ситуация ее главными агентами структурировалась иначе. Сотрудники ППС задержали двух индивидов за преступление, состав которого ими определялся как хулиганство с нанесением телесных повреждений. Однако они идентифицировали задержанных как тех, которые якобы совершили предыдущие разбойные нападения на женщин. Основание для такой идентификации - совпадение нескольких внешних характеристик, а именно: количество нападавших (двое), этническая принадлежность, однотипный способ нападения, агрессивный стиль поведения при задержании. Кроме этого, включается неосознанная схема интерпретации события (его первого и второго компонентов) как необходимость восстановления справедливости, заложенной культурным кодом – виновный должен быть наказан.

Следует отметить, что эта же схема восприятия возникла и у следователей в РОВД, куда были доставлены задержанные. При этом, следователь в установлении идентичности, задержанных с теми, кто ранее совершал разбойные преступления, опирался на собственный профессиональный опыт, свое видение сценария, при котором могут быть задержаны эти преступники. Второй источник этой схемы восприятия - априорное недоверие к задержанным, особенно, если они – мигранты. Об этом недоверии свидетельствуют реплики. Например, начальник РОВД, глядя на задержанного, говорит об этом мужчине в среднем роде: «Ты уверен, что это – ОНО? А ВТОРОЕ – где?». Еще характеристика в адрес задержанных – «отморозки». Еще одна реплика дежурного, относительно сотрудника ППС, бывшего десантника: ранее из-за неприязни, он избил задержанного мигранта, который находился как задержанный в «обезьяннике». Это отношение в совокупности с использованием силового воздействия свидетельствуют о торжестве принципа виновности задержанного и его неравенства со всеми другими лицами.

Мотивация такого переопределения ситуации из правовой в оценочную (нравственную) – выполнение профессионального долга, служение людям, восстановление справедливости. На это указывают слова следователя, объясняющего мнимым понятием, необходимость их лжесвидетельствования: «Поверьте ребята, - это требование общества». На эту схему восприятия события указывают и его объяснение потерпевшей необходимости лжесвидетельствования: «без кражи это - хулиганка, в лучшем случае они будут наказана на 2 года; а должны вообще сидеть в тюрьме».

Интересно отметить, что эта схема восприятия события разделяется всеми агентами-правоохранителями (исключая студента-стажера, пока еще не являющегося сотрудником РОВД), которые понимают друг друга на невербальном уровне. И эта же схема воспроизводится потерпевшими и понятиями – не являющимися агентами правового поля. Попав в силовое пространство данного социокультурного поля, эти случайные агенты

принимают правила, которые здесь приняты. А именно: при использовании внешних презентационных правовых норм в действительности реализуются в неправовые нормы.

Однако в отличие от случайных участников события, агенты социокультурного поля, причастные к принятию решений – следователь, стажер, начальник РОВД, - понимают зазор между нормами права, и выбором собственной модели поведения, которое имеет лишь внешние нормативно-правовые признаки. На это понимание указывают косвенные символические характеристики: например, все неправовые действия вынесены за границы правового поля; они совершаются не в кабинетах, а в коридоре, на крыльце; там же ведется обсуждения того, как нужно имитировать свое поведение в соответствии с правовой нормой. Кроме того, комментарии следователя, который склоняет к лжесидельствованию, произносятся в приватной форме, с пониженным тоном. Обсуждение ситуации следователем и начальников РОВД также происходит в приватной форме. И начальник (женщина) откровенно указывает на привлечение «понятливых» понятых, необходимость «сделать все как надо», и скрыть ее присутствие при этом событии.

Интересна еще одна подробность: прямое столкновение носителя правовой культуры при доминировании ценности права (стажер-студент) и следователя, допускающего неформальные практики разрешения правовой ситуации, показывает оценку правоохранителями-практиками декоративности права, его пригодность для регулирования взаимодействий лишь в социально-благополучных слоях. А массовые типовые практики взаимодействий широких слоев регулируются именно таким имитационно-правовым способом. И такой способ действий правоохранителей они сами и все окружающие воспринимают как справедливый. Именно такого рода ситуации описывались П.Бурдые: «Однородность габитусов, наблюдающаяся в границах одного класса условий существования и социальных детерминаций, есть то, что делает практики и произведения непосредственно

понятными и предсказуемыми, а, следовательно, воспринимаемыми как очевидные и сами собой разумеющиеся. Габитус позволяет экономить на интенции не только при производстве, но и при расшифровке практик и произведений».¹³³

Не лишним будет указать также на смыслы, которые вкладывали в процесс фреймирования события «делегированные наблюдатели» - сценарист, продюсер, исполнители главных ролей. Так, М.Аверин, исполнитель роли следователя Глухарева, объясняет широкой аудитории: «У фильма очень хороший слоган: «Оставаясь на страже закона, оставайся человеком». Понимаете, наши законы несовершенны и, этот человек [Глухарев] пытается людям помочь. Поймите, в этой стране живет огромное количество людей, которые неграмотны в законах. Тетя Маня из Марьиной Рощи не знает, на что она имеет право, а на что нет».¹³⁴

И.Куликов (сценарист): «У них [следователей] главная задача сейчас не блюсти закон, а человеком остаться. ... Любой человек, в этой системе, очень честный или не очень, не может не видеть, что вокруг твориться».¹³⁵

Приведем еще фрагмент интервью продюсера фильма Е.Люблинского на канале «Эхо Москвы»:

«Вопрос: Где та грань, которая определяет, что хорошее, а что плохое, если люди привыкают, нарушают где-то инструкции, законы, потому что они считают, что это правильно? А судьи кто?»

Е. Люблинский: Только ты сам, конечно.

Вопрос: Вряд ли кто-то обрадуется, что один-два сотрудника милиции могут решать судьбу подозреваемого вот таким образом.

Е. Люблинский: Но, к сожалению, это есть жизнь. Никуда от этого не деться».¹³⁶

¹³³Бурдые П. Практический смысл. СПб., М., 2001. С.113.

¹³⁴Эхо Москвы. 2.05.2010. <https://echo.msk.ru/programs/tv/675263-echo/>

¹³⁵ Интервью И.Куликова. – Газета «Персона» - <http://personarf.com/>

¹³⁶ «Глухарь»: новый герой на экране или клевета на милицию //Телехранитель – Эхо Москвы - <https://echo.msk.ru/programs/tv/624283-echo/>

Суть дилеммы была коротко сформулирована известным кинокритиком М.Богомоловым: «Они [полицейские в фильме] знают, что нарушают. Знают даже, на какой срок может потянуть то или иное пренебрежение к норме Уголовного кодекса. Но идея справедливости для них превыше закона. Как для Жеглова.... Но коренится-то проблема не в низкой правовой культуре населения, а в слишком большой у нас вилке между Справедливостью и Законом».¹³⁷

Итак, проведенный анализ взаимодействий агентов правового социокультурного поля по поводу события позволяет показать функциональную ограниченность институциональных форм права. Основным препятствием выступает пониманием агентов правового социокультурного поля, ориентированных на другой смысловой код и другую классификацию событий.

В основе схемы восприятия события правоохранителями лежит неотрефлексированные ими элементы культурного кода. Первым среди них является соотнесенность события с пониманием справедливости, главное содержание которой – служение на благо общества, защита слабого, воздаяние людям по их делам. Другим таким элементом культурного кода является восприятие права в качестве внешней необходимости по отношению к повседневной жизни. Уверенность в том, что инструменты права (законы и процедуры) неэффективны при разрешении преступлений.

Под влиянием выделенных неотрефлексированных элементов культурного кода восприятие правоохранителями юридической коллизии смещается из правовой классификации в нравственную, которая опирается на индивидуальное понимание смысла справедливости и собственной роли в ее реализации.

¹³⁷Богомолов Ю. Птенцы гнезда Глухаревых Появился ли на ТВ первый милицейский сериал, которому веришь?- Российская газета. RG.RU - <https://rg.ru/2008/12/04/bogomolov.html>

Классификация события в понимании нарушения справедливости влечет за собой осознанное воспроизводство неправовых практики в правовом поле. Такая ситуация оказывается возможной потому, что все остальные агенты рассматриваемого социокультурного поля также владеют этим культурным кодом, определяющим неправовые схемы восприятия и понимание их социального смысла.

Создание авторами популярных телесериалов подобных нарративов о повседневной деятельности правоохранительных органов, бесспорно, опирается на законы жанра. Можно также согласиться с популярным ныне тезисом о том, что массовая культура, и телевидение как один из ее транслятор, в том числе, не должны выполнять функцию воспитания и социализации. Вместе с тем, технические особенности композиционного построения современной продукции массовой культуры, и телесериалов также, вызывают эффект клиповости сознания и формирования новыми средствами мифологизации коллективных представлений. Чем более талантлив сценарий и ярче игра актеров, тем менее различима грань между достоверностью и вымыслом. Можно с уверенностью сказать о том, что современные произведения массовой культуры работают на институционализацию этикоцентризма в правовой культуре российского общества.

3.2. Опыт фрейм-анализа правовой ситуации в коллективных представлениях

Правовая культура российского общества подвержена влиянию изменений в правоохранительной системе, которые были вызваны системными реформами 90-х гг., позже – общей тенденции укрепления политико-правовой системы, включая реформирование правоохранительных органов. Поэтому выявление коллективных представлений о праве и степени укорененности в них этикоцентризма первоначально требует описания социокультурного контекста, который влияет на правовое сознание.

А) Отношение общества к правоохранительным органам в постсоветский период.

Системные реформы 90-х годов (переход к рыночной экономики, демократизация политической системы и др.) на первом этапе вызвали тенденцию тенефикации экономической деятельности в целом, что было выявлено многочисленными исследованиями конца 90-х годов. В этот процесс были втянуты практически все социальные институты, и правоохранительные в том числе.¹³⁸ Как отмечала Р.В. Рывкина, тенефикация выступает этапом движения общества к криминализации, «...поскольку уход в «тень» осуществляется для того, чтобы уйти от законов, то чем больше «тень», тем больше внеправового поведения в обществе». «Тень» создает благоприятную среду для преступлений, а преступления нуждаются в «тени», вследствие чего усиливают ее.¹³⁹

Как показали эмпирические исследования, значительная часть населения возлагала основные надежды в борьбе с теневым бизнесом, коррупцией и организованной преступностью на правоохранителей, но, одновременно, именно правоохранители рассматривались населением как участники теневого сектора. Так, в массовых опросах конца 90-х гг. ответы респондентов на вопрос: "Если говорить о взятках, вымогательстве, незаконных поборах, уклонении от налогов, нелегальном производстве и т.п., то с работниками каких учреждений у Вас в наибольшей степени связано представление о таких проявлениях теневой экономики?" показывают, что первое место в этом рейтинге занимают правоохранители. При возможности выбрать до 3-х вариантов ответов, были получены следующие результаты: «сотрудники милиции (28%), владельцы крупных предприятий, банкиры (19%), работники суда и прокуратуры (19%), налоговые службы (17%), работники таможенных органов (14%), работники спецслужб, органов безопасности (7%), работники здравоохранения (6%), владельцы мелких и

¹³⁸Рывкина Р.В. Тенефикация российского общества: причины и последствия// Социс. 2000. № 12.

¹³⁹Рывкина Р.В. Указ.соч. С.8.

средних предприятий (6%), работники сферы образования (5%), работники пенсионных фондов (3%), генералитет, работники военного ведомства (3%), "все в равной степени" (40%), 10% затруднились ответить»¹⁴⁰.

Такие коллективные представления формировались на основании знакомства с практиками вовлечения правоохранителей в теневые заработки. В частности, В.Волков, опираясь на широкую эмпирическую базу, указывал: "Уже в 1991 г, в поисках дополнительного заработка к своим снизившимся зарплатам, неформальные группы сотрудников милиции и госбезопасности начали предлагать частным предприятиям альтернативные услуги по обеспечению охраны и контролю за соблюдением обязательств и таким образом вступили в открытую конкурентную борьбу с преступными группировками. Те компании, которым удалось обзавестись милицейской или "гэбэшной" "крышей", могли уже не бояться очередного посещения бандитов с предложением охранных услуг... При наличии силового ресурса крупные компании... полагаются на информационные и аналитические методы, наработанные на государственной службе"¹⁴¹.

Исследование, проведенное в 1992 г. Академией МВД, показало, что в теневое совместительство оказалось характерным для 80% сотрудников ОВД в мегаполисах и других крупных городах¹⁴². Неформальная экономическая деятельность работников ОВД была объектом изучения социологов в 2000-2002 годах.¹⁴³ Всего было выявлено около 50 видов законных и теневых видов дополнительной деятельности. По экспертным оценкам, только по основным видам дополнительной деятельности – охране предпринимателей, торговле, ГБДД, контроль над рынками наркотиков, проституции, а также контроль за нелегальными иммигрантами, – доходы, получаемые

¹⁴⁰ Клямкин И.М. Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000. С.292.

¹⁴¹ Волков В. Силловое предпринимательство. СПб., 2002. С.207-208, 212.

¹⁴² Сафронов А.Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел. М., 2003. С. 141-142.

¹⁴³ Проект поддержан Институтом «Открытое общество» грант RSS № 1535/2000. Опрос проводился в 8 регионах РФ, N = 2209 респондентов. Научный рук. – д.э.н. Л.Я.Косалс

работниками ОВД на период опроса составляли от 1,5 до 3 млрд дол. Этой деятельностью «заняты не единицы, не проценты, а большая часть работников этих органов»¹⁴⁴. Среди основных причин такого «силового предпринимательства» исследователи выделили то, что правоохранные органы стали «инструментом» в разделе бывшей «общенародной» собственности, поскольку обладали уникальной информацией и специфическими ресурсами.

Опрос Левада-центра, проведенный в 2006 году, показал рост вовлеченности полицейских в неформальную экономическую деятельность — ею занимались уже свыше 80 % респондентов¹⁴⁵. При этом не все дополнительные источники их доходов были нелегальными: 58 % респондентов подрабатывали охранниками, 36 % — таксистами. Но 17 % — брали штраф с нарушителей без соответствующего оформления, 14 % не гнушались прямыми взятками. Причем наиболее опытные и профессиональные офицеры в большей степени были вовлечены в коррупционную деятельность¹⁴⁶.

Данная проблематика изучалась также и на региональном уровне. В частности, в Адыгее, в соотнесении с данными, полученными по другим регионам исследования, в 2005 г. был проведен опрос работников правоохранных органов по вопросам дополнительных, в том числе, теневых заработков. Опрос показал, что на тот период отсутствовало различие между объемами услуг, которые выполняются правоохранителями в сегментах, не связанных со служебной деятельностью (частный извоз,

¹⁴⁴Косале Л. Я. Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации на примере рынка милицейских услуг. Москва, 2005. Препринт WP4/2005/02. Серия WP4. С.4. - <https://refdb.ru/look/2618969.html>

¹⁴⁵Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения, 1 (81). 2006. С. 58—71.

¹⁴⁶Гудков, Указ.соч.

торговля, охрана в свободное от службы время), и запрещенных видах деятельности для правоохранителей¹⁴⁷.

Таблица 2 - Распределение ответов на вопрос: «Как сложно найти дополнительный заработок сотрудником милиции по следующим направлениям?» (N = 218 чел.)

№	Виды работ	Легко		нелегко, но возможно		крайне трудно, невозможно		Всего	
		Р.К.О.	%	Р.К.О.	%	Р.К.О.	%	Р.К.О.	%
1	Охрана коммерческих структур	61	31,4	92	47,4	41	21,2	194	100
2	Торговая деятельность	47	23,7	92	46,5	59	29,8	198	100
3	Взыскание платы вместо штрафов	53	28,2	72	38,3	63	33,5	188	100
4	Получение платы с торговцев	48	26,0	62	33,5	75	40,5	185	100
5	Продажа информации	40	21,4	51	27,3	96	51,3	187	100
6	Услуги при определении вины подозреваемого	38	20,5	64	34,6	83	44,9	185	100
7	Услуги за приостановление (прекращение) дел	36	19,6	74	40,2	74	40,2	184	100
8	Плата при проверке документов	56	30,8	72	39,6	54	29,7	182	100
9	Помощь в оформлении прописки	43	23,1	91	48,9	52	28,0	186	100

Опрос позволил выявить также и способы основной и дополнительной работы. Дополнительная работа, не связанная со служебной деятельностью («законные» приработки) реализовывалась в свободное время, а криминальные виды подработок – в служебное время. (Табл. 3)¹⁴⁸

Таблица 3 - Распределение ответов на вопрос: «В какое время сотрудники милиции чаще всего осуществляют следующие оплачиваемые услуги?»

№	Виды работ	В свободное время		В рабочее время		Всего	
		Р.К.О.	%	Р.К.О.	%	Р.К.О.	%
1	Охрана коммерческих структур	151	85,3	26	14,7	177	100

¹⁴⁷ Данные приводятся по: Глехатук А.К. Теневые практики в контексте социальности: российские реалии. – Дис. На соиск. Ус.ст. к.соц.н. Рук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 109.

¹⁴⁸ Там же, с.110.

2	Торговая деятельность	142	81,1	33	18,9	175	100
3	Взыскание платы вместо штрафов	25	15,5	136	84,5	161	100
4	Получение платы с торговцев	32	20,0	128	80,0	160	100
5	Продажа информации	52	32,7	107	67,3	159	100
6	Услуги при определении вины подозреваемого	24	15,4	132	84,6	156	100
7	Услуги за приостановление (прекращение) дел	20	12,5	140	87,5	160	100
8	Плата при проверке документов	20	12,7	138	87,3	158	100
9	Помощь в оформлении прописки	33	20,3	130	79,7	163	100

Результаты опросов работников ОВД по разным регионам показывают, что различные структурные подразделения «специализируются» на разных видах дополнительных заработков: «Подразделение по борьбе с организованной преступностью лидирует по таким видам, как собирание платы с торговцев - 38% опрошенных (при среднем значении 24%); продажа информации – 19% (при среднем значении 7%); услуги по прекращению или приостановке дел – 35% (при среднем значении 19%). ...сотрудники по борьбе с организованной преступностью и следствия, то есть те, кто напрямую имеет дело с криминальными структурами, в большей степени используют незаконные способы зарабатывания денег, чем законные. Вместе с тем, работники, имеющие дело с населением, обладают возможностью получать дополнительные доходы более законными способами».¹⁴⁹

Возможность для работников ОВД получать дополнительные заработки реализовывалась также в том, что они часть своих прямых обязанностей стали выполнять, отклоняясь от нормативов для достижения своих частных интересов. В глубинных интервью исследования под руководством Косалса Л.Я. обнаружилось, например, что работник может отказаться регистрировать «неудобные» преступления, игнорируя нарушения порядка на дорогах; или оперативник может заняться поиском той угнанной машины, хозяин которой заплатил ему за это, отодвигая в конец очереди тех

¹⁴⁹ Колесникова О.А., Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции // Социс. 2004. № 3. С. 77.

владельцев угнанных машин, которые ожидают бесплатного поиска¹⁵⁰. Описание всех этих видов теневых заработков широко представлено также в художественных произведениях, которые создавались отдельными работниками правоохранительных органов¹⁵¹ или в телесериалах (например, в том же сериале «Глухарь»).

Прямым социальным следствием такого рода рынка услуг органов правопорядка стало значительное сужение сферы права и правоприменения, недоверие населения к профессиональной деятельности правоохранителей, и актуализировала задачу реформирования правоохранительной системы.

Официальные статистические данные, которые были собраны на основе Европейского социального исследования 2006-2010 гг. показывают, что в России уровень доверия к органам правопорядка заметно ниже, чем в странах Евросоюза. По 10-балльной шкале среднеевропейский показатель имел значения: в 2006 – 6,0; в 2008 – 5,7; в 2010 – 5,84. В России в эти же годы этот показатель был существенно ниже: в 2006 – 3,38; в 2008 – 3,7; в 2010 – 3,53.¹⁵²

Основой недоверия к правоохранителям (милиции), судя по результатам опроса ВЦИОМ, является некачественное выполнение профессиональных функций. Так, основные претензии респондентов к милиции в 2010 г. состояли в следующем: «не уважают и нарушают закон – 32 %; плохо работают, не выполняют задачи – 20 %; плохое отношение к людям – 20 %; низкий профессиональный уровень сотрудников – 9 %; низкие человеческие, нравственные качества – 6 %; затруднились с ответом – 28 %». ¹⁵³ Интересны также результаты ответов респондентов по

¹⁵⁰Косалс Л. Я. Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации на примере рынка милицейских услуг. Москва, 2005. Препринт WP4/2005/02. Серия WP4. - <https://refdb.ru/look/2618969.html>

¹⁵¹См., напр., Корецкий Д. Антикиллер. М., 2004. С.239-240; Корецкий Д. Антикиллер-2. М., 2004. С.240-241.

¹⁵²Дубова Анастасия, Косалс Леонид. Включенность российских полицейских в теневую экономику. «Отечественные записки», № 2 (47), 2012, с. 175.

¹⁵³ВЦИОМ, пресс-выпуск № 1540

оппозиционным вопросам, относительно позитивных и негативных девиаций на службе (табл. 4).¹⁵⁴

Таблица 4 – Оценка респондентами девиантных форм служебной деятельности (2010, ВЦИОМ)

Вопрос	Ответ	Ответ	Вопрос
Самоотверженные действия стороны сотрудников милиции – постоянная практика или единичные случаи?	%	%	Противоправные действия со стороны сотрудников милиции – постоянная практика или единичные случаи?
Скорее постоянная практика	16	35	Скорее постоянная практика
Скорее единичные случаи	61	47	Скорее единичные случаи
Такого вообще не бывает	7	2	Такого вообще не бывает
Затрудняюсь ответить	16	16	Затрудняюсь ответить

Приведенные данные показывают, что стереотипная негативная оценка деятельности правоохранителей (милиции, теперь – полиции) на период проведения реформы в два раза превышала позитивную.

Реформа милиции (полиции), которая была проведена в 2009-2010 гг. оказала влияние на качество деятельности правоохранителей, что отразилось на уровне доверия населения к работе полиции. Так, по данным «Левада-центра» доля тех, кто доверяет полиции, выросла в 2013 г. по сравнению с 2012 г. с 33 до 38 %, а тех, кто не доверяет, снизилась с 61 до 56 %.¹⁵⁵ Рост доверия к полиции фиксирует и другой социологический центр: ВЦИОМ зафиксировал в 2014 г. динамику позитивной оценки с 46 до 56 %¹⁵⁶.

Исследование, которое проводилось в 2015 г группой социологов, в составе которой был ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД РФ, показывает, что рост позитивной оценки деятельности полиции наблюдается с 2013 г. Если в 2012 г. ее деятельность в целом оценивали, как эффективную 40 %, то в 2013 г. – 43 %, в 2014 г. – 70 %, в 2015 г. – 68 %. «Но 26 %

¹⁵⁴ ВЦИОМ, пресс-выпуск № 1540

¹⁵⁵ Индекс доверия полиции [Электронный ресурс] // Левада-центр. 2013. Режим доступа: <http://www.levada.ru/04-03-2013/indeks-doveriya-politsii>, свободный (дата обращения: 28.10.2017).

¹⁵⁶ В МВД отчитались о росте доверия россиян к полиции в 2014 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. 9 февр. 2015. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20150209/1046703797.html>, свободный (дата обращения: 20.06.2015).

отмечают: полиция защищает права и имущественные интересы граждан «скорее плохо» либо «в целом плохо»¹⁵⁷.

В это же время ВНИИ МВД России, на основе анализа результатов опросов ВЦИОМ за период 2011-2015 гг., которые проводились по общероссийским выборкам, показал, что « по сравнению с «крахом доверия» населения к ОВД в 1990-х гг. уровень доверия вырос и перевалил за 50 %... и за пять лет административной реформы ОВД уровень доверия к полиции не изменился, он стабилен в пределах 50-55 %»¹⁵⁸. Но в то же время уровень доверия населения к другим институтам выше, например, армии доверяет 83 %, а РПЦ – 64 %¹⁵⁹. Если же сравнивать достигнутый уровень доверия к полиции со стороны российского общества, то он все равно существенно меньше, чем в развитых странах, например, в США доверие полиции достигает 86 %, в Японии – 92 %, в Швеции – 98 %¹⁶⁰.

Таким образом, общая характеристика социокультурного фона, в котором российская полиция утверждает и защищает правопорядок, показывает в целом благоприятную обстановку. Хотя помогать полиции в случае необходимости готовы только от четверти до половины опрошенных.¹⁶¹ Вместе с тем, по мнению ряда экспертов, большинство не склонно следовать закону в своей повседневной жизни: слишком велика степень «презрения к закону», отсутствует сознательная установка на следование ценностям закона и права¹⁶².

¹⁵⁷ Юдина Т.Н., Бондалетов В.В., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Долгорукова И.В. Общественная оценка деятельности полиции // Социс.2017, № 4. С. 53.

¹⁵⁸ Майоров В.И., Дунаева О.Н. Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству//Социс. 2017, № 4. С.46.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Кораблев С.Е. Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 1. С.148-155.

¹⁶¹ Одобрение деятельности общественных институтов 2015 – http://wciom.ru/news.ratings/odobrenie_deyatelnosty

¹⁶² Костина О.А. «Отбывание номера» исключено// Полиция России. 2014, № 2. С.15-17.

*Программа групповых дискуссий.*¹⁶³ Вместе с тем, можно предположить, что значительная часть рядового (линейного) состава полицейских и населения совпадают в оценках правовой ситуации и ожиданиях к поддержанию правопорядка на низовом уровне повседневной жизни. В последние годы произошли определенные сдвиги в пользу ценности права в коллективных представлениях общества. Для проверки этой гипотезы были проведены 4 групповых дискуссий: 1 в студенческой аудитории социально-гуманитарных факультетов Южного федерального университета (30 человек), 1 – среди студентов-юристов Ростовского филиала Российской государственной академии правосудия (30 человек) и 2 – среди первичного звена сотрудников полиции – слушателей факультета первоначальной подготовки Краснодарского университета МВД РФ (всего 31 человек).

Гипотеза дискуссий: предполагается, что студенты и полицейские осознают необходимость права как высшей ценности в современном обществе и необходимости эффективного функционирования правовой системы, которая обеспечивает функционирование правовых норм. Одновременно с этим, целевые аудитории понимают, что в этом качестве право срабатывает далеко не во всех случаях. Однако этикоцентричный фрейм в оценки и интерпретации правовой ситуации уже не является доминирующим, имеет ограниченное значение. То есть действие полиции по обеспечению порядка с опорой на видение полицейскими справедливости уже не находит всеобщую поддержку.

Целевые аудитории: студенты Института социологии и регионоведения ЮФУ, студенты Ростовского филиала Российского университета правосудия, полицейские ППС – слушатели факультета первоначальной подготовки Краснодарского университета МВД РФ (15 и 16

¹⁶³ Об отличии метода открытой групповой дискуссии от фокус-группового интервью см.: Штйнберг И.Е., Шанин Т., Ковалев Е.М., Левинсон А. Качественные методы. Полевых социологических исследованиях. – СПб.: Алетейя, 2009. С.231-255.

человек в каждой из групп). Всего в групповых дискуссиях участвовали 91 человека.

Гайд дискуссии включал наряду с общими вопросами относительно правовой культуры еще и обсуждение типичной правовой ситуации, как она была позиционирована в фильме «Сутки» (Телесериал «Глухарь»).

Задачи дискуссии:

- 1) выявить понимание целевыми группами смысла правовой культуры и их оценку уровня развития правовой культуры в российском обществе;
- 2) на основе обсуждения художественного образа деятельности правоохранителей в типовой юридической ситуации выявить понимание аудиторией мотивации и смысла деятельности правоохранителей;
- 3) определить условия, при которых правовая ситуация будет оцениваться в юридическом поле.

Б) Фрейм-анализ оценки правовой ситуации студенческой аудиторией

Любая дискуссия представляет собой поиск смысла участниками тех или иных событий, социальных процессов или состояний.

Исходной точкой фреймирования является обозначение события (ситуации) как проблематичного, т.е. неопределенного, при этом референт должен быть поименован. Для этого проводятся две операции: 1) осмысление прошлого опыта; 2) ориентация на будущее действие. Действующие сами создают (описывают, характеризуют) тот мир, в котором они действуют, отбирая одни идеи, и отбрасывая другие. Определение ситуации делает возможным решение. В этом смысл фреймирования – это способ создания мира, открытого действию: миро-творчество (word-making – Нельс Гудвин).

Дискуссия начинается с отбора явлений (предметов), которые требуют обсуждения, как правило, они характеризуются недостаточной четкостью. То, что отобрано, должно быть *поименовано категориально* и *описано*. Именование и категоризация придают смысл объекту, событию или действию, задает направление дискуссии.

Именованье и категоризация включает в картину одних акторов и не принимает – других. Именно эти действия проводят различие между действиями и словами, фактами и мнениями, своими и чужими, правильным и неправильным. Обычно при фреймировании только один аспект ситуации явно поименован (например, номинирование кого-то в качестве лица, действующего справедливо), но другие аспекты ситуации помогают определить ее общий смысл. Когда этот способ интерпретации ситуации исчерпан, ему на смену приходит новая практика интерпретации, которая привносит новые смыслы.

В объекте нашего анализа – осмысление целевыми группами правовой культуры. В дискуссии эту задачу предлагается решить в два шага – выявить общую оценку правовой культуры (т.е. осмыслить опыт ее формирования в России существующий на уровне коллективных представлений); а затем, на материале конкретного художественного образа (предлагаемая практическая юридическая ситуация) обсудить центральную для правовой культуры дилемму «право и справедливость». Она приобрела остроту в последнее десятилетие в мире, в целом, и в России. Эта актуальность объясняется глобализацией и информационной доступностью событий, которые происходят в разных частях мира, столкновением разных правовых систем. Но еще и тем, что право часто не совпадает с представлениями людей о должном, промеряется на соответствие с принципом справедливости. Обнаруженное несоответствие вызывают в обществе дискуссии.

Ученые выделяют три теоретических подхода к интерпретации справедливости: 1) совпадение права и справедливости: справедливо то, что зафиксировано в законе; 2) справедливость – это соблюдение (обеспечение) формальных условий равенства для всех участников ситуации; 3) справедливость это то, что понимает под нею историческая традиция конкретной страны, она может не совпадать с действующим правом, но

отвечает коллективным представлениям и ожиданиям общества¹⁶⁴. В значительном количестве исследовательских статей превалирует точка зрения, согласно которой на массовом уровне в российском обществе доминирует третий подход – понимание справедливость часто может не совпадать с действующим правом.

При общей оценке правовой культуры студенты-гуманитарии и студенты-юристы обсуждали три основных компонента: общие представления и оценки наличной правовой культуры; влияние правовой системы (законодательства, правоохранительных и судебных органов, распространение знаний о праве) на правовое поведение; специфику правовой культуры в России. Наблюдение за процессом дискуссии позволяет выявить соотношение права и справедливости в представлениях групп, проверить действительно ли в представлениях доминирует этикоцентричный фрейм в оценке правовой ситуации.

Фрагмент дискуссии студентов ИСИР относительно оценки правовой культуры.

- *«Под правовой культурой я понимаю политическую активность граждан их установки о своих правах и обязанностях и исследованием или не и исследованием».*

- *«Я понимаю под понятием Правовая культура осознанность граждан в своих правах, знание закона, знание всех тех прав и обязанностей которые они должны знать и использование этих знаний на практике в обычной жизни».*

- *«На мой взгляд в правовой культуре акцент ставится не на знание своих прав и обязанностей, а на объёме того сколько мы их можем соблюдать, то есть акцент ставится на соблюдение и воплощение в жизни, то есть как человек следует тому что как написано».*

- *«В законах и правилах записано, как должны поступать люди, но это не срабатывает. ... Кроме права нужна еще и нравственность».*

- *«А почему у нас в Ростове не штрафуют за нарушение правопорядка (например, ПДД)»?*

- *«Это вопрос к правоохранительным органам».*

- *«Всем все равно»*

Фрагмент дискуссии студентов-юристов (РАП.)

¹⁶⁴Медушевский А. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и овейшего времени //Фонд Либеральная миссия - <http://www.liberal.ru/articles/7023>

- «В моем понимании, это [правовая культура] отношения гражданина и государства к правовым институтам. Нигилизм именно по отношению к праву, либо соблюдение различных устоев; то, как сложилось в государстве отношение к обычаям и к правовым нормам. То есть, либо человек соблюдает и действует в рамках закона, в рамках права, либо наоборот, относится к нему безразлично, либо же его нарушает».

- «Это общий уровень знаний о праве и отношение как отдельных индивидов, так и общества в целом к праву как социальному регулятору».

- «Но при знании законов мы все равно их нарушаем. У нас это объясняется низким уровнем правовой культуры».

- «Сейчас очень стало популярно обходить так сказать закон, находить лазейки в нем. То есть поступать неправомерно: вроде бы, и не нарушая закон, но действовать в обход него».

- «Менталитет у нас такой. Просто сложилось так».

- «У некоторых воспитание такое».

- «Нет, не от воспитания зависит, потому что есть государства, в которых любые правонарушения пресекаются. В нашем же государстве – местные власти, вообще в принципе на любом уровне, мне кажется, относятся к таким мелким нарушениям безразлично. И поэтому это порождает вот именно правовой нигилизм».

- «Правовая культура базируется не только на исторических постулатах определенного народа, но и также сопряжена доверием к праву. Доверие к праву сопряжено с доверием к государству, что неразрывно ведет к уровню правовой культуры данного общества».

Важной причиной низкой правовой культуры, по мнению студентов, является отсутствие ценностного отношения к праву и слабое распространение правовых знаний:

- «У нас нет так называемого культа права в обществе. Если бы каждый человек был уверен в том, что его знания помогут защитить и отстоять свои права, то он бы попытался вникать в эти [правовые] тексты. При этом, право в принципе не обладает общедоступностью в том плане, что если человек не юрист, достаточно сложно будет вникнуть во все законопроекты, тексты, указы и пр.... Если сейчас провести опрос, выйти на улицу и спросить: «Вы ознакомлены с текстом Конституции?» - далеко не каждый скажет, что он вообще когда-либо ее открывал». (РАП).

- «В школах очень мало рассказывают детям о праве. Хотя есть, я знаю, и уроки права в рамках курса по обществознанию, но там все внимание уделяется лишь Конституции. И зазубривание этих статей наизусть, а по факту дети не понимают смысл права, не уясняют правовые нормы, не толкуют как следует».

- «В школе право изучается очень мало. В курсе «Обществознание» был всего один блок по праву. А так – экономика...»

- *«Мне кажется, мы право вообще не изучали в школе. Все изучали какие-то абстрактные понятия – «человек», «индивид», «личность»».* (РАП)

Однако сами студенты-юристы признаются, что от знакомства с реальными профессиональными практиками работы правоохранителей возрастает не убежденность в ценности права, а, напротив – аргументация точки зрения, что у нас правовая система не эффективна:

- *«Заканчивая школу, будучи абитуриентом, мне казалось, что уважение к праву в обществе больше, чем я считаю сейчас. Объясню почему. Сейчас, когда я специально изучаю право, я понимаю, что у нас в законодательстве есть проблемы, есть казусы; наше законодательство несовершенно, есть что улучшить. А когда я был в школе, достаточных сведений об этом у меня не было, поэтому мне казалось, что все у нас так прекрасно, замечательно. Когда поступил, наоборот понял то, что есть проблемы».* (РАП)

- *«Когда мы пришли изучать право профессионально, мне казалось, что да, право – это замечательно, нужно действовать только в рамках права. Но уже ближе вот к четвертому курсу колледжа, и к университету, когда уже начали проходить практику, кто в каких правовых органах, то опять уровень вначале как бы повысился, а потом вернулся, мне кажется, на прежнюю ступень, потому что видишь в каком обществе ты живешь, то что, кругом в основном безнаказанность. На практике постоянно с безнаказанностью сталкиваешься. Очень маленький процент вот именно людей, которые, действительно, за какие-либо серьезные правонарушения, преступления несут именно справедливую ответственность. И в этой связи как бы правовая культура – это такое шаткое понятие».* (РАП)

По мнению студентов, именно низкий уровень соблюдения законов самими людьми и низкий контроль за соблюдением законов отличает правовую культуру России:

- *«Я думаю наше право не сильно отличается от европейского, я жила и знаю, о чем говорю, дело в культуре европейцы чтут закон, а у нас пренебрегают. Например, в том же дорожном движении. Там очень соблюдаются правила, везде стоят камеры. Во Франции можно выпить два бокала вина и это не наказуемо и люди они знают, что этого достаточно. Они ответственны за жизнь которая находится вне. Их отличие от нас в том, они понимают – законы необходимо соблюдать».* (ИСИР)

- *«Наша правовая культура отличается от культуры европейских стран потому, что у нас изначально менталитет другой. И в понимании жизненных принципов представления разнятся с западными странами. Мы*

существуем на стыке восточной и западной культуры. Западная культура и наша правовая культура различаются. Если там, к примеру, граждане могут, - и у них это норма, - пойти и пожаловаться на своего товарища или просто незнакомого человека, то у нас это ненормально. Мне кажется с этим связано». (РАП)

- «Органы местного самоуправления закрывают глаза на различного рода правонарушения. И в таких мелких муниципальных образованиях процветает «самодержавие». Действительно, органы местного самоуправления являются чем-то наподобие королей или наместников. У них творится безнаказанность, как они хотят, так и будет. А простые люди, которые никакого отношения к власти не имеют, ничего с этим сделать не могут. У нас все знают, то что везде - клановость, везде свои люди и они прямо так открыто и заявляют – нашим детям за это ничего не будет». (РАП).

- «Очень важно то, что, мне кажется, сейчас большинство граждан нашей страны просто не доверяют государству. И это очень важно, потому что, во-первых, они нарушают закон из-за того, что хотят где-то воспользоваться выгодной возможностью, понимают, что, например, завтра ее может не быть, а сегодня можно что-нибудь сделать. Дальше, мы боимся, например, различную милицию- полицию, потому что мы не знаем, как она может применить силу по отношению именно к нам. Вы знаете, сейчас, сколько случаев бывает?! Знакомый работает, говорит, что там можете просто идти по улице и могут что-нибудь подбросить и всё, иди в тюрьму». (РАП)

Иными словами, студенты связывают уровень правовой культуры с ориентацией населения на соблюдения правовых норм и законов в своей повседневной жизни (особенно популярны у студентов – примеры из области соблюдения (не соблюдения) правил дорожного движения). И здесь крайне важна роль обеспечения низового контроля за соблюдением законов и правил, что достигается эффективной деятельностью полиции, судебной системы. Но не менее значимо следование праву представителей власти и правоохранителей.

Обмен мнениями в процессе дискуссии вывел аудиторию студентов-гуманитариев и студентов-юристов на определение основных субъектов правовой культуры – население, правоохранители, органы власти.

Студенты высказали достаточно стереотипные суждения об уровне правовой культуры в России, которые часто упоминаются в публицистике,

СМИ, ТВ. Поэтому им было предложено посмотреть позиционирование разрешения правовой ситуации правоохранителями (тогда – милицией) в телесериале «Глухарь» (серия 22 «Сутки»). Дискуссия по предложенному материалу отличалась у студентов-гуманитариев и студентов-юристов.

Фрагмент обсуждения фильма студентами ИСИР.

Вопрос: Что Вы видели? Какую правовую ситуацию?

- *«Жестокое обращение с женщинами, насилие, убийство».*

- *«Свое личное отношение к ситуации одним из полицейских (следователем). В нем говорило не только чувство справедливости, или выполнение профессиональной обязанности. Это - противоборство закона и личностных качеств».*

- *«А я считаю, что это самосуд! Это их (полицейских) личные домыслы. Были факторы и полицейские решили, что это они [т.е. задержанные] и есть преступники. Но главное отличие суда от самосуда — это беспристрастие. Они [полицейские] по факту хотели сделать хорошее дело. Ради этого они пошли на правомерные действия [задержание]. Но далеко не факт, что задержанные – те же люди, которые совершили преступление. А тут появился у полицейских идеальный вариант повесить на них все ограбления».*

Вопрос: «А почему пострадавшая на стороне полицейских?»

- *«Она уверена, что не сможет опознать. Но делает то, что скажут. Т.е. это - самосуд».*

- *«А еще там был сговор полицейских и понятых, т.е. тех, кого пригласили на роль понятых».*

Вопрос: А почему пострадавшие и мнимые понятые стали на сторону полицейских?

- *«А как можно эту ситуацию решить по закону, ведь свидетелей не было!? Ведь полицейские же задержали!»*

- *«Но на каком основании? Их задержали «по хулиганке». Но следователь сказал, что если пострадавшая их «узнает» и скажет, что они у нее украли вещи, то их привлекут по более строгой статье».*

- *«Они понимали, что должны поступить по закону. Но все понимали, что нарушают и молча «договорились». И при этом полицейские берут на себя полномочия суда, а где у них вообще основания, что бы занимать такую позицию?»*

- *«На основании своего профессионального опыта».*

- *«Для них ценно не право (закон), а справедливость!»*

- *«Но, например, в Европе нет такого термина, который описывал бы состояние справедливости!».*

- *«На мой взгляд право и правосудие строится на рациональной объективной оценке, а остальное основано на личных побуждениях и ориентировано на моральное чувство».*

Дискуссия разворачивалась от описания, увиденного – насилие, убийство,- к поиску юридической квалификации (называнию) ситуации – «самосуд», «сговор», - и затем – к формулированию культурного смысла этой ситуации – переинтерпретации (переквалификации в юридическом плане) ситуации следователем – *«Они понимали, что должны поступить по закону. Но все понимали, что нарушают и молча «договорились».* Следует также подчеркнуть, что студенты увидели нравственную мотивацию таких действий со стороны следователя и других милиционеров (полицейских). Но не приняли убедительности этой аргументации. Даже один из участников предположил, что за этим нравственным мотивом скрывается другой, профессионально-прагматический – необходимость закрыть сразу несколько дел об ограблении.

Фрагмент дискуссии студентов-юристов.

Вопрос: Что мы увидели? Что это была за ситуация?

- *«Канал федеральный, то есть общество по большому счету понимает это и одобряет. Потому что по федеральному каналу не будут такое показывать, такой беспредел и получается, что действуют в рамках общего понимания. А то, что я увидел – это беспредел».*

- *«А я увидел противоречие права и морали. В принципе, если так посмотреть со стороны морали, то прав Глухарев. А если посмотреть со стороны права, то прав и студент-стажер. Со стороны морали то, что та девушка - она же не могла их опознать из-за того, что они её по башке хорошенько долбанули. Тот как бы вышел и отомстил ей, а он же сам сказал, если бы их не опознали, их бы, скорее всего, пришлось бы отпустить. Но, с другой стороны, тут также было нарушено право. То есть превышение должностных полномочий. В итоге, взяли и избили. Я увидел противоречие права и морали».*

- *«Если бы это какой-нибудь обычный гражданин совершил преступление, то, конечно, как бы следовало действовать строго в процессуальных рамках. А поскольку это вообще недолюди, так нам обрисовывает серил, неуравновешенные, ну я не знаю, как их*

охарактеризовать, то в принципе с точки зрения справедливости действия правоохранительных органов вполне оправданы, я считаю. И вполне они все сделали правильно».

- «Я знаю, что у этого телесериала было множество сезонов, он пользовался большой популярностью. Как раз-таки всё было ориентировано на то, чтобы это оценил человек. Здесь все действия не в рамках права, не в рамках правового поля, а как раз-таки – самосуд, можно так сказать по принципу «око за око». То есть он сделал так, грубо говоря, тебя отмутузят в ответ. То есть здесь как-раз таки выставляют правоохранителей как высокоморальных людей в том плане, что они защищают не в рамках своих полномочий, а как люди, как члены общества, то есть по факту нашего общества».

- «Один из преподавателей нам говорил со слов специалистов практиков, что это единственный сериал, который у нас достоверно показывает правоохранительные органы, - именно этот, «Глухарь». Он как раз-таки приближен к реальности, то есть в сериале показаны достаточно типовые случаи, которые происходят у нас в полиции».

- «Я считаю, что если с точки зрения морали, как уже сказали, то понятно, почему так поступают правоохранители. Но, с точки зрения права, это совершенно неправильно и это прямые, очень серьезные нарушения. Мне кажется, к примеру, в западных странах, все-таки такого не происходит».

- «Я считаю, несправедливо было бы отпустить преступников на свободу, зная, что за ними уже не одно совершено преступление и просто исходя из того, что в конкретном случае им что-то помешало довести это преступление до конца и то, что у жертвы такая травма и она не смогла опознать. Но я думаю, что здесь как все-таки было нарушение правосудия».

- «Эти действия не правильны и с точки зрения морали. Во-первых, они превышают свои должностные полномочия. Есть суд, который наказывает, осуществляет правосудие. То, что они себе такое позволяют, недопустимо ни с какой позиции. Они избивают человека – это не допустимо ни с моральной, ни с правовой точки зрения. Пути решения данных проблем должны состоять в том, чтобы, например, улучшать техническое оборудование, оснащение, там камеры на улицах расставлять. С этой точки зрения надо подходить, чтобы не допускать такого, чтобы правонарушители избегли ответственности».

- «Я хочу добавить, что мораль уже заключена в законе. И здесь, как мы видим, была нарушена презумпция невиновности, мы видим демонстрацию самосуда, самоуправства, что с юридической точки зрения неприемлемо. Поэтому с точки зрения человека, как здесь сейчас прозвучало, мы, как юристы, должны относиться к этой ситуации с точки зрения права и не более того».

- «Конечно, в будущем законодатель усовершенствует систему правосудия. Но ситуация уже как бы произошла, ее нужно как-то решать и

наказать реального виновника. Да, я согласен с тем, что они, может быть, сделали где-то, как бы переборщили что ли, но, с человеческой точки зрения – полностью оправдано».

- «А что будет, если каждый правоохранитель возомнит себя – я есть закон, я есть правосудие и сам будет решать человеческие судьбы? Как бы по факту, когда мы посмотрели, сложилось негативное впечатление. Да мы обосновали, почему они так делали, объяснили, да, что здесь моральная составляющая, но мы даже не можем рассматривать это как что-то хорошее. Мы не можем одобрять, потому что, действительно, правильно Наиль сказал, есть множество других методов, как обеспечить свершение правосудия. И их работа заключается не в том, что было продемонстрировано и поэтому это, конечно же, нарушение закона. Закон должен быть справедливым».

Дискуссия студентов-юристов сразу развернулась в ракурсе обсуждения юридической квалификации события. В фокус внимания участников попали именно действия милиционеров (полицейских). Сама ситуация была первоначально определена в простонародном выражении - «беспредел» [милиционеров] – т.е. действия правоохранителей были не ограничены рамками закона. И потому они полностью подпадают под статью закона – «превышение должностных полномочий». На это было четко указано одним из героев фильма и этот посыл слышали студенты-юристы.

Но дискуссия в этой аудитории интересна двумя содержательными сюжетами, которые показывают проникновение студентами-юристами в смысловой замысел создателей телесериала.

1. Студенты увидели смысловые рамки (фрейм) в которых создатели интерпретируют ситуацию:

«Здесь как-раз таки выставляют правоохранителей как высокоморальных людей в том плане, что они защищают не в рамках своих полномочий, а как люди, как члены общества, то есть по факту нашего общества».

Эти слова нас прямо отсылают к концепции трактовки справедливости как исторически сложившейся традиции интерпретации событий, которая может не совпадать с правом (вспомним знаменитую формулу Жиглова: «Вор должен сидеть в тюрьме и не важно, как я его туда посажу»). При этом они поняли и эмоционально-позитивную оценку, которую задавали авторы

действиям главного героя. И увидели, гротескно-преувеличенный аргумент – чрезмерно негативную характеристику правонарушителей:

«Если бы это какой-нибудь обычный гражданин совершил преступление, ... а это - нелюди».

Но следует подчеркнуть, что при обсуждении этого сообщения авторов фильма, студенты усомнились и все-же не приняли его. Кто-то это высказал в эмоциональной форме, но большинство согласилось с рациональной позицией:

«Мораль уже заключена в законе. И здесь, как мы видим, была нарушена презумпция невиновности, мы видим демонстрацию самосуда, самоуправства, что с юридической точки зрения неприемлемо».

То есть, если мы соблюдаем процедуру, заложенную в принципе праве – презумпции невиновности, то применение закона позволит реализовать справедливость. Но было и расширение:

«То, что они себе такое позволяют, недопустимо ни с какой позиции. Они избивают человека – это не допустимо ни с моральной, ни с правовой точки зрения».

Такая позиция, поддержанная в дискуссии, нас отсылает к другой рациональной интерпретации справедливости – справедливо то, что зафиксировано в праве.

2. Не менее важно также и то, что студенты-юристы определили и социокультурный смысл продвижения данного фрейма средствами масс-медиа – закрепить сложившийся фрейм оценки действий правоохранителей в массовом сознании. Напомним ключевые суждения на этот счет:

- *«Канал федеральный, то есть общество по большому счету понимает это и одобряет. Потому что по федеральному каналу не будут такое показывать, такой беспредел и получается, что действуют в рамках общего понимания».*

- *«Я знаю, что у этого телесериала было множество сезонов, он пользовался большой популярностью. Как раз-таки всё было ориентировано на то, чтобы это оценил человек».*

Однако, по мнению студентов, нельзя распространять практики беспредела милиционеров (полицейских) как одобряемые образы поведения – в этом случае правоохранители действуют по логике рядового обывателя, исходя из нигилистических стереотипов, которые нужно преодолевать; т.е. не реализуют своей профессиональной функции.

В) Фрейм-анализ оценки правовой ситуации аудиторией полицейских (группы повышения квалификации)

Две групповых дискуссии было проведено среди полицейских ППС – слушателей факультета первоначальной подготовки Краснодарского университета МВД РФ. В аудитории присутствовало по 15 и 16 человек и представитель учебной части. Дискуссия проводилась в учебной аудитории, но в вечернее время, свободное от занятий и на добровольной основе. Все участники дискуссии обладали высшим образованием (большинство - не юридическим). Все – действующие сотрудники патрульно-постовой службы (ППС), в ведении которой находится функция поддержания общественного порядка: патрулирование улиц, дежурства в местах скопления граждан, выезды по вызовам граждан, которые поступают в дежурную часть. В силу своей профессиональной деятельности ППС имеют некоторую специфику организации, отражающуюся на стереотипах профессиональной деятельности полицейских. В крупных и средних городах ППС имеют военизированные характеристики – они сводятся в роту, батальон или полк, дежурство несут с оружием, на службе носят форму, которая выделяет их как правоохранителей. Уже эти организационные формы определяют то, что для патрульных характерны близкие к армейским формы общения и строгая дисциплина. Качественные характеристики служебной деятельности ППС описал один из региональных руководителей регионального УМВД: «ППС оценивается по количеству выявленных преступлений по горячим следам....»

То есть, если совершено преступление, они должны мгновенно отреагировать и раскрыть»¹⁶⁵. Все слушатели – в возрасте 22-32 года.

Для комфортности обсуждения, пространство аудитории было организовано с квадратным расположением столов, что позволяло участникам видеть друг друга, вести диалог глядя в глаза друг другу. Тем не менее, даже эта перестановка мебели, необычная для данной аудитории, не сняла общей скованности участников, которая чувствовалась на всем протяжении дискуссии.

Большое напряжение (и непонимание) в аудитории вызвали вопросы теоретического характера – относительно определения содержания понятия «правовая культура», соотношение права и справедливости. Поэтому дискуссия по поставленной проблематике была переориентирована на обсуждение более конкретных практических вопросов.

Полицейские уверены в том, что уровень правовой культуры в России недостаточный и это проявляется в нескольких позициях:

1. Граждане невнимательны в своей повседневной жизни к соблюдению правил безопасности и контроля за собственным имуществом, что часто провоцирует правонарушителей. При этом граждане проявляют неуважение к полиции и не высокую готовность оказывать ей помощь.

- «Мы постоянно проводим профилактическую работу с населением. Пытаемся донести: нужно заботиться о своем имуществе, например, закрывать свои автомобили, ставить их на сигнализацию; не оставлять свои вещи без присмотра. То есть какую-то профилактическую работу мы ведем. Но не все это понимают. Уже поэтому совершается много краж. А люди думают, что стоит только обратиться за помощью в полицию, и мы все сразу же найдем! Сами люди провоцируют правонарушения».

- «У нас полицию население не очень уважает».

- «Не нужно выставлять полицию на посмешище. Нужно какое-то содействие оказывать полиции со стороны населения. А в реальности

¹⁶⁵ Волков В., Дмитриева А., Титаев К., Ходжаева Е., Четверикова И., Шклярук М.. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. Доклад по результатам исследования. М.-СПб. Комитет гражданских инициатив. 2015. С.35

получается, что население не только не уважает полицию, но и провоцирует правонарушения».

- «Граждане знают больше о своих правах, чем об обязанностях. Они хотят больше свое «Я» выставить».

2. Неуважение государства к правоохранителям. Эта ситуация проявляется в низкой заработной плате, перегруженности полиции разными не правоохранительными функциями (например, контроль за паводком, снегоочисткой, обеспечением чистоты улиц от бездомных собак и пр.). Это не позволяет сосредоточиться только на непосредственных правоохранительных задачах.

«Мы получаем по 20 тыс. в месяц. Что мы можем думать о каких-то блогерах, которые оскорбляют своими роликами в интернете полицию, и при этом они зарабатывают по 200 тыс. в месяц, еще и хвастаются этим!? Как нам жить после этого? Как работать после того, что мы видим по телевидению о полиции?»

3. Неуважение населения к закону и стремление уклониться от его исполнения в своей повседневной жизни.

«Часто человеку легче погасить штраф, например, за переход улицы в неположенном месте, чем потерять время на поиск правильного перехода. Он ведь не думает в этот момент о том, что создает кому-то риски для жизни. У нас свободная страна – что хочу, то и делаю!»

«Многие, например, игнорируют штрафы за административные правонарушения. Игнорируют потому, что маленькие зарплаты, и не из чего выплачивать эти штрафы».

Обсуждение этих вопросов первоначально вывело на позицию необходимости ужесточения санкций для того чтобы население следовало правовой норме. Но тут же было замечено, что практика показывает - ужесточение санкций не приводит к позитивному результату. Об этом же говорил один из экспертов в своем интервью (см. Приложение):

«Значит, что – ужесточать санкции за нарушения? Это уже есть, но это не действует! Смотрите, какие сроки дают за наркотики (по 228, прим и т.д.)? – До 20 лет! Сбыт наркотиков в особо крупном размере – до 20 лет! А часть «Б» – до 25, до пожизненного заключения! И что мы видим? – колонии до 75 % забиты осужденными за наркотики! Значит,

ужесточение не действует? Не адекватно по своим последствиям? Значит не в боязни только дело!»

Обсуждение этой ситуации спровоцировало дискуссию о качестве работы полиции. В обеих аудиториях все признали достаточно низкий уровень раскрываемости бытовых преступлений. Слушатели признали, что уровень раскрываемости повседневных бытовых преступлений невысок. Об этом же говорил и эксперт в интервью:

«Например, каков процент раскрываемости преступлений на местном уровне? Ну, например, из 100 случаев обращения по поводу кражи велосипедов, сколько раскрыли? – Всего от 10 до 12 %! То есть та услуга, которую просят жители, оказывается удовлетворенной на 12 %. Но тогда, за что должно население уважать полицию?»

Однако деятельность полиции оценивается не только по уровню раскрываемости преступлений. Но и потому, насколько качественно работает полиция с населением, насколько население доверяет полиции. Как воспринимают полицейские запрос от населения? В ходе дискуссии полицейские также посмотрели основной сюжет фильма «Сутки». Обсуждению этого фильма в разных группах полицейских пошло по разным вариантам: одна группа сразу обратила внимание на фальсификацию события следователем; другая первый акцент сделала на нравственной оценке его поступка, указав, что здесь показано торжество справедливости. Но в обеих группах обсуждение всех вопросов шло сквозь призму оценки выполнения профессиональных задач правоохранителей.

В первой группе вопрос «Что мы видели?» вызвал определенные трудности. Во второй группе – быструю реакцию – «Постановку».

- *«Постановка преступлений. Подозреваемому подкинули якобы украденные им вещи».*

- *«Подводят двух подозреваемых под статью».*

- *«Но с этой ситуацией (постановкой) были согласны не все. Парень-стажер из юридического факультета с этим не согласен! Но это потому, что он образованный, знает, как все должно происходить по правилам. А все остальные – уже много работали, имеют опыт, знают, как в действительности развиваются события. Да, бывает, что бьют подозреваемых. Но почему постановка? – Не хватает каких-то*

доказательств. Но в фильме били подозреваемых не потому. Били, потому что была обида. Особенно, личная обида».

- «Подозреваемый, которого посадили за решетку, сам был агрессивен, сам нарывался на удар».

Группа восстанавливает события, которые показаны в фильме, и комментирует решения, которые были приняты правоохранителями:

«У метро совершались преступления. И в один из вечеров там задерживают двух человек. Почему? – А сотрудники ППС в фильме говорят – они, увидев полицейских, бросились убежать. Они просто еще подошли под описание преступников, подошли под подозреваемых.

- А дальше их задерживают, доставляют в участок...

- И навязывают им преступление.

- Но их же за дело задержали! Они не только убежали, но еще и избили женщину.

- Да, но за избиение совсем другое наказание, меньше, чем за ограбление. И дело в том, что этих людей – не исправить! Поэтому герой фильма, как и Жиглов, считает, что их нужно «закрыть». Формулировка другая, чем у Жиглова, но суть – та же. Такие преступники не должны быть на улицах, их не нужно выпускать [из мест заключения]!»!

При этом интересна интерпретация участниками дискуссии мотивов поведения правоохранителей в фильме. Вопрос касался мотивов следователя переквалификации преступления, совершенного задержанными:

«Чтобы закрыть преступников уже «на районе». Нужна ведь и статистика раскрываемости! Для своей статистики, для своей работы!»

Да, здесь два варианта: во-первых, статистика; во-вторых, когда уже избили подозреваемых, то следователь решил идти дальше, до конца, чтобы это дело не пошло дальше [т.е., чтобы факт избиения и постановки не был раскрыт]».

Именно на эти институциональные условия – «палочный учет» работы полицейских как фактор качества их работы, - было обращено внимание в исследованиях социологов Санкт-Петербурга. Об этом же говорил еще один эксперт в своем интервью. Участники дискуссии сразу обратили внимание на то, что правоохранители – герои фильма в действиях по задержанию преступников и дознанию нарушили все возможные правила профессиональной работы:

- «Поняты были привлечены с нарушением правил: с ними изначально договорились о том, что они увидят. Сама процедура была проведена с нарушениями. Потерпевшая была в таком состоянии, что ее не имели права привлекать к опознанию. Да там была ошибка на ошибке! А еще им

[задержанным] там в непрекрытой форме подкинули якобы украденные вещи!»

«Им всем [правоохранителям в фильме] выгодно было так поступить. Все дела сразу можно закрыть».

Среди мотивов таких действий, участники указали на личную неприязнь следователя, агрессию задержанных, обиду пэпээсника за пострадавшую сестру, профессиональный прагматизм (нужно закрыть дело). Но даже наводящие вопросы, отсылающих к опыту следователя и чувству справедливости, которым он мог руководствоваться, были отклонены:

- «Без доказательств нельзя быть убежденным на 100%! Они могли сделать постановку, но не таким грубым способом!

Конечно, нужно было сделать все другими методами – в соответствии с профессиональными нормами задержания – установить личность, бывшие судимости, обыск на квартире и т.д.

Нужно было соблюсти процедуру!

А они «сэкономили» время! Зачем выезжать куда-то, искать доказательства! Они все раскрыли на месте! Они и так добились своего».

Один из участников обратил внимание на другой аспект деятельности милиционеров (полицейских) которое побуждает действовать не правовым способом – внешнее давление:

- «А мне кажется, что там были еще и различные обстоятельства: давление начальства (уже было 5 эпизодов, а вы не можете раскрыть преступления, не справляйтесь!), второе – это давление со стороны общественности, представления о том, что полиция ничего не делает, жещин избивают, и никто этим не занимается! Учитывая это, полицейские решили одним действием все решить! А два убегающих, случайно оказались, их задержали на месте преступления, пусть и по другой статье, но они как раз подошли!

- Получается, что преступление не раскрыто! Явки с повинной не было. Доказательств нет.

- Один из основополагающих принципов в судебных дела является принцип презумпции невиновности. А здесь свидетелей – нет. Понятые не дают показания. Да все дело у них рассыплется!»

И, тем не менее, зритель на стороне правоохранителя. Кроме того, возможно, что правоохранители, ориентируясь на собственный многолетний профессиональный опыт, задерживают именно тех, кто реально совершал все

преступления, оправдана ли в этом случае фабрикация документов из-за нехватки достоверных доказательств? (На эту причину указывает эксперт в своем интервью). Но участники дискуссии отклоняют эту причину:

- *«Нет, ведь все равно преступление оказывается не доказанным. Ну, задержали, бежали...»*

- *«Мало ли, от из-за чего можно убежать! У них ведь все-таки нашли пакетик с наркотиками. Может быть, из-за него и побежали!»*

- *«Нет, они не просто убежали! Правоохранители видели, что они избили женщину! Поэтому убежали.»*

- *«Но связать их с предшествующими преступлениями – не получится никак!»*

- *«Хотя их задержали за правонарушение, но милиционеры им заменили статью на более суровую! И еще, этот телесериал идет в самое популярное вечернее время и его смотрят миллионы зрителей. И основное большинство зрителей симпатизирует этому следователю!»*

- *«Действительно, зрителей не интересует то, насколько выдержана юридическая процедура! Их интересует торжество справедливости!»*

Значит ли это, что право и справедливость не совпадают, и действия в соответствии с юридической процедурой не обеспечивают торжества справедливости?

Дискуссия показывает, что сегодня полицейские выходят за рамки этикоцентричного фрейма, их не устраивает альтернативная постановка проблемы (право или справедливость, невозможность торжества справедливости в условиях правоприменительной практики). Один из участников дискуссии заметил:

- *«Для полиции, и для населения важно торжество права, закона».*

Сегодняшние изменения обеспечения правоохранной деятельности (постановка камер слежения, контроля учета штрафов и пр.), направлены на принуждение к выполнению закона всех – граждан и правоохранителей. Но пока, по мнению полицейских, ориентация на право, не стала абсолютно доминирующей:

«У нас общество разделено: кто-то ориентируется на соблюдение законов, кто-то руководствуется принципом справедливости!»

«Но я думаю, что если бы милиция в фильме следовала четко юридической процедуре, это был бы более длинный путь, но тогда бы справедливость восторжествовала. Не было бы этого противоречия!»

В первой группе первоначальная оценка ситуации, показываемая в фильме, разделила аудиторию: одна группа увидела в этой ситуации торжество справедливости, другая – неправомерные действия полицейских

- *«Видно было в фильме, что задержанным подкинули вещи (доказательства), чтобы увеличить сроки наказания. Скорее, это было по совести. Если по закону – срок от 3 до 5, учитывая количество пострадавших от их рук. Видимо, решили, что задержанные заслуживают более сурового наказания. Может милиционеры хотели большей справедливости добиться?»*

- *«Конечно, это нельзя привязать к преступлениям, но по совести, милиция была права. Эти действия не правомерны, но по совести. Т.е. факт грабежа есть, но доказать его нет оснований, и милиционеры убеждены, что они найдут эти основания. Но одна жертва из прошлых преступлений их все-таки опознала! Какая бы не была система – но ведь нигде не бывает идеала. Такие моменты раньше были и все о них знают».*

- *«Я думаю, что это они, т.к. преступления похожи, их задержали по горячим следам. Описания всех событий очень похожи на то, с которыми их задержали – только ограбления они в этот раз не успели совершить. По составу они подходят как подозреваемые».*

- *«И я считаю, что милиционеры поступили правильно».*

Сторонники альтернативной точки зрения привели другие аргументы.

- *«А я считаю, что его действия были неправомерны. Этот сериал далек от реальности, от того, что происходит. Следователь – не судья, чтобы на месте так наказать человека. Он почему-то сразу определил, что их нужно наказать, чтобы срок был побольше. Это не правомерно».*

- *«Я тоже думаю, что нужно было придерживаться законодательства. Но они решили сократить время для раскрытия преступления, решили сделать по-своему. По закону, они все равно получили бы полную меру наказания за все свои преступления. Если бы в суде все жертвы их опознали, они бы получили, минимум по 20 лет. Глухарев – не Закон, чтобы решать все самому».*

- *«И я считаю, что он был не прав. У них не было достоверных доказательств. Но там еще был такой факт – в числе пострадавших была сестра пепезника. У них была заинтересованность. Работали всей группой, все ему сочувствовали».*

- *«Да, если бы соблюдалась юридическая процедура – то справедливость все равно восторжествовала бы. Нужно понимать, что никакой преступник не собирается сознаваться в свершенном преступлении».*

Вывести его на это, доказать его преступление – в этом искусство и функция правоохранителя».

В итоге обсуждения участники в обеих группах обратили внимание на то, что сегодняшняя ситуация в полиции совершенно другая, чем в 90-е и нулевые годы, к которым относится рассматриваемый фильм. После принятия Закона о полиции значительно изменились условия действия полицейских.

- «Эти сюжеты не имеют никакого отношения к сегодняшней нашей жизни. Фильмы – про другое время. Это когда было!...

- «При сегодняшнем статусе полиции у следователей уже нет необходимости в осознанной неправовой переквалификации преступления. Нет необходимости в подтасовки документов.

По «Закону о полиции» введены более строгие правила контроля за деятельностью полиции. Закон теперь больше защищает полицейских. Теперь этим задержанным могли вменить еще и нападение на сотрудников полиции и уже за это привлечь к ответственности. Сейчас полиция более защищена, чем в 90-е и нулевые годы. Кстати, за такое нападение виновному прибавляется существенный срок».

- «Обычные граждане далеко не всегда и не все следуют закону в своей повседневной жизни. Все зависит от человека и от культуры его поведения!».

- «Люди не всегда следуют закону, потому что он недостаточно строгий, лояльный. Человека нужно держать в «ежовых рукавицах». Люди должны отвечать за свои проступки».

- «Потому что люди не боятся наказаний. Может быть и потому, что люди думают, что те, кто работает в полиции, не достаточно грамотны и не смогут разобраться в ситуации».

- «Наверное, люди различают законы. Те, нарушения которых не влечет строгой ответственности, не нанесло какого-то большого ущерба другим, наверное, не рассматриваются как правонарушения».

Эксперт в вопросах организации работы в МВД сделал некоторые комментарии, которые раскрывают другую сторону проблемы.

«Показанные нам события по задержанию, избитию и пр. – все, что сделано – сделано от отсутствие элементарного профессионализма. Чтобы изблечить этих людей в соответствии с ведомственными инструкциями («Тактикой...»), нужно было: 1) установить их личность: проверить их на судимость, отдактилоскопировать, проверить по видеоучету; 2) выехать

по месту жительства, провести обыск, посмотреть, что же у них дома? А может быть у них дома – похищенные вещи? Нашли – нет необходимости им что-то навязывать. Это было сделано? – Нет! Т.е. в фильме нам показывают абсолютно не профессиональную полицию; 3) кроме того, уже в фильме показывают наличие сотовых телефонов. Нужно было пробить эти телефоны через «Биллинг», установить, где они были на момент ранее совершенных преступлений. И если позиционирование телефона совпадает с местом совершения преступлений – не нужно никаких доказательств. Берете в суде санкцию, задерживаете и работаете с задержанными. Но что делают следователь в фильме? – Он сам умышленно гробят это дело. Потому что завтра в суде любой адвокат встанет и скажет: «Все доказательства собраны с грубым нарушением УПК. Значит, они должны быть признаны недопустимыми доказательствами. А именно, опознание было проведено без статистов».

Эксперт обратил внимание на то, что даже по фильму очевидно – деятельность оперативников, а вкупе с ними – следователя, определяется непрофессионализмом, поспешностью и перегрузкой непрофессиональными обязанностями.

«У участкового, например, 90 обязанностей! Но только примерно десяток из них связаны с раскрытием преступлений. В результате мы приходим к тому, что не уважение к полиции, низкий уровень раскрываемости преступлений и т.д. – это производные от ненадлежащего использования правоохранительных органов».

Замечание эксперта относительно торопливости деятельности полицейских на фазе задержания преступников, оформления задержания и первичных следственных действий, которые показаны в фильме, подтверждается статистическими эмпирическими исследованиями как распространенная практика. Она производна, в свою очередь, от количественных показателей работы полицейских. Приведем вывод социологического анализа статистических данных: «Предположительно нередки случаи «пытток в милиции», запугивания, фальсификации вещественных доказательств (подкинутые наркотики, патроны) объясняются не садизмом милиционеров и даже не желанием сэкономить время и силы, а этой спешкой и ситуацией давления. Важно не просто «расколтоть»

фигуранта, но сделать это максимально быстро, так как промедление означает все большую и большую ответственность оперативника за неблагоприятный (для него) исход дела»¹⁶⁶.

Обсуждение во всех группах (студентов и полицейских) зафиксировало понимание необходимости укрепления ценности права и правового порядка. При этом студенты и полицейские указали ряд задач, которые необходимо для этого решить.

В частности, студенты указали на необходимость преодоления недоверия общества к государству, и особенно, на местном уровне. Не менее важно – укрепление доверия к полиции, без чего невозможно взаимодействие общества и полиции, и снижается эффективность правоприменительной практики. Еще одно необходимое условие по мнению студентов – организация системного правового просвещения на уровне знакомство с применением права, а не только с нормами законодательства.

Полицейские обратили внимание на другие аспекты: в реальной действительности право часто примется по-разному, в зависимости от принадлежности нарушителя к тому или иному социальному слою:

- *«У нас к богатым право применяется по-другому, чем к бедным. Сколько угодно примеров, когда богатая семья выгораживает своего ребенка за совершенное им преступление. А бедные – не могут этого сделать! Справедливости в повседневной жизни нет».*

- *«Я думаю, что тогда у нас изменится ситуация, когда будет четко соблюдаться принцип равенства граждан перед законом. Не взирая на чины и статусы. Кроме того, сегодня люди больше всего не доверяют суду. И те, кто обращался в суд – меньше ему доверяют, столкнулись с проволочки, бюрократической волокитой!»*

- *«У нас очень большой разрыв в материальном обеспечении между разными социальными группами. У нас разное право для разных людей. До тех пока право не будет в равной степени распространяться на всех, независимо от богатства и статуса – до тех пор у нас не будет уважения к праву. Если сами законодатели и правительство будут соблюдать право, то также будет вести себя и общество».*

¹⁶⁶Панеях Э. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде//Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования./ Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут»,2011. С.160

- *«А закон будет цениться, когда у людей будет совесть».*
- *«Когда к людям по-людски будут относиться. В первую очередь – правительство. По-людски, это когда достойная зарплата, пенсии, когда бензин по доступной цене. Садики, школы и т.д.»*
- *«Наверное, рост доверия к праву у нас будет пропорционально расти в соответствии с совершенством правовой системы».*

Итак, проведенный анализ показывает:

1. Во второе десятилетие XXI в. в России наблюдается укрепление правового порядка, чему в значительной степени способствовало принятие Закона «О полиции», повысившем социальный статус правоохранителей, их социальную защищенность и контроль за их профессиональной деятельностью. Эти изменения непосредственно отразились на характеристиках правовой культуры общества, которые могут быть измерены статистическими данными (снижении преступности, рост доверия к полиции, увеличение информационной открытости правоохранительных органов и др.).

2. Специфика правовой культуры России на уровне массового сознания усматривается в отсутствии ценностного отношения к праву, уклонении определенной части общества от строгого следования правовым нормам, слабом контроле за соблюдении права.

3. Результаты эмпирических исследований методом проведения групповых дискуссий показывает также сдвиг, который наблюдается в ценностном сознании: этикоцентричный фрейм интерпретации правовых ситуаций, который имеет архитипичный характер и закреплен в классической русской литературе и массовой культуре постсоветского периода, в настоящее время подвергается критике со стороны молодежи, получающей образование в массовых вузах, и со стороны первичного звена правоохранителей (ППС). Художественный образ «справедливого» следователя, который берет на себя ответственность разрешать правовую коллизию «по совести», превышая свои должностные полномочия через переопределение правовой ситуации, уже исчерпал себя. От

правоохранительных органов ожидаются действия в соответствии с четким соблюдением юридических процедур, которые обеспечат достижение справедливости.

4. Необходимыми условиями утверждения в обществе ценности права и укрепления правопорядка являются: обеспечение равенства всех перед законом, что способствует не только укреплению правовой культуры, но и определенной компенсации экономического разрыва социальных групп; введение системного правового образования и просвещения; усиление контроля за профессиональной деятельностью властных органов и правоохранителей; продвижение ценности права в символической сфере российского общества.

* * *

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Концепция юридического поля П. Бурдые создает возможности выявить за формализованными взаимодействиями юридических институтов интересы реальных агентов, по-разному интерпретирующих юридические тексты (законы) с целью удержания монополии на установление правового порядка, легитимизирующего власть. Этот подход позволяет выделить механизм, ориентирующий на определенный вектор правоприменения. В России этот вектор определяется как обвинительный уклон.

Применение методологических принципов концепции юридического поля П. Бурдые к анализу правовой сферы российского общества предполагает выявление влияния традиции взаимодействия органов политической власти и органов системы правопорядка; а также – устойчивости (изменчивости) традиции организации взаимодействия различных агентов юридического поля.

Анализ динамики правоохранительной системы России в постсоветский период свидетельствует о том, что, не смотря на реформы правовых институтов, так и не произошло становление суда в самостоятельную ветвь власти. Правоохранительная система и суды по-

прежнему остались в рамках, очерченных для них исполнительной властью. В этих границах разворачивается взаимодействие агентов юридического поля: следствия (включая оперативников МВД), прокуратуры, адвокатуры, суда.

Система избыточного регулирования и контроля за деятельностью каждого из этих агентов обуславливает высокий уровень документооборота, высокую степень формализации документов, загруженность рабочего времени сверх, а потому – рутинизацию и шаблонность юридического труда. Такие виды деятельности требуют от работника феминных психосоциальных характеристики: усидчивости, склонности, аккуратности, дисциплинированности, терпеливости и т.д. Поэтому естественно, что органы следствия и судопроизводства заполняются большей частью женщинами.

Переориентация профессионального образования следователей МВД и судопроизводства с университетского на ведомственный формат, а также с очного отделения – на заочное, обусловили также сужение образовательных горизонтов, снижение критичности мышления, его философско-гуманитарной системности. Этим объясняется также отказ от рефлексии на предмет воспроизводства значительного лага между сущностью закона и правоприменительной практикой; восприятие нормативности бюрократического характера функционирования правовых институтов.

Бюрократизация правоохранительных институтов воспринимается агентами юридического поля как культурная специфика функционирования российского правосудия, которая проявляется через его обвинительно-государственный характер и воспроизводит его; неформальные практики единство следствия и суда; фактическую подчиненность суда стороне государственного обвинения.

Воспроизводства этих традиционных для России особенностей правосудия на неосознаваемом уровне деятельности агентов юридического поля требуют не только институциональных преобразований. Председатель

Конституционного суда, В.Д. Зорькин, отмечает глубину и силу социальной инерции сложившихся в России неформальных институтов. Поэтому он считает, что «главная проблема правоприменения не технологическая, а идеологическая и культурная. Технологического решения эта проблема не имеет даже в самом рациональном обществе»¹⁶⁷.

Сохранение в России даже после проведения реформы правоохранительных и судебных органов не базисных элементов корпоративной культуры, сложившейся еще в советский период, обуславливает воспроизводство практик работы, не соответствующих правовой культуре современного правового государства. В этих условиях в коллективных представлениях массового сознания сохраняется разрыв между пониманием справедливости и права. Право по-прежнему воспринимается значительным большинством общества как внешняя принудительная форма регуляции, которая не реализует справедливость. Этот фрейм активно поддерживается и укрепляется современной массовой культурой, в первую очередь, телесериалами, которые демонстрируются в прайм-тайм (prime-time) и привлекают широкую зрительскую аудиторию. Художественные произведения этой категории укрепляют данный фрейм за счет создания образов мифологических героев-полицейских, которые, используя свои должностные полномочия, самостоятельно переинтерпретируют юридические ситуации для адекватного применения закона. В этом контексте закон используется инструментально, игнорируя право, как ценность, для утверждения нравственного принципа справедливости. Иными словами, массовая культура адресует современному обществу этикоцентристский фрейм, который был сформирован в системе подчиненного статуса права, восприятия бесправности личности в государстве и отсутствия ценностного отношения к праву.

¹⁶⁷ Зорькин В. Правоприменение как стратегическая проблема// Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования./ Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут», 2011. С.21.

Не смотря на тормозящее влияние долгосрочных социокультурных факторов – бюрократизма и этикоцентризма, - которые препятствуют утверждению ценности права и правовых установок массового поведения, эти основные компоненты правовой культуры постепенно укрепляются. Об этом свидетельствуют групповые дискуссии, которые показывают отклонение этикоцентристского фрейма при рассмотрении правовых коллизий. Критика его тем выше, чем выше уровень правового образования общества. Эмпирические исследования показывают также, что развитие правового сознания и правовых ценностей стимулируется университетским образованием, в котором рациональная правовая система «вписана» в гуманистические смыслы функционирования общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О наличном состоянии правовой культуры современных россиян свидетельствует распространенность в обществе иллегальных и криминальных практик повседневного взаимодействия, существенно препятствующих становлению правового государства и независимого правосудия. Невысокая эффективность действия правовых институтов, сформированных в ходе системных реформ последних десятилетий и формально адекватных этой задаче, свидетельствует о том, что корни множественных правовых девиаций лежат не в структурно-институциональной плоскости, а в области культуры, и связаны с действием долговременных социокультурных факторов. При этом речь идет о неосознаваемых ограничениях правопонимания и интерпретации юридических ситуаций, налагаемых спецификой культурного кода. Для того, чтобы выявить характеристики этого культурного кода и механизмы его влияния на поведенческие мотивации агентов, мы обратились к методологии фрейм-анализа, дающей инструментарий для выявления неосознаваемых ментальных границ такого рода, то есть осуществили исследование состояния правовой культуры современных россиян на микросоциологическом уровне. Однако мы использовали фрейм-анализ в сочетании с макросоциологическим социокультурным подходом и теорией габитусов П. Бурдье, давшей нам основания для самой постановки проблемы о нерелексивных ограничителях и для макросоциологической концептуализации результатов нашего исследования.

Осуществленный нами анализ в макросоциологической перспективе позволил выявить два основных долговременных социокультурных фактора, до настоящего времени сохраняющих неосознаваемое влияние на восприятие конкретных ситуаций и формирование поведенческих мотиваций россиян. Первый из этих факторов - этикоцентризм, доминирующий в структуре российского культурного кода. Сформировавшийся под влиянием мировоззренческих особенностей православной религиозности,

опосредованным русской классической литературой и философией, этикоцентризм характеризуется тенденцией к обесцениванию права как социального регулятора и вытеснению его на периферию общественного внимания. Такое обесценивание права как менее полноценного регулятора в сравнении с моралью, совестью как носителем духовной истины на практике разрушает строгие границы дозволенного, выстроенные формальным правом, и подменяет мораль и совесть в качестве реального критерия неограниченным субъективным волюнтаристическим произволом. Мы выявили и показали внутреннюю антиномичность этикоцентризма, связанную с возведением индивидуального актора в ранг абсолютно правомочного субъекта оценки своих поступков с позиции субъективно толкуемой нравственности, что порождает нигилистическое мировоззрение, и в частности, правовой нигилизм.

Второй из рассмотренных нами долговременных социокультурных факторов - присущая российской культурной традиции тенденция бюрократизации деятельности всех государственных структур и инстанций, в том числе и прежде всего правоохранительных и судебных. Создаваемое ею взаимное отчуждение работников правоохранительных и судебных органов и взаимодействующих с ними рядовых агентов создает препятствие для необходимого доверия населения к суду и правоохранителям и способствует консервации правового нигилизма. Обвинительный уклон в практике принятия судебных решений, отсутствие реальной независимости судебной власти от исполнительной заставляют агентов не воспринимать суды как инстанцию защиты их прав. Этим расшатывается общий авторитет права и снижается его ценность как социального регулятора.

Выявив два долговременных социокультурных фактора, влияющих на ранг права и жизни в соответствии с правом в иерархии социальных ценностей, мы осуществили эмпирические исследования на методологической основе фрейм-анализа, нацеленные на выявление

механизмов, посредством которых осуществляется фреймирующее влияние этих факторов на определение агентами частных юридических ситуаций.

Так, мы выявили роль массовой культуры (ТВ-сериалов) в воспроизводстве и трансляции действия указанных социокультурных факторов населению. В ходе проведения фокус-групп, посвященных обсуждению сериала о буднях правоохранителей, выявилось, что современная российская массовая культура, используя новые технические средства, мифологизирует и транслирует населению коллективные представления, актуализирующие культурный код этикоцентризма. Зачастую в сценариях сериалов о работе правоохранительных органов героям приходится восстанавливать справедливость, так или иначе переходя грань дозволенного законом, поскольку сюжетная коллизия обыгрывает «недостаточность» права и героизирует субъектов его нарушения в целях восстановления справедливости. Таким образом, современные произведения массовой культуры объективно способствуют институционализации этикоцентризма в правовой культуре российского общества, обыгрывая нерелексивно закрепленное культурным кодом представление о несовпадении права и справедливости.

Тем не менее, проведенный по итогам групповых дискуссий среди студенчества и полицейских (сержантского состава работников МВД) фрейм-анализ позволил выявить то, что современная молодежь, в том числе молодые работники правоохранительных органов, достаточно критически воспринимают этикоцентричный фрейм интерпретации правовых ситуаций. Несмотря на то, что массовая культура продолжает инерционно транслировать антиномию «право – справедливость», позволяющую выстраивать интересные сюжетные коллизии, при анализе материалов дискуссии складывается впечатление, что подобные антиномичные образы правоохранителей перестали восприниматься как героические и исчерпали лимит воздействия на аудиторию. Молодое поколение, формировавшееся в условиях обновленного российского общества с рыночной экономикой,

выстраивает иные социальные ожидания в отношении работников правоохранительных органов, связанные прежде всего с действиями в четких рамках закона, именно этим утверждающими справедливость. Нам представляется, что выявленный факт свидетельствует о начавшемся процессе повышения ценности права и уровня правовой культуры у молодого поколения современных россиян.

Однако тревожащей тенденцией остается дисфункциональность российской судебной системы. Анализ источников показал, что состояние и динамика функционирования современных российских правоохранительных органов и судебной системы не демонстрируют реальной независимости судов, которые так и не стали самостоятельной ветвью власти. Несмотря на вполне сформированную институциональную основу для этого, российские суды сохраняют фактическую подчиненность исполнительной власти, и в этом состоит одно из главных препятствий для становления правовой культуры того уровня, который соответствовал бы правовому государству. Социокультурным фактором, способствующим сохранению такого положения, является традиционное для российской истории и культуры засилье бюрократизма в судебной системе и правоохранительных органах, и в целом в юридическом поле. В современном российском обществе продолжает существовать иерархия агентов юридического поля, эффективность работы правоохранителей оценивается исходя из количественных показателей; в судебной практике доминирует обвинительный уклон и, следовательно, прокуратура, в ущерб реальной состязательности сторон. Основной объем расследования осуществляется на этапе досудебного следствия. Деятельность агентов юридического поля в значительной степени рутинизирована и ориентирована на готовые шаблоны, что говорит о доминировании в профессиональной культуре российских юристов корпоративных ценностей самосохранения бюрократической системы, а не собственно ценности права. Эти характеристики деятельности правоохранительных и судебных органов в современной России

воспринимаются и осознаются населением, интегрируясь в его картину социальной действительности, что препятствует восстановлению доверия рядовых агентов и общества в целом к суду и, тем самым, повышению уровня правовой культуры.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что в современном российском обществе наметилась тенденция становления правовой культуры, соответствующей правовому государству, однако развитию этой тенденции препятствует инерционное действие на нерелексивном уровне долговременных социокультурных факторов, преодоление которых может осуществляться лишь постепенно. Исследование процесса выхода из-под действия этих факторов и становления правовой культуры современных россиян будет сохранять актуальность в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России. СПб., 2003.
2. Абросимов В.Н. Роль интеллигенции в становлении новой российской идентичности в постсоветский период. - Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. социол. наук. Ростов-на-Дону. 2007.
3. Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы /Е.Б.Абросимова. М.: Институт права и публичной политики, 2002
4. Акимов А.Н., Чекин А.Н. Правовая культура на примере стран романо-германской и англо-саксонской правовых семей // История государства и права. 2006. №10. С. 37-39.
5. Алексеев С.С. Правовая культура // Право – азбука – философия: Опыт комплексного исследования. - М., 1999.
6. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2002;
7. Амара М.И., Шклярчук М.С., Бегтин И.В. Криминальная статистика и открытость полиции: Аналитический обзор (в рамках мониторинга законодательства об открытости статистической информации). – М., 2014.
8. Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций / В.И.Анишина. – М.: Эксмо, 2008.
9. Анишина В.И., Гаджиев Г.А. Самостоятельность судебной власти //Общественные науки и современность 2006. № 6.
10. Артемов А.М. Социально-культурная ориентация правоохранительных органов//Социологические исследования. 2000, №1. С.51-55.
11. Артюхов А.В. Криминальные практики России сквозь призму культуры. Ростов-на-Дону, 2004.
12. Арутюнова, Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 11—13.

13. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — Т. 1. От прошлого к будущему. — 804 с.
14. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья)//Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
15. Байниязов Р.С. Мировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии // Журнал российского права. 2001. №11. С.46-52.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
17. Бирюков С.В. О структуре социологии права (направления исследований в отечественной науке)//Социологические исследования. 2015, № 9. С.111-120.
18. Блек Д. Поведение закона (Гл.1-2)//Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов/ Под ред. Э.Л.Панеях. М.: Статус, 2014. С 131-144.
19. Богомолов Ю. Птенцы гнезда Глухаревых Появился ли на ТВ первый милицейский сериал, которому веришь? - Российская газета. 2008, 04. 12 [Электронный ресурс] // RG.RU: [веб-сайт]. URL: <https://rg.ru/2008/12/04/bogomolov.html> (дата обращения: 01.07.2018).
20. Бурдые П. Практический смысл. СПб., М., 2001.
21. Бурдые. П. Власть права: основы социологии юридического поля// Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики/ Пер. с фран. ; Отв. Ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко.- М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2005.
22. Варданянц Г.К. Социологическая теория права: монография – М.: Академический Проект, 2007.
23. Вахштайн В.С. Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 141-151.

24. Вахштайн В. С. Анализ фреймов голосования. Эссе об организации электорального опыта. // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1-2. 2011. С.114-136.
25. Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах, М.; СПб, Центр гуманитарных инициатив. 2015. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах — 176 с.
26. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии//Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
27. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция. 2000. С.528.
28. Ветютнев Ю.Ю., Трифонов А.С., Шириков А.С. Правовая культура в России на рубеже столетий (Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции) // Государство и право. 2001. №10. С.123-128.
29. Власова Г.Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса // Философия права. 2007, № 2. С.69-73.
30. Власова Г.Б. Феномен суда в развитии мировой цивилизации // Философия права. 2007, №5. С.69-73.
31. Власова Г.Б. Социокультурная легитимация институциональных форм правосудия: Монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007.
32. Волков А.С., Фирсов О.А. Проблемы правовой культуры следователя//Правовая культура. 2019, № 4(39). С.65-73.
33. Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., 2002.
34. Волков В.В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза//Социологические исследования. 2017, № 4. С.34-42.
35. Волков В., Дмитриева А., Титаев К., Ходжаева Е., Четверикова И., Шклярук М.. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной

- милиции в России. Доклад по результатам исследования. М.-СПб. Комитет гражданских инициатив. СПб: ИПП ЕУСПб, 2015. — 144 стр.
36. Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы// Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права/ Под ред. В. В. Волкова. – М.: Статус, 2012. – 368 с.
37. Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе//Социология власти. 2015. Т.27, № 2. С. 94-134.
38. Волков В., Скугоревский Д., Титаев К. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права)//Социологические исследования. 2016 № 1. С. 48-58.
39. Воробьев А.М. Социальный портрет работника органов внутренних дел//Социологические исследования. 1992. № 10. С.107-109.
40. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1540. Индекс доверия полиции [Электронный ресурс] // [веб-сайт]. URL: Левада-центр. <http://www.levada.ru/04-03-2013/indeks-doveriya-politsii>, свободный (дата обращения: 28.10.2017).
41. Выгорбина А.Е. Этика права: Опыт философско-социологического исследования нравственных основ права. М.: Вузовская книга, 2005.
42. В МВД отчитались о росте доверия россиян к полиции в 2014 году [Электронный ресурс] // РИА Новости: [веб-сайт]. URL: <http://ria.ru/society/20150209/1046703797.html>, (дата обращения: 20.06.2015).
43. Гагин И.А. Правовая культура и ее роль в становлении работника УИС: уч.-метод. пособие. Кн.13. Рязань, 2005. – 112 с.
44. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М., 2003.
45. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

46. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
47. Глава кировского суда: «Я с уважением отношусь к Навальному» - [Электронный ресурс]. Republic: [веб-сайт]. URL: [//republic.ru/russia/glava_kirovskogo_suda_ya_s_uvazheniem_otnoshus_k_n_avalnomu-932001.xhtml](http://republic.ru/russia/glava_kirovskogo_suda_ya_s_uvazheniem_otnoshus_k_n_avalnomu-932001.xhtml) (дата обращения: 06.07.2020).
48. Гласность судопроизводства: результаты исследования. Сборник материалов и документов. Центр Защиты Прав СМИ по результатам проекта «Мониторинг гласности судопроизводства». 2000г. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text7/61.htm> // <http://mmdc.narod.ru/books.html>; (дата обращения 07.07.2020).
49. Глухарь»: новый герой на экране или клевета на милицию. [Электронный ресурс]. Эхо Москвы [веб-сайт]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/tv/624283-echo/> (дата обращения 10.07.07.2020).
50. «Глухарь» [Электронный ресурс]. Википедия: [веб-сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>(дата обращения: 10.07.07.2020).
51. Горяинова О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания//Культурологический журнал. 2010. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2011_11_37_11_1297931831.pdf (дата обращения 10.07.07.2020).
52. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. – М., 1913.
53. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
54. Графский, В.Г. Власть законов: идеи и современность //Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2000;

55. Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения, 1 (81). 2006. С. 58-71.
56. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4. С.7-44.
57. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давления, пытки// Вестник общественного мнения, 1-2 (128). 2019. С. 86 - 124.
58. Гук П.А. Правовая культура судопроизводства – основа эффективного правоприменения//Юридическая техника. 2016. № 10. С.100-103.
59. Денисова Г.С., Шурыгина Е.Г. Имиджевые характеристики российских судей в современном коммуникативном пространстве// Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2008, № 1. С. 104-109.
60. Денисова Г.С., Шурыгина Е.Г. Общественное доверие к суду как индикатор эффективности судебной власти// Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009, № 1. С.48-58.
61. Деметрадзе М.Р. Социокультурные аспекты политики и права. Монография. М., АПиУ, 2006.
62. Джаншиев Г. Из эпохи великих реформ. – М., 1893.
63. Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М., 1891.
64. Джоган А.В. Особенности русского философского языка: феномен этикоцентризма. Автореф. канд. дисс. Воронеж. 2011. [Электронный ресурс] //Национальная электронная библиотека [веб-сайт]. URL: <http://www.dslib.net/etika/osobennosti-russkogo-filosofskogo-jazyka-fenomen-jetikocentrizma.html> (дата обращения 07.07.2020).
65. Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002.
66. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С.44-50.

67. Дмитриева А. Как на самом деле работает закон: новая социология права в России//Экономическая социология. 2013. № 14 (5). С. 144 – 158.
68. Дубова А., Косалс Л. Включенность российских полицейских в теневую экономику// «Отечественные записки». 2012, № 2 (47). С. 175-183.
69. Емельянова Т.П. Социальное представление понятие и концепция: итоги последнего десятилетия //Психологический журнал. 2001. Т.22, № 6. С.39-40.
70. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006. -283 с.
71. Закомлистов А.Ф. Судебная этика. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
72. Зинковский С.Б. Правовые культуры. М.: Изд-во РУДН, 2007.
73. Зорькин В. Конституционный вектор России. 20 лет реализации основного закона страны//[Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. [веб-сайт]. URL: <https://rg.ru/2013/11/19/posizia.html>. (дата обращения: 04.07.2020).
74. Зорькин В. Правоприменение как стратегическая проблема// Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования. / Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут», 2011.
75. Иванов А.Н. Ценностные императивы правовой культуры социума // Философия права. 2007, № 5. С.48-52.
76. Ивашевский С.Л. Идеальная сущность права: постановка проблемы //Журнал российского права. 2007, №1. С.108-114.
77. Изварина А.Ф. Судебная власть в Российской Федерации: содержание, организация, формы / А.Ф.Изварина. – Ростов н/Д: «Феникс», 2005.
78. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. Спб.: Интерсоцис, 2006.
79. Ильин И.А. О сущности правосознания //Ильин И.А. Соч. Т.1. М., 1993.

80. Кля Куликов. Режисер, сценарист, автор сериала «Гдухарь». 03.12.2010. Интервью. [Электронный ресурс] //Персона: [веб-сайт]. URL: <http://personarf.com/> (дата обращения 12.10.2019).
81. Исаева О.А. Правовая культура и процесс ее формирования // Политика и право: проблемы интеграции и пути их решения. Материалы региональной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во СГУПСа, 2007. С.95-97.
82. История российского правосудия: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.А. Воротынцева и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. (библ.)
83. Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С.307-319.
84. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / Под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. – 388 с.
85. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
86. Карнозова Л. Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества? // Социальная реальность. 2006, № 9. С.7-31.
87. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. М., Юрайт. 2016.
88. Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании. СПб; Самара, 2001.
89. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
90. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежный компоненты. - М.: НОРМА, 2008
91. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневое общество. М., 2000;
92. Козырева П.М., Смирнов А.И. Российские суды – трудности развития //Социологические исследования. 2014, № 5. С.68-79.

93. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юристъ, 2004.
94. Колоскова И.Ю., Соколов Н.Я. Юристы как социально-профессиональная группа // Государство и право. 2003, № 10. С.63-70.
95. Колотова, Н.В. Мораль и право: анализ традиции исследования ценностных аспектов проблемы // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М., 1996.
96. Колюшкина Л.Ю. Декодирование культурных смыслов самопрезентации органов правопорядка. Автореф. дис. на соиск. уч.ст. к.соц.н. Ростов-на-Дону, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://https://search.rsl.ru/ru/record/01003254274> (дата обращения: 25.05.2020).
97. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы – М.: «Статут»; РАП, 2004.
98. Кораблев С.Е. Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013, № 1. С.148-155.
99. Корнеева А.Е. Современные адвокаты: профессиональная практика в процессе трансформации//Социология и социальная антропология. 2006. Т.9, № 2. С. 132-151.
100. Коршунова П.В. Правовая культура и правосознание судей: общетеоретические аспекты осуществления правосудия в России//Правовая культура. 2020, № 1. С. 107-119.
101. Косалс Л. Я. Дисфункциональные рынки в условиях российской трансформации на примере рынка милицейских услуг. Москва, 2005. Препринт WP4/2005/02. Серия WP4. [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2618969.html> (дата обращения 22.05.2020).
102. Костина О.А. «Отбывание номера» исключено// Полиция России. 2014, № 2. С.15-17.
103. Красавина Е.В. Молодежь в социальном пространстве современной России: имитационный механизм социальной адаптации. Дисс. на соискание ученой степени доктора социол. наук по спец. 22.00.06. - социология культуры. Майкоп. 2013.

104. Краснов М. От Концепции 1991 года до сегодняшнего дня. Попытка инвентаризации // Российская юстиция 2001, № 11. С.2-6.
105. Краснов М. У судебной власти есть только один защитник – общество //Российская юстиция. 2003, № 6. С.2-4.
106. Кузнецов Д. Концепция “поведения закона”: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 16–47.
107. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987.
108. Лапаева В.В. Социология права / Под ред. академика РАН В.С. Нерсесянца. М., 2000.
109. Лапаева, В. В. Социология права: история и современность // Социологические исследования. 2008, № 6. С. 145–154.
110. Лапаева В. В. Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития//Социологические исследования. 2016, № 7. С.66-76.
111. Лапаева В.В. Социология права в России: послесталинский, перестроечный и постсоциалистический периоды//Социологические исследования. 2018, № 3. С.98-112.
112. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
113. Лебедев В.М. Условия для успешного завершения реформы созданы // Российская юстиция. 2001, №5. С.7-9.
114. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
115. Ллойд Д. Идея права. М.: «ЮГОНА», 2002.
116. Мазаев Ю.Н. Как изменяется отношение населения к милиции? //Социологические исследования. 1997, №11. С.68-73.
117. Мазилев В.А., Янчук В.А. Методологические проблемы исследования культурного фрейминга// Ярославский педагогический вестник. 2013,

- №3, Т.1. [Электронный ресурс]. URL: http://docplayer.ru/71294684-Kulturologiya-metodologicheskie-problemy-issledovaniya-kulturnogo-freyminga-methodological-problems-of-researching-cultural-framing.html
118. Майоров В.И., Дунаева О.Н. Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству//Социологические исследования. 2017, № 4. С.43-51.
119. Малахов В.П. Право в его универсальности, особенности и конкретности. М.: Московский университет МВД России, 2005.
120. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В.Мальцев. – М.: Норма, 2007.
121. Мартышин О.В. Национальная политика и правовая культура в контексте глобализации//Государство и право. 2005, № 4. С.9-17.
122. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры//Государство и право. 2003, № 10. С. 24-30.
123. Масловская Е.В. Теоретико-социологический анализ динамики правовых институтов советского общества//Вестник РУДН.Серия Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 404-417.
124. Масловская Е., Масловский М. Концепция юридического поля и современная социология права //Социология власти. Т.27, № 2 (2018). С. 48-65.
125. Масловская Е.В. Трансформация российской судебной системы: социологический анализ. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007.
126. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни// Правовая культура. 2012, № 1 (12). С.8-24.
127. Медушевская Н.Ф.Интеллектуально-духовные основания Российского права. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М, 2010.
128. Медушевский А.Н. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и новейшего времени//Общественные науки и современность. 2017, № 1. С. 62-72.

129. Медушевский А. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и новейшего времени. [Электронный ресурс]. Фонд Либеральная миссия [веб-сайт]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7023>
130. Мельников В.Ю., Бика Б.Д. Социальная справедливость и права человека: теория и практика современной России// Правовая культура. 2018, №2 (33). С. 85-91.
131. Митрошенков О.А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку//Социологические исследования. 2004, № 5. С.19-36.
132. Михайлов А.П. Ювенальная делинквентность в условиях социальной трансции: социокультурный анализ. Автореф. дис. на соиск. уч.ст. докт. соц.н. Ростов-на-Дону, 2006.
133. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. – М.: Проспект, 2014. – 124 с.
134. Мишина Е. Судейское усмотрение и правоприменение//Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования/ Под ред. В.В. Волкова.- М.: «Статут», 2011.
135. Моисеева Е. Н. Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 87–100.
136. Морщакова Т. На полпути к правосудию//Отечественные записки. 2003, № 2 (11). С.53-59.
137. Нерсеянц В.С. Право как необходимая форма равенства и справедливости // Социологические исследования. 2001, № 10. С.3-15.
138. Нерсеянц В.С., Муромцев Г.И., Мальцев Г.И. и др. Право и культура. М.: Изд-во РУДН, 2002.
139. Нисневич Ю.А. Судебная система постсоветской России: социальный контекст//Социологические исследования. 2019, № 8. С.84-95.
140. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

141. Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб.ст./под ред. В.В. Волкова. – С.: Норма, 2015.
142. Одобрение деятельности общественных институтов 2015. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [веб-сайт]. URL: – http://wciom.ru/news.ratings/odobrenie_deyatelnosty (дата обращения: 12.05.2020).
143. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации //Юридический мир. 2005, №3. С.68-75.
144. Остапенко А.С. Некоторые аспекты регулирования общественных отношений моралью и правом //Философия права. 2007. №5. С.116-119.
145. Панеях Э. Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого//Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права/ Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут», 2012.
146. Панеях Э. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде//Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования. / Под ред. В.В. Волкова. – М.: «Статут», 2011.
147. Першиц Р. Анатомия ментальности. СПб.: Симпозиум, 2003.
148. Перепятыко Н.М., Еремин А.Ю. Культура правоприменения при производстве следственных действий//Правовая культура. 2018, № 3(34). С. 68-72.
149. Петрулевич И.А. Правовая культура молодежи Северного Кавказа: специфика формирования и ценностное содержание. Автореф. кан. соц.н. Ростов-на-Дону, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003483568>
150. Петрулевич И.А. Специфика правового сознания различных социальных групп в современной России// Актуальные проблемы

- современных социально-гуманитарных наук: сб. науч. статей / под ред. Т.А. Марченко. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
151. Петрулевич И.А. Общность коллективных представлений правового сознания в условиях дифференциации современного российского общества. – Автореф. дис. на соиск. уч.ст. докт.соц.н. Ростов-на-Дону, 2009.
152. Печерская Н. Справедливость: между правдой и истиной. Н. С. Плотников (ред.). «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории, М.: Ключ-С. 2011. С.15 – 48.
153. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974.
154. Поздняков М. Критерии оценки качества работы судей и дисциплинарная ответственность. СПб: ИПП при ЕУСПб. 2014.
155. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия//Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 1. С. 92-99.
156. Попов А.Д. Суд присяжных в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 2007, № 3. С.97-103.
157. Попов Е. А. Социология права в системе наук об обществе и праве // Социологические исследования. 2012, N 3. С.28-32.
158. Попова А.Д. Современный присяжный: кто он? // Социологические исследования. 2004, №12. С.113-116.
159. Попов Е. А. Право и современная социологическая наука // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 32–37.
160. Право и справедливость: российский процесс общественного развития нового и новейшего времени. 23.05.2016. [Электронный ресурс] // Фонд Либеральная миссия: [веб-сайт]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7023> (дата обращения: 15.05.2020).
161. Преступление // Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984.

162. Пристенский В.Н. Проблема универсальности права, ее философско-антропологический смысл // Философия права. 2007, №3. С.25-29.
163. Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. – М.: Лекс-Книга, 2005.
164. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социально-психологической науки. – М., 1991.
165. Репьев А.Г. Преодоление кризиса профессиональной правовой культуры и правосознания субъектов, обладающих юридическими преимуществами, как направление правовой политики//Правовая культура. 2019. № 3(38) С. 21-29.
166. Русская философия и социология права /Агафонов Ю.А., Шалин В.В., Зимонина Н.А., авт.-сост. Ростов н/Д, 2005.
167. Русские дореволюционные юристы (Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, П.И. Новгородцев, Л.И. Пстражицкий и др. ... [Электронный ресурс]. URL: www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/127.htm (дата обращения: 15.05.2020).
168. Розин В.М. Генезис права: Методологический и культурологический анализ. М.: NOTA VENE Медиа Трейд Компания, 2003.
169. Рывкина Р.В. Теневизация российского общества: причины и последствия// Социологические исследования. 2000, №12. С. 3-13.
170. Савин А.Э. Смыслообразование в свете феноменологической философии//[Электронный ресурс] // Электронный философский журнал Vox / Голос: [веб-сайт]. URL: <http://vox-journal.org> Выпуск 18 (июнь 2015). (Дата обращения: 12.05.2020).
171. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые

- записки юридического факультета СПб гуманитарного института профсоюзов. 1997. № 2.
172. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В.Ершова. М.: Юрист, 2006. - 493 с.
173. Самыгин П.С. Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: автореф. дис. ... докт. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovaya-sotsializatsiya-uchashchiysya-molodezhi-v-usloviyakh-sotsialnoi-neopredelennosti-r>
174. Сафронов А.Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел. М.: ЮНИТИ-Дана: Закон и право. 2003. – 415 с.
175. Сигалов К.Е. Исторические основания среды права. Монография. М.: Московская академия МВД России, 2002.
176. СМИ и судебная власть в России. Проблемы взаимодействия. М.: Галерея, 1998.
177. Смоленский М.Б. Правовая культура как элемент социокультурного пространства: Перспективы становления в современной России. Автореф. докт. дисс. Ростов-на-Дону. 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/pravovaya-kultura-kak-element-sotsiokulturnogo-prostranstva#ixzz5E337HJmM>
178. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности//Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003, № 1 (246). С. 197-204.
179. Смоленский М.Б. Аксиологическая антиномия Российской традиции: мораль или право (социокультурный аспект) //Правовая культура и ее роль в становлении правового государства. Ученые записки. Ростов-на-Дону: РИНХ, 2003. Вып. №1. С. 8-14.

180. Смоленский М.Б. Право и правовая культура в системе социальной регуляции // Научно-практический журнал «Юридический вестн. РГЭУ». 2003, №1. С. 79-84.
181. Современная социология права: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; Отв. ред. Алферова Е.В. – М., 2013.
182. Соломно П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998.
183. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., Астрель, 2006.
184. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество /Общ. Ред., сост. И предисл. А.Ю.Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
185. Сорокина Ю.В. К вопросу о ценности права // Философия права. 2007, №2. С. 11-19.
186. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с.
187. Социология права: курс лекций: в 2 т.. Т. 2 / Отв. ред.: Марченко М.Н. - М.: Проспект, 2015.
188. Сухонослова С.В. Теория фреймов: возможности исследования повседневности // Человек в мире культуры. 2012, № 2. С.29-34.
189. Сырых В.М. Социология права. М., 2001.
190. Титаев К. Что же такое «по закону»? История поиска ответов//Социология власти. 2015. Т. 27, № 2. С. 1-15.
191. Титаев К., Шклярчук М. Российский следователь: 12 эмпирических фактов. Аналитический обзор. По результатам социологического исследования и цикла интервью. – СПб. 2015. [Электронный ресурс]. URL: www.enforse.spb.ru (дата обращения: 15.06.2020).

192. Тихомирова Н.Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ// Полис. Политические исследования. 2018 № 5. С. 134-149.
193. Тлехатук А.К. Теневые практики в контексте социетальности: российские реалии. Дис. на соиск. уч. ст. к.соц.н. Ростов-на-Дону, 2005.
194. Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России// Новое литературное обозрение. М., 2004. – 515 с.
195. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации// Человек. 2004, № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalculture.ru/filosofija-globalizacii/n-n-fedotova-krizis-identichnosti-v-uslovijah.html>
196. Филиппов А.Ф. Базовый словарь теории социальных событий// Пути России: проблемы социального познания. Международный симпозиум. 3-4 февраля 2006. / Под общ. ред. Д.М.Рогозина. – М.: МВШСЭН, 2006. С.199-200.
197. Филонов Ю.Л. Генезис институциональных форм местного правосудия в России: политико-правовой анализ //Философия права. 2007, №3 С. 149-153.
198. ФЦП "Развитие судебной системы России на 2007 – 2011гг.» /Собрание законодательства РФ, 14.08.2006.
199. Чаморро С.М. Общее и особенное в развитии политической и правовой культуры обществ Запада, Востока и России. М.: Диалог-МГУ, 1998.
200. Чухно Н.А. Генезис и структура юридического фрейма. // Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/genezis-i-struktura-yuridicheskogo-freyma>
201. Шамьенова Г.Р. Принципы формирования правовой культуры в рамках реализации воспитательной работы со студентами в современном вузе//Правовая культура. 2020, № 1. С. 95-106.

202. Шереги Ф. Э. Социология права: прикладные исследования СПб.: Алетейя, 2002.
203. Шклярук М.С. Российский уголовный процесс как система фильтров: досудбные траектории и отбор уголовных дел на при мере МВД// Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст./ под ред. В.В. Волкова. М., 2015. С. 155-183.
204. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. - М.: Языки славянской культуры, 2002.
205. Штйнберг И.Е., Шанин Т., Ковалев Е.М., Левинсок А. Качественные методы. Полевых социологических исследованиях. – СПб.: Алетейя, 2009.
206. Шурыгина Е.Г. Изменение социокультурного статуса института суда в современном российском обществе: коммуникативные компоненты легитимизации. – Автореф. на соиск. уч.ст. к.соц.н. Ростов-на-Дону, 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004620565.pdf
207. Сериал «Глухарь» на телеэкране и в кино. [Электронный ресурс]. Эхо Москвы. 2.05.2010: [веб-сайт]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/tv/675263-echo/> (дата обращения: 15.05.2020).
208. Юдина Т.Н., Бондалетов В.В., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Долгорукова И.В. Общественная оценка деятельности полиции // Социологические исследования. 2017, № 4. С.52-59.
209. Юридическая социология. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2000.
210. Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. (По следам дискуссий при разработке исследовательского проекта) // Официальный сайт ИС РАН. - 2011. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=2024>. (Дата обращения: 12.05.2020).

211. Ядов В.А. К дискуссии о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 128-130.
212. Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004, №11. С.5-9.
213. Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга [Электронный ресурс]//Российское общество социологов: [веб-сайт]. URL:http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_ld=19&ld=464 (Дата обращения 01.06.2020).
214. Янова Н.Г. Суд присяжных и государственный обвинитель // Социологические исследования. 1998, № 5. С.83-85.
215. Snow, D. and R.Benford, 1992. Master Frames and Cycles of Protest pp.133-53, in Morris A and C. Mueller, eds. *Frontiers in Social Movement theory*. London:Yale University Press.
216. Wagner W. Queries about social representation and construction // *Journal for the theory of social behaviour*. 1996. V. 26. # 2. P. 95-120.

«Правовая культура современного российского общества: современное состояние и историко-культурные традиции» (примерная программа проведения групповых дискуссий)

Цель групповой дискуссии: выявить представления участников о значимости права как регулирующей системы, ценности права и отношения к интерпретации правовой регуляции в повседневной жизни, которая продвигается массовой телепродукцией.

Гипотеза: предполагается, что участники дискуссионных групп (студенты и полицейские) осознают необходимость права как высшей ценности в современном обществе и необходимости эффективного функционирования правовой системы. Одновременно с этим, участники понимают, что в этом качестве Право в современном российском обществе не работает ни как ценность, ни как безусловная система регуляции. Однако причина этого усматривается в произволе бюрократии и власти, а не в культурной традиции и отсутствии экономического основания (частной собственности), определяющей ценность права для каждого.

Задачи:

1. Выявить представления участников относительно
2. Предложить набор образов, которые связаны со стереотипным (бессознательным) определением юридической ситуации и переопределением ее в нравственном ключе. На этом основании выявить культурный код, общий для правоохранителей и других участников ситуации, позволяющий сделать такую переинтерпретацию.
3. Выявить мотивы переинтерпретации правовой ситуации в нравственную у правоохранителей (полицейских) и у современной студенческой молодежи.
4. Определить те социальные условия, на взгляд информантов, при которых правовая ситуация будет оцениваться в правовом поле.

ТОПИК-ГАЙД

для проведения групповых дискуссий

Модератор (М.): Добрый день, уважаемые коллеги! Мы пригласили Вас на встречу, чтобы обсудить актуальные вопросы состояния правовой культуры современного российского общества. Широко известно, что важным направлением внутренней политики государства в постсоветский

период является укрепление его правовой основы и формирование правовой культуры. Составными частями этого направления выступают антикоррупционная деятельность, правовое образование и просвещение, контроль за деятельностью правоохранительных органов. Успехи и проблемы этого направления внутренней политики мы предлагаем обсудить. Дискуссия рассчитана на полтора часа, включает обсуждение трех блоков вопросов.

Ход дискуссии будет записываться для последующей аналитической обработки. Эти записи останутся в ведении исследовательской группы и будут использоваться в обобщенно-аналитическом виде (без упоминания региона и персональных данных участников).

Перед началом дискуссии я предлагаю Вам познакомиться друг с другом. Для этого каждый участник в течение 2-3 минут может назвать свое имя, род занятий, и указать, насколько часто в своей деятельности он занимается вопросами национальной политики. (*Каждому участнику предоставляется время для высказываний*).

Вопросы для дискуссии:

Модератор: Какое содержание, на Ваш взгляд, мы вкладываем в понятие *правовая культура*? Отличается ли правовая культура в обществе в разные исторические периоды его развития? (приведите примеры сходства или различия). С чем это связано?

М.: Мы причисляем современную Россию к группе современных развитых европейских стран. Об этом свидетельствует тот факт, что Россия в 90-е годы вошла во все международные европейские организации (в первую очередь, в Совет Европы). Правовая культура в в этой группе стран и в России однотипна или имеет различия? Можете ли привести примеры сходства и различий? Насколько велики эти различия (если они есть).

Цель Модератора вывести к пониманию:

- 1) правовая культура включает в себя триединство правовых ценностей, правовых знаний и следования правовым нормам поведения. Весь этот комплекс развивается на протяжении истории общества. Вектор этого развития – переход от права как внешнего регулятора поведения к праву – как внутреннему регулятору поведения. Эта динамика возможна лишь в том случае, когда право выступает ценностью в коллективных представлениях;
- 2) несмотря на цивилизационное единство Европы и России, правовая культура в европейских странах и в России различна. Отличия – ценности права имеют меньшее значение, чем нравственность (справедливость)

М.: Вашему вниманию предлагается посмотреть один из сюжетов телесериала широко известного и популярного российского телесериала «Глухарь». Выскажите: насколько рассматриваемая ситуация реалистична на Ваш взгляд? Опишите ситуацию: что мы видим в правовом поле?

Участникам предлагается посмотреть сюжет «Сутки» («Глухарь»), в котором показано, как правоохранители квалифицируют правовую ситуацию, нарушают служебную инструкцию, переопределяя ее с нравственной позиции в пользу потерпевшего.

М.: Как Вы считаете, типично ли такое поведение правоохранителей в такого рода ситуациях? Какими мотивами руководствуются правоохранители рассматривая ситуацию не в правовом поле, а в нравственном?

Цель Модератора вывести к пониманию: правоохранители часто сами рассматривают себя и свое понимание справедливости в качестве основания для определения ситуации как справедливой или нет, и, исходя из этого, интерпретируют применение правовой нормы. Т.е. доминанта здесь не ценность права, а ценность справедливости.

М.: Совпадает ли такое поведение правоохранителя (действие не только по закону, но и по справедливости) ожиданиям населения? Почему окружающие ждут от правоохранителей, действий в соответствии со справедливостью? Чем при таком подходе мотивируются эти ожидания?

М.: Чем объясняется расхождение в представлениях населения норм нравственности и правовых норм в России?

Предполагаемая реакция на вопросы: и правоохранители, и обычные люди понимают, что пока сложилась правовая система, в которой *не реализуется* принцип равенства всех перед законом

М.: Какое содержание входит сегодня в ценность «Права»? В современной России Право стало базовой ценностью для российского общества? При каких условиях это возможно?

Выдержки из стенограммы групповой дискуссии студентов Ростовского филиала Российской государственной академии правосудия

Присутствовало 30 человек.

Модератор (М): Здравствуйте! Меня зовут Владимир Вячеславович. К сожалению, мы не знакомы, поэтому попрошу вас, когда будете дискутировать друг с другом, называйте друг друга по имени. Мы будем говорить сегодня о правовой культуре; о том, как в нашем обществе относятся к праву, является ли для нас право ценностью и на каких основаниях базируется наше понимание права. Я попрошу вас вначале высказаться, как вы понимаете, что такое правовая культура в целом. Вы уже студенты второго курса, завершили обучение в юридическом колледже. На мой взгляд, у вас уже сформировалось определенное представление о том, что мы вкладываем в правовую культуру общества. Как Вы это понимаете?

Данил: Меня зовут Данил. В моем понимании, это отношения гражданина и государства к правовым институтам. Либо человек соблюдает право и действует в рамках закона, либо наоборот, относится к нему безразлично, либо же его нарушает. В последнем случае – это нигилизм именно по отношению к праву. Правовая культура – это сложившееся отношение в государстве к правовым нормам.

М. Еще есть какие-то суждения? Прошу.

Девушка 1: - В принципе, можно сказать, что это общий уровень знаний о праве и отношение как отдельных индивидов, так и общества в целом к праву как социальному регулятору. Я вот так понимаю.

М.: Вы можете привести примеры того, как ведет себя человек, если он обладает правовой культурой?

Девушка 1: Например, не переходит на красный свет.

М.: А мы наблюдаем такое поведение повсеместно или есть нарушения?

Юноша 1: - Есть, конечно, нарушения.

М.: А с чем тогда это связано?

Девушка 1: - С низким уровнем правовой культуры.

М.: Хорошо, а почему тогда? То есть люди все знают, что дорогу на красный свет переходить нельзя, но при этом нарушают правило, почему?

Юноша 1: - Менталитет у нас такой. Просто сложилось так.

Юноша 2: - У некоторых воспитание такое.

Юноша 3: Нет, не от воспитания зависит, потому что есть государства, в которых любые правонарушения пресекаются. В нашем же государстве – местные власти, вообще в принципе на любом уровне, мне кажется, относятся к таким мелким нарушениям безразлично. И поэтому это порождает правовой нигилизм.

Девушка 2: Правовая культура базируется не только на исторических постулатах определенного народа, но и также сопряжена с уровнем преступности. Здесь стоит акцентировать внимание на доверии к праву. Доверие к праву сопряжено с доверием к государству, что неразрывно ведет к уровню правовой культуры данного общества.

М.: То есть, если мы доверяем государству, то мы доверяем и праву.

Девушка 2: - Именно так.

М.: А если не доверяем государству, то тогда можем не соблюдать право. Правильно я Вас поняла?

Девушка 2: Да, это – своеобразный протест.

М.: Спасибо. Еще есть какие-то мнения? Прошу, Вас.

Наиль: Меня зовут Наиль. Я считаю, одной из причин, почему уровень правовой культуры в нашем обществе низкий, – в относительно недавних социальных потрясениях в 90-е годы. В этот период право плохо работало, даже возникло определение – «правовой беспредел». НО прошло не так много времени с тех пор. И за этот период времени у поколения отложилось в голове негативное отношение к праву.

М.: А что Вы имеете в виду под тем, что произошло в 90-е?

Наиль: То что относительно беспредел происходил в обществе, не соблюдение законов, бандитизм.

М.: И Вы считаете, что мы еще не восстановились с 90-х годов и продолжаем так же поступать?

Наиль: Нет, тенденция к улучшению, конечно же есть, если сравнивать, то есть такой беспредел хорошо помнит поколение 90-х.

М.: Ну так это поколение – поколение 90-х, - т.е. выросшие в 90-е годы, сегодня не соблюдают законы?

Юноша 3: - Нет.

Юноша 4: Можно? Меня зовут Александр. Просто Наиль прав, те, кто тогда в 90-е были молоды, они сейчас также воспитывают своих детей. У них же все равно в голове отложилось то, что было тогда. И у них тоже есть свои дети, и они также будут жить.

М.: Хорошо. Часть нашей аудитории согласна с тем, что у нас многие люди не соблюдают закон, потому что: во-первых, не доверяют государству, или плохо к нему относятся, видят, что государственные деятели, чиновники тоже не соблюдают закон; во-вторых, так у нас повелось с 90-х годов, когда право совсем перестало эффективным и значимым, когда менялась законодательная структура, когда уходили в прошлое предыдущие правовые нормы, и еще там не появились новые правовые нормы, - мы не следовали закону и привыкли так себя вести. Причем часть людей, выросших в 90-е, так же воспитывают своих детей. Правильно я формулирую то, что вы сказали?

Девушка 3: Смею предположить, что можно еще также отнести правовую безграмотность общества и можно сказать то, что взрослые особо не рассказывают, как действует право. И очень стало популярно обходить так сказать закон, находить лазейки в нем. То есть поступать неправомерно:

вроде бы, и не нарушая закон, но действовать в обход него. Также в школах очень мало рассказывают детям о праве. Хотя есть, я знаю, и уроки права в рамках курса по обществознанию, но там все внимание уделяется лишь Конституции. И зазубривание этих статей наизусть, а по факту дети не понимают ни смысл этого права, не уясняют, не толкуют как следует.

М.: Хорошо, спасибо. Прошу, Вас.

Мария: Меня зовут Мария. То же хотелось бы высказаться по поводу того, что не хватает грамотности именно в правовой сфере, потому что у нас нет так называемого культа права в обществе. Если бы каждый человек был уверен в том, что его знания помогут защитить и отстоять свои права, то он бы попытался вникнуть тексты законов. При этом, право в принципе не обладает общедоступностью в том плане, что если человек не юрист, достаточно сложно будет вникнуть во все законопроекты, тексты, указы и пр. Поэтому ему легче пойти уже к юристу, заплатить за его услуги, что бы ему это разъяснили. Если бы право было более понятно или там проводились бы какие-нибудь мероприятия по правовому просвещению, то люди, может быть, и вникали бы в это. Мне кажется, если сейчас провести опрос, выйти на улицу и спросить: «Вы ознакомлены с текстом Конституции?» - далеко не каждый скажет, что он вообще когда-либо ее открывал.

М.: Хорошо. Вы, последний выступающий, затрагиваете как раз проблему изучения права в школе, отсутствие знаний в области права. Но, вспомните, пожалуйста, своё обучение, вы все-таки школу не так давно закончили. Неужели у вас мало было занятий, которые вас как-то бы вводили в правовую систему?

Голоса: Мало совсем.

Девушка 3: факультативы были.

М.: Но было же граждановедение, обществознание?

Девушка 3: - Обществознание, но в нем был один блок всего лишь – право. А так – экономика.

Девушка 4: - Мне кажется, все изучали какие-то абстрактные понятия – «человек», «индивид», «личность».

М.: Хорошо. Вы из школы в колледж ушли по завершению девятого класса. Предположим, что, включая девятый класс, в школе вам практически ничего не рассказали о праве. Но вы уже отучились четыре года в юридическом колледже. Вы сейчас получаете на голову выше выпускников обычных средних школ. Сейчас как-то изменился ваш уровень правовой культуры? Как-то повлияли на правовую культуру приобретенные Вами правовые знания?

Юноша 3: - Мне кажется, да. В любом случае, все мы в этой «каше варимся». Постоянно, каждый день здесь общаемся на эти темы, обсуждаем, как и сейчас. В то время как те же школьники обсуждают другие вопросы. Поэтому, если отвечать на Ваш вопрос, то я бы сказал, что изменилось мышление. Если бы такие темы обсуждались бы в школе, тогда уровень правовой грамотности был бы другим.

М.: Нет, учитывая, что вы уже обладаете профессиональными знаниями, ваш уровень правовой культуры изменился или нет? Прошу вас, приведите тогда, пожалуйста, примеры.

Юноша 1: Я свою точку зрения выскажу относительно себя. Заканчивая школу, будучи абитуриентом, мне казалось, что уважение к праву в обществе больше, чем я считаю сейчас. Объясню почему. Сейчас, когда я специально изучаю право, я понимаю, что у нас в законодательстве есть проблемы, есть казусы; наше законодательство несовершенно, есть что улучшать. А когда я был в школе, достаточных сведений об этом у меня не было, поэтому мне казалось, что все у нас так прекрасно, замечательно. Когда поступил, наоборот понял то, что есть проблемы.

М.: В юридическом вузе Вы узнали, что у нас законодательство несовершенно и, соответственно, больше видите возможностей для нарушений? Правильно я понял?

Юноша 1: Нет, не для нарушений, а для совершенствования законодательства. У нас не все так идеально, как казалось мне раньше.

М.: Хорошо. Но, а все-таки ваше поведение с приобретением правовых знаний меняется или нет? .

Девушка 5: - Конечно, как только мы пришли в колледж нам казалась, что система работает идеально, что законы соблюдаются. И существуют только редкие случаи или злостные правонарушители, но потом, конечно, как только было сказано, немного уже меняется мнение, но все-таки, можно сказать, что да правовое образование влияет на нас. К примеру, мы уже, как говорилось, обсуждаем какие-то задачи из различных областей права. И когда мы их разрешаем, при столкновении с ними в жизни, уже знаем, как себя повести. У нас немного другое отношение к праву, мы знаем, что нам нужно его соблюдать, что нельзя его обходить. И в принципе, право меняет нашу манеру общения, в том плане, что когда я разговариваю со студентами других вузов, замечаю, что по-другому формулируем свои мысли и вообще другую терминологию использую. То есть вообще правовое образование влияет в целом на нашу жизнь.

М.: Хорошо, спасибо.

Девушка 5: - Я еще считаю, что правовая культура формирует в людях и гражданскую позицию, что сейчас очень важно. Человек должен понимать вообще, в каком мире он живет, какие есть негативные и положительные стороны. Как раз-таки если формировать правовую культуру именно у молодого поколения, которому нужны четкие понятия о том, что происходит в обществе, в том числе, и в государстве, то и будущее будет достойным. Если молодежь понимает право, законы и видит эти пробелы, мы и будем настроены на то, как преодолеть правовой нигилизм, чтобы государство развивалось и дальше.

М.: Вы стали больше соблюдать законы, получив правовые знания? Или нет, или все-таки Вы больше видите лазеек?

Юноша 3: Стали больше понимать людей.

Юноша 1: Мы школу не так давно закончили, несовершеннолетними детьми, в принципе, у нас жизни только двадцать лет, что еще мы повидали, когда еще мы могли что-либо совершить.

М.: То есть у вас еще возможностей не было для серьезных нарушений

Юноша 1: Уровень правовой культуры с того момента, как я окончил школу и пришел сюда и до настоящего времени, остался неизменным. Почему? Потому что когда мы пришли сюда, начинали только изучать теорию, тогда казалось мне, что да, право – это замечательно, нужно действовать только в рамках права. Но уже ближе вот к четвертому курсу колледжа, и к университету, когда уже начали проходить практику, кто в каких правовых органах, то опять уровень вначале как бы повысился, а потом вернулся, мне кажется, на прежнюю ступень. Это потому, что видишь в каком обществе ты живешь, кругом, в основном безнаказанность. На практике постоянно с безнаказанностью сталкиваешься. Очень маленький процент людей, которые, действительно, за какие-либо серьезные правонарушения, преступления несут справедливую ответственность. И в этой связи правовая культура – это такое шаткое понятие.

М.: Вы очень интересное упомянули словосочетание – справедливая ответственность. Вообще, понятие справедливости имеет отношение к культуре России. Вы встречали понятие справедливости в зарубежных системах законодательства? Вы же изучаете правовые системы зарубежных стран. Есть ли там понятие справедливости?

Юноша 2: - В римском праве есть.

М.: В римском праве, которое является базой для гражданского права, для цивилистики, но в нынешнем?

Юноша 4: В Великобритании.

Девушка 2: Думаю, оно по факту и несёт в себе справедливость.

Девушка 1: Да сейчас еще и в Великобритании действует принцип – суд, право, справедливость.

М.: Почему вы не сравниваете, Россию с Великобританией, а не с Мексикой, Аргентиной или Никарагуа, например?

Девушка 1: - Потому что нам надо развиваться вперед.

М.: Хорошо, тогда почему у нас не так как во Франции, в Великобритании, в Германии, почему у нас по-другому люди относятся к закону?

Девушка 1: - Потому что у нас изначально менталитет другой. И в понимании жизненных принципов наши представления разнятся с западными странами. Мы существуем на стыке восточной и западной культуры; западная культура и наша правовая культура, в том числе, различаются. Если там, к примеру, граждане могут пожаловаться на своего товарища или просто незнакомого человека и у них это рассматриваться как норма, то у нас это ненормально. Мне кажется, с этим связано.

М.: А откуда это пошло?

Девушка 3: - Из истории.

М.: Насколько глубоко в историю нам нужно копнуть, чтобы понять откуда это?

Девушка 3: Я думаю, еще с царской России.

Наиль: Я думаю, все уже слышали новость о том, что две недели назад случилось в Краснодарском крае, где банда подростков, убили женщину. И правильно говорят журналисты, что это просто от безнаказанности. Органы местного самоуправления закрывают глаза на различного рода правонарушения. И в таких мелких муниципальных образованиях процветает «самодержавие». Действительно, органы местного самоуправления являются чем-то наподобие королей или наместников. У них творится безнаказанность, как они хотят, так и будет. А простые люди, которые никакого отношения к власти не имеют, ничего с этим сделать не могут. У нас все знают, то что везде - клановость, везде свои люди и они прямо так открыто и заявляют – нашим детям за это ничего не будет. И поэтому у нас процветает безнаказанность и люди, даже смотря на это по телевизору, думают, а зачем нам как-то соблюдать нормы права, если чиновники и их дети позволяют себе совершать тяжкие, особо тяжкие преступления и все – безнаказанно! Эти дела просто заминают. Но еще есть прецеденты – такие дела предаются массовой огласке, и правильно делают. Но люди и поэтому тоже будут относиться к закону нигилистически.

М.: То есть мы возвращаемся к тому мнению, которое уже звучало: пока у элита, представители власти не будут соблюдать законы, пока у нас будет безнаказанность по отношению к каким-то категориям граждан, значительная часть представителей общества тоже не будет соблюдать закон?

Наиль: Да.

Девушка 2: Мы затронули ряд проблем, как Лена сказала, о ментальности. Почему мы тогда Францию взяли за основу? Все-таки мы говорим о французских просветителях, о том, что всегда для них право было высшей ценностью. Люди стремились к тому, чтобы обладать равными правами, сколько было революций, Французская революция! То есть по факту люди боролись за то, чтобы установить равенство всех перед законом. В России такой необходимости не было. Если даже сравнить временные рамки, Французская революция произошла в 1889 году, если я не ошибаюсь. У нас, наверное, только в конце XIX в. и то не все, а только верхушка, элита стала осознавать, что действительно, право – это ценность. Остальным же людям – представителям крестьянства, духовенства, право было даровано. Но они не понимали, зачем им это право по факту. Даже когда отменили крепостное право, люди не знали что с ним делать. Вот им дали эту свободу, за которую в свое время вся Европа боролась. А наши люди не понимали, что теперь делать с этой свободой, что делать со своими правами. То есть мы до сих пор не знаем, как наше право обратить во благо, что с ним делать.

М.: То есть Вы в этом усматриваете причину нашего правового нигилизма? Что у нас пока маленький исторический опыт жизни с правом – первое. И, второе, что мы не боролись за свою свободу так, как французы, хотя революций у нас было больше, чем во Франции. Во Франции мы две крупные революции только знаем. Ну и опять же, если рассматривать ту же Францию, то после этой Великой Французской революции они опять вернули и абсолютизм. В чем ещё кто усматривает разницу между нами и другими европейскими государствами с позиции правовой культуры общества? .

Девушка 4: Я тоже считаю, что корни различий – в истории. Если сравнивать нас с Великобританией, ведь там получается право формировалось на протяжении веков. То есть это сколько судебной практики, сколько всего они прошли! А у нас в связи с насыщенными событиями в истории если посмотреть, то и государственный строй, и формы управления все менялось, причем в сжатые исторические отрезки. И получается, что право просто не успевало стать основой регулирования жизни. Правовые нормы менялись постоянно. Мы только сейчас идем к правовому государству.

М.: Вы считаете, мы на этом пути? Мне кажется, в 1993 году в Конституцию РФ были зафиксированы базовые принципы правового государства.

Девушка 4: Одно дело записать. Тем не менее, многие утверждают, что по факту мы только на пути к нему. Поэтому я считаю, что сейчас у нас то самое время, когда и закладывается эта основа. Первый шаг на этом пути был сделан в 1993 году, начиная с Конституции.

М.: До XX в. в России не было Конституции, не было понятия о правах человека. Более того, мы присоединились к международным документам в области прав человека только в 80-е годы XX века. Но, при этом, у нас было право и закон. Вы историю российской правовой системы начинаете изучать с какого времени?

Даниил: С «Русской правды».

М.: То есть, право-тов России было, а на чем оно основывалось? Международное европейское право основывалось на понятии прав человека, начиная с Великой Французской революции. А наше право на чем основывалось?

Юноша 2: На обычаях.

М.: Любое право строиться на обычаях. Но это что были какие-то иные нормы?

Юноша 2: На самом деле, да. К примеру, опять если взять римское право, то там за ряд правонарушений (тогда преступлений не было, всё именовалось правонарушениями) была и смертная казнь, ну там в различных формах. Тогда как у нас именно во времена «Псковской судной грамоты», «Новгородской судной грамоты» не было никаких таких наказаний. У нас всё было либо на усмотрение царя, санкции на усмотрение царя, либо штраф, либо что-то с этим связанное. Но именно смертной казни, насколько я

помню, по многим составам преступлений, причем по тяжким, смертной казни не вводилось.

Девушка 3: А как же опричнина при Иване Грозном?

Юноша 2: Нет, оно местами, на самом деле было. У нас эти институты карательные сформировались сравнительно недавно. И, по-моему, только при Петре I.

М.: Вы считаете, что из-за того, что у нас не было строгих наказаний за преступления, сформировалось нигилистическое отношение к закону? А в Европе сразу строго наказывали, и это побуждало закон соблюдать?

Юноша 2: В Европе – да. И еще это касается СССР, когда при Сталине начались репрессии, резко повысилась законопослушность. Я не одобряю этот режим, но если посмотреть, как люди воспитывались именно в то время и по сравнению с нынешним поколением, тогда у людей, мне кажется, был намного выше правовой менталитет.

М.: То есть Вы считаете, что право основывается на страхе перед санкциями?

Юноша 2: Да. Мне кажется, так оно и должно быть именно для нашего поколения.

М.: А скажите, пожалуйста, многие согласны с тем, что мы должны соблюдать закон только из страха?

Голоса: Нет.

М.: А кто не согласен, пожалуйста, выскажитесь? Прошу вас.

Девушка 4: Я считаю, что человек изначально, основываясь на моральных нормах, не должен позволять себе, как минимум, самые грубые правонарушения или преступления. Потому что когда человек не делает этого, только потому что он боится... ну... Если бы он не боялся, если бы ему это было дозволено, получается он бы это сделал? Это же неправильно! Как минимум, в семье должна закладываться ценность права!

Девушка 3: Я считаю, здесь должен работать другой тезис: «я соблюдаю закон, потому что я его уважаю». Я уважаю нормы, которые санкционирует наше государство, я доверяю нашему государству. Моя семья привила мне принцип соблюдение сначала социальных норм, потом правовых норм в целом. То есть всё идет не только от страха. Конечно, некоторые соблюдают закон из страха, это хорошая превентивная мера. Но, все-таки, нужно понимать, что закон нужен в первую очередь нам самим для самозащиты, а потом уже как мера наказания.

Николай: Меня зовут Николай. Я согласен, но очень важно то, что сейчас большинство граждан нашей страны просто не доверяют государству. И это очень важно, потому что, во-первых, они нарушают закон из-за того что хотят где-то воспользоваться выгодной возможностью. Понимают, что, например, завтра ее может не быть, а сегодня можно что-нибудь сделать. Дальше, мы боимся, например, различную милицию- полицию, потому что мы не знаем как она может применить силу по отношению именно к нам. Вы знаете сейчас, сколько случаев бывает. Знакомый работает, говорит, что

можно просто идти по улице и тебе могут что-нибудь подбросить. И всё - иди в тюрьму!

М.: При этом вы сами выбираете профессию, чтобы работать в правоохранительных органах. Вы будете соблюдать закон, Вы будете другими?

Николай: Да, мы - новая формация, новое поколение. Просто даже сейчас есть люди, которые не совершают то или иное правонарушение, потому что они боятся тюрьмы. Но всегда будут люди, которые готовы жить даже в тюрьме. Я неоднократно слышал от людей – что мне делать на воле? Я лучше это сделаю специально, чтобы пойти сесть. Это мозги у человека работают неправильно или он не способен к самостоятельной жизни в обществе. Пугает то, что в этом случае санкции утрачивают силу и смысл.

М.: Вы считаете, не нужно слишком запугивать и применять строгие меры, а нужна **другая позиция**.

Николай: Тут от человека, мне кажется, зависит. Я согласен с тезисом, что в Европе право строилось веками. Тогда образуется какая-то правовая основа. И всё там понятно и все согласны подчиняться праву. А у нас сейчас даже придет в нашу элитку кто-нибудь один, который будет уважать право, – ему нормально там не дадут работать. Мне так кажется.

М.: Вы в обсуждении затронули проблему нашего отношения к правоохранительным органам и поведения правоохранителей по отношению к закону с одной стороны, по отношению к населению - с другой стороны. Мы сейчас посмотрим фрагменты из фильма, который поднимает эту же проблему. Насколько поведение самих правоохранителей как-то влияет на наше поведение и на наше отношение к закону, на то, как мы поступаем.

ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ ФИЛЬМ «Сутки» (Из телесериала «Глухарь»)

М.: Кто может прокомментировать: что мы увидели? что это была за ситуация? Кто что увидел?

Юноша 3: - Можно я немножко не по теме скажу, но в плане этого сериала, кажется, он по НТВ шёл, правильно? Что интересно, канал федеральный, то есть общество по большому счету понимает это и одобряет. Потому что по федеральному каналу не будут такое показывать, такой беспредел и получается, что действуют в рамках общего понимания.

М.: Вы считаете, это беспредел?

Юноша 3: - Ну, да.

М.: Кто еще что увидел ?

Юноша 1: Я увидел противоречие права и морали. В принципе, если так посмотреть со стороны морали, то прав Глухарев. А если посмотреть со стороны права, то прав и студент-стажер. Со стороны морали: та девушка [потерпевшая] не могла их опознать из-за того что они её по башке хорошенько долбанули. Глухарев как бы отомстил за нее. Он же сам сказал, если бы их не опознали, их бы, скорее всего, пришлось бы отпустить. Но, с другой стороны, тут также было нарушено право. То есть превышение

должностных полномочий. В итоге, задержанных взяли и избили. Я увидел противоречие права и морали.

Даниил: - Я так считаю, что если бы это какой-нибудь обычный гражданин совершил преступление, то, конечно, следовало действовать строго в процессуальных рамках. А поскольку это вообще недолюди, так нам обрисовывает серил, неуравновешенные (я не знаю как их охарактеризовать), то с точки зрения справедливости, действия правоохранительных органов вполне оправданы, я считаю. И вполне они все сделали правильно.

М.: Ещё, пожалуйста, ваши суждения.

Девушка 3: Уже сказали о том, что если это федеральный канал и люди это смотрят (я знаю, что было множество сезонов, он пользовался большой популярностью), как раз таки всё было ориентировано на то, чтобы это оценил человек. Здесь все действия не в рамках права, не в рамках правового поля, а как раз таки – **самосуд**, по принципу «око за око». То есть, здесь как-раз таки выставляют правоохранителей как высокоморальных людей в том плане, что они защищают не в рамках своих полномочий, а как люди, как члены общества, то есть по факту нашего общества.

М.: Прошу Вас.

Девушка 1: Единственный преподаватель, я точно не скажу кто, на занятиях нам говорила, что специалисты-практики этот сериал оценили как такой, где достоверно показывает правоохранительные органы. Он как раз-таки приближен к реальности. То есть, в сериале показаны достаточно типовые случаи, которые происходят у нас в полиции.

М.: А Ваше отношение к тому, что Вы увидели?

Девушка 1: Я считаю, что если с точки зрения морали, как уже сказали, то понятно, почему так поступают правоохранители. Но, с точки зрения права, это совершенно неправильно и это прямые, очень серьезные нарушения. Мне кажется, к примеру, в западных странах, все-таки такого не происходит. Может быть, конечно, я ошибаюсь. Но нашему менталитету характерен такой поворот с права на нравственность.

Девушка 3: Я считаю, несправедливо было бы отпустить преступников на свободу, зная, что за ними уже не одно совершено преступление и просто исходя из того, что в конкретном случае им что-то помешало довести это преступление до конца и то, что у жертвы такая травма и она не смогла опознать. Но я думаю, что здесь как все-таки было нарушение правосудия.

М.: То есть я сейчас в аудитории слышу, что вроде бы это нехорошо они поступили, я имею в виду правоохранительные органы, но, в принципе, мы понимаем почему они так поступили, и мы где-то внутри это оправдываем. Это так?

Наиль: Я считаю, то что некоторая часть аудитории поддерживает мнение о том, что это с точки зрения морали правильно. Но я с этим не согласен. Во-первых, они превышают свои должностные полномочия. Есть суд, который наказывает, осуществляет правосудие. То, что они себе такое

позволяют, недопустимо ни с какой позиции. Они избивают человека. Это не допустимо ни с моральной, ни с правовой точки зрения. Решение этой проблемы должны состоять в том, чтобы, например, улучшать техническое оборудование, оснащение, там камеры на улицах расставлять. С этой точки зрения надо подходить, чтобы не допускать такого, чтобы правонарушители избегли ответственности.

М.: Но не становится самим правонарушителями ?

Наиль: Да.

Девушка 4: Я хочу добавить, что мораль уже заключена в законе. А здесь, как мы видим, была нарушена презумпция невиновности. Мы видим демонстрацию самосуда, самоуправства, что с юридической точки зрения неприемлемо. Поэтому мы, как юристы, должны относиться к этой ситуации с точки зрения права и не более того.

Наиль: Ну а с другой стороны, если бы они этого не сделали, то это бы дело даже до суда не дошло и как потом решить?

М.: Предлагает вариант – совершенствовать саму систему правоохранительных органов. Методы дознания.

Юноша 2: Совершенствовать - это в будущем времени. Но ситуация уже произошла, ее нужно как-то решать и наказать реального виновника. Да, я согласен с тем, что они, может быть, переборщили что ли, но, с человеческой точки зрения – это полностью оправдано.

Девушка 4: А что будет, если каждый правоохранитель возомнит себя – я есть закон, я есть правосудие и сам будет решать человеческие судьбы? Как бы по факту, когда мы посмотрели, сложилось негативное впечатление. Да мы обосновали, почему они так делали, объяснили, что здесь моральная составляющая, но мы даже не можем рассматривать это как что-то хорошее. Мы не можем одобрять, потому что, действительно, правильно Наиль сказал, есть множество других методов, как обеспечить свершение правосудия. А рассматриваемая ситуация - это, конечно же, нарушение закона.

М.: А где грань, когда можно нарушить закон, а когда – нельзя. Вы ещё подняли вопрос о понимании справедливости. А как связаны должны быть закон и справедливость?

Девушка 1: - Закон должен быть справедливым.

М.: Закон должен быть справедлив. А каковы основания этой справедливости, где их брать?

Наиль: Я хочу вернуться к вопросу о нашем менталитете. В советский период были войны и связанные с ними трудности. Тогда была одна война, через двадцать лет - вторая война, разруха и соответственно беспредел в стране. Все время восстанавливали страну, не было особо средств, не было никакого контроля, чтобы следить за порядком. С этого уже начинался кое-какой беспредел, это, собственно, уже и вошло в менталитет людей. И можно даже не обязательно затрагивать 90-е. Весь этот рэкет, весь этот по сути беспредел, о который говорим в 90-х, он еще начался со времен Советского Союза. Он начал активно развиваться с Казани. Я считаю, все же что больше

дело в менталитете и время было такое, то что одна война, вторая война, разруха, голод, все-таки люди выживали в то время.

М.: Необязательно даже идти глубоко в историю. Именно XX век сформировал такое отношение. А что тогда с этим делать? Фиксируем достигнутую точку нашего обсуждения: Вы понимаете, что мы нарушаем закон и это неправильно. Но, при этом Вы понимаете, что мы будем очень долго ждать, пока представители власти будут четко следовать закону. Правильно? Поэтому мы оправдываем ситуации отклонения от правового поведения? Что тогда делать вот с этой коллизией? Как можно изменить ситуацию?

Девушка: Это вопрос, конечно, риторический, потому что где заканчивается справедливость одного, начинается несправедливость другого. Это извечный пример, когда никогда не будет соразмерным наказание для жертвы и преступника. Мы должны совершенствовать закон и находить точку оптимума, чтобы закон был справедливым. Но, опять же, здесь нужно исходить из правовой культуры. А как если общество у нас настолько дифференцировано, например, по группам социальным. Здесь нужно начинать от общей культуры, то есть от общего к частному идти. То есть сначала нужно прививать культуру, потом уже правовую культуру, культуру знаний, необходимые навыки и потом уже, исходя из этого, принимать закон, которому люди будут доверять и который будут соблюдать.

М.: Ещё, пожалуйста, мнения. Прошу вас.

Девушка 2: Мы все говорим о том, что элита, и государственные чиновники должны подавать нам пример, но, мы же являемся демократическим государством. Почему тогда не идет инициатива именно от общества? Мне кажется, что если мы будем показывать своим примером, что мы не пытаемся обойти закон, мы сами проводим какие-то мероприятия, лекции, ещё что-то, – то и государство заметит это. Уровень преступности снизится, еще что-то, – то есть общество начинает меняться, развиваться. Получается прогресс в обществе и уже государство не сможет нами манипулировать. Потому что, как известно, стадом же всегда легче управлять. Может быть, государство и не очень заинтересовано именно в развитии людей и общества? Мне кажется, что в обществе должно сформироваться четкое понимание необходимости права и его безусловности для всех – чиновников, олигархов, рядовых граждан

М.: Нужно начинать с себя?

Голоса с мест: Да.

М.: Вам близка идея сильного гражданского общества? Спасибо. Ещё суждения?.

Юноша 4 (Даниил): А я с этим не согласен. У нас институты правового государства закреплены в Конституции 1993 году. Но, в реальности, у нас нет никакого правового государства. И то же самое со всеми демократическими институтами. По сути дела, если характеризовать нынешнюю систему, то у нас не демократическое общество, а что то ближе к

авторитарному режиму. У нас разве есть свобода слова? У нас разве кто-то может выйти на митинг, на шествие? И как-то достучаться до власти? Я так не считаю.

Девушка 6: - Вообще-то это в Конституции прописано.

Даниил : В Конституции многое прописано.

Девушка 6: - Ну а кто-то разве пробует, кто-то пытается? Проблема в том, что народ не доволен, но народ ничего не может сделать и хочет ничего делать.

Даниил : И в этом опять-же менталитет нашего народа. Опять- же, что было с Навальным? Когда люди, действительно, просто свою гражданскую позицию проявили? Я не говорю, что я - за Навального или против Навального. Просто, смотрю на это со стороны. Люди проявили гражданскую инициативу. Что с этими людьми стало? Эти люди, половина отравились в КПЗ, половина – отравились в «расстрельные списки».

Девушка 6: Какие «расстрельные списки»?

Даниил: Участников отчислили из университета за то, что они просто высказали свое мнение на счет действующей власти. И это - институт гражданского общества, демократического государства?! Всё у нас - показуха.

Девушка 6: У нас его нет. Нужно его формировать.

Даниил: А мы как его сформируем? Или путем революции, или, как я говорю, нужно согласиться и просто модернизировать действующее общество.

М.: То есть ваша позиция – ждать?

Юноша 7: По поводу того, как нам в принципе бороться с этой преступностью. Нам нужны репрессивные меры, нам не нужна эта гуманная, я не знаю, политика государства. Если у нас так и будет продолжаться, в стране будет процветать безнаказанность. Нам нужна именно жесткая, репрессивная политика. Но не так как было в Советском Союзе, немного помягче.

Девушка 5: Если государство даст волю, то пойдет волна беспорядков, и люди не смогут остановиться, эффект толпы. То есть население начнет бездумно выходить на митинги.

Девушка 6: - Я соглашусь с Даниилом. Но я вижу корень зла в бюрократизме. Чем больше в государстве издается нормативно-правовых актов, тем меньше народ будет их соблюдать. Это первое. Во-вторых, чем длиннее корень бюрократизма, тем короче язык, ум и карманы народа. Поэтому, я полностью поддерживаю Данила. Необходимо, в первую очередь, как было сказано, совершенствовать не только законодательство, но и свою культуру, свою правовую культуру, свою нравственность.

М.: Данил как раз предлагал подождать пока власти усовершенствуются, и только потом, насколько я понял, нам меняться.

Девушка 6: Это должно происходить одновременно.

Юноша 7: Внутри аудитории мы изменимся, но мы не изменим общество.

Девушка 6: Это идет от чего-то, должен быть какой-то толчок. А что тоталитарный режим? Даже если взять пример: взаимодействия ребенка и родителей. Всегда легче взять и наказать ребенка и не объяснять ему правила. Ты говоришь: нужно время. Или: нужно применять репрессивные меры и ждать пока государство будет совершенствоваться. Тогда государство перейдет просто в режим тоталитарной машины. Потому что у чиновников не будет желания совершенствоваться, когда можно постоянно репрессировать.

Даниил: Нет. Просто вы спросили, а как нам избавиться. Я же и говорю, вот просто задали вопрос – как уйти от этого режима, который сложился сейчас. Я говорю только двумя способами. Первый способ – либо ждать пока государство модернизируется, второй способ – путем революции. Всё. Никак иначе.

М.: Но есть еще и путь совершенствования правоохранительной системы, о чем мы уже сегодня говорили. Есть еще точка зрения: человек, когда меняется сам, меняет свое окружение. Это другая точка зрения.

Юноша 7: Я с вами абсолютно согласен, но, знаете в чем проблема нашего государства? Это то, что мы привыкли жить в большом хорошем городе, мы живем в кругу хороших ребят, хороших друзей. А есть же Россия, это не только город Ростов-на-Дону, который достаточно положительный. Есть другие города, в которых люди занимаются только тем, что пьют и ходят на работу. В лучшем случае, – для того, чтобы потом опять выпить. И таких городов большинство в нашей стране. И это совсем не смешно, это, действительно, так. И этим людям даже некогда думать о чем-то высоком, о политике. И пока не будет изменений вверху власти - новые лица нам нужны. Эта система уже давно сгнила, она никак не развивается. На местах сидят чиновники, которые тысячу лет занимают эти должности, которые отлично наладили руководство бизнесом и т.д. Это – очевидные вещи, от которых нужно избавляться. И, конечно, тогда и правоохранители будут на новый уровень выходить и так далее.

Девушка 5: - Нужна политика в результате которой будут даны простейшие блага а потом думать о политике, о демократии.

Юноша 7: Люди, наше общество они на семьдесят процентов безграмотны полностью. Им вообще безразлично, что вообще происходит в стране. Они говорят – мы не пойдем на выборы. Какая разница – Путин, Крым наш и всё хорошо. А что ещё?– Очень банально так мыслят.

Девушка 5: - Невежественным народом легче управлять.

М.: Это – отдельная тема. Мы могли бы об этом поговорить, просто время дискуссии ограничено. Пора подводить итоги. Мы сегодня в целом говорили с вами о правовой культуре. Поднимали очень разные вопросы. Но согласились на то, что правовую культуру общества требуется целенаправленно формировать. Главный вектор – равенство всех перед

законом, презумция невиновности, четкое соблюдение закона всеми – и гражданами, и чиновниками (властью), и правоохранителями. Хочу заметить, что приобретенные правовые знания Вы уже ввели в свой повседневный оборот: вы привлекаете эти знания для аргументирования своей позиции. Еще хочу заметить: хотя вы считаете, что наше общество – не демократическое, и государство – не правовое государство, но уже то, что вы сегодня высказываете столь разные суждения свидетельствует о противоположном. У Вас разные мировоззренческие позиции, которые высказываются открыто, – и это важный признак и демократизации общества, и правовой защиты свободы слова. Хочу поблагодарить за дискуссию всех, в том числе и тех, кто не высказывался, но слушал. Думаю, что вы продолжите размышлять над этими вопросами. Если есть еще желание у кого-то высказаться, прошу вас.

Наиль: Хотим Вам сказать спасибо.

**Фрагменты стенограммы групповой дискуссии студентов
в Институте социологии и регионоведения ЮФУ**

Присутствовали 30 студентов разных курсов и магистрантов двух отделений «Социология» и «Регионоведение».

Модератор (М): Добрый день! Меня зовут ... Тема нашей сегодняшней дискуссии – Правовая культура современного российского общества. Подчеркну: мы не на зачетном занятии, и потому совершенно не важно, насколько точно академическим языком вы будете излагать свои мысли, и не то, на сколько вы правильно с точки зрения материалов учебников будете отвечать на эти вопросы. Нас больше интересует Ваши реальные представления по обсуждаемым вопросам. Итак: что мы понимаем под правовой культурой?

Дарья: я понимаю под правовой культурой знания, осведомленность для граждан о своих правах и обязанностях которые закреплены законодательно

Анастасия: под правовой культурой я понимаю политическую активность граждан их установки о своих правах и обязанностях и исследованием или не и исследованием

Девушка 1: понимаю под понятием «правовая культура» понимается осознанность граждан своих прав, знание закона, знание всех тех прав и обязанностей которые они должны знать и использование этих знаний на практике в обычной жизни.

М.: Это не только знания а еще и поведение да? можете привести пример человека который обладает правовой культурой?

Юноша 1: База – это соблюдение каких-либо правил, человек никак не повинен перед законом, то есть нету административных право нарушений. Такой простой пример: не употребляет не цензурную лексику в общественных местах, то есть понимает что это закреплено, что это нельзя делать и он это принимает и этому следует.

М.: Еще примеры

Девушка 3: Соблюдение правил дорожного движения. Все знают, как у нас в Ростове водят и большинство случаев - безнаказанных. Например, не пропускает пешехода и большинство не пропускает либо уже поздно реагирует на это. А есть люди, которые заранее увидят остановятся пропустят. Я считаю что это в какой то степени правовая культура. У нас в городе ты в принципе можешь не пропускать, тебе ничто за это не будет, но люди (водители) останавливаются потому что это правильно, они осведомлены что по правилам нужно пропускать пешехода

М.: Все согласны?

Анастасия: Мне кажется, здесь наслаиваются поведенческие нормы на нормы морали которые не писаны. Они входят в культуру в целом, это этические нормы.

Девушка 1: А вообще по правилах дорожного движения водитель должен пропускать пешехода, если это происходит на зебре или это нравственная норма?

Юноша 2: Обязан

Девушка 3: Это записано, но это не срабатывает. То, о чем вы говорите это право и еще нравственность. Это жесткая норма, которая вообще облагается санкциями, если ты ее не выполняешь. На тебя наложат штраф.

Девушка 2: А почему не штрафуют у нас в Ростове ?

Юноша 1: это вопрос к правоохранительным органам . Всем все равно – это во первых. Во- вторых, у нас в большинстве случаев (я как водитель рассказываю) люди у нас не переходят дорогу, просто выбежал и невозможно остановить машину(физически),то есть человек выбежал на дорогу.

Девушка 1: вы имеете ввиду на зебру?

Юноша 1: Да. Пешеход не подавал виду, что собирается перейти дорогу и внезапно выбежал!

Девушка 2: Так водитель должен остановиться перед зеброй

Юноша 1: Где написано правилами что он должен подойти и встать перед «зеброй»?

Девушка 2: То есть - вариант что он выскочил на зебру?

Юноша 1: Я вам говорю с точки зрения не морали, а с точки зрения практики: в правилах много что написано, но не воплощается в жизнь. К сожалению, часто невозможно.

М.: Здесь очень интересный сюжет прозвучал: в Ростове за это не штрафуют, но тем не менее какая-то часть людей соблюдает правило, а какая-то не соблюдает. Скажите, какая часть людей соблюдает?

Дарья: Тот, кто осведомлен об этом, о правилах этих.

Алена: А мне кажется, все определяется общей культурой человека. Если ты считаешь себя выше другие, ты спешишь больше, чем все остальные люди, то, наверное, ты не соблюдаешь правила. Тебя не задерживают и ты чувствуешь свою безнаказанность. Такие люди соблюдать правил не будут.

М.: Кто еще как думает?

Анастасия: Тот, кто выехал на дорогу третий или пятый раз обычно соблюдают правила, а водители, которые имеют большой опыт вождения, у них статус располагающий , - многим из них глубоко все равно, они игнорируют правила. Но плюс ко всему, это зависит от самого человека, то есть от его уровня морали, от его уровня сознания. Как говорят, если мозги есть у человека, лучше затормозить перед «зеброй», потому что здесь ходят пешеходы. Он затормозит, если человек думает своей головой

Юноша 3: Машина - опасное оружие в руках, она может убить, даже если ты этого не хочешь . Поэтому водитель обязан ориентироваться на пешехода и норма исходит из позитивной ценности. Эта ценность – жизнь.

М.: Значит, в основе поведенческих норм лежат ценности? Если что-то для нас ценно – возникает норма, регулирующая поведение в пользу этой

ценности. Россия в 90-е годы подписала все базовые документы Совета Европы, ввела в свою Конституцию (1993 г.) раздел о защите гражданских прав и признала, что соблюдение этих прав регулируется международным правом. Как вы считаете, правовое пространство в странах Европы и в России одинаково?

Голоса с мест: Нет.

М.: А в чем отличия?

Ася: отличие к вопросам морали, в Европе они открыты, у нас – нет. Например, те же однополые браки.

Юноша 2: Однополые браки не являются нормами международного права, это в рамках национального права.

Вика: я думаю наше право не сильно отличается от европейского, я жила и знаю о чем говорю, дело в культуре. Европейцы чтут закон, а у нас пренебрегают им.

М.: Можете привести пример?

Вика: те же правила дорожного движения. Там все очень соблюдается, т.к. везде стоят камеры

М.: Какая страна?

Вика: Франция, и люди ответственно подходят к этому. На счет не традиционных сообществ не встречала .

Девушка 2: У нас, например, Вася, Петя и Сережа проехали и их не штрафнули за какое- то правонарушение. Поэтому Коля так же проедет и ничего не будет.

Вика: по поводу Франции: у них можно выпить два бокала вина и сесть за руль. Это не наказуемо и люди знают, что этого достаточно, не позволят себе выпить больше. Они ответственны за жизнь которая находится вне.

М.: Если подвести итог на этом примере: в чем наша правовая культура отличается от французов?

Настя: В понимании того что необходимо соблюдать закон.

Девушка 3: А я считаю, что если вспомнить события 90-х годов, был легальный отъем чужого имущества. И этот опыт остался в сознание народа. Во Франции этого, наверное, не было .

Алена: А взять вопрос, как люди ходят на выборы. Здесь заложено на ментальном уровне понимание того, что люди ничего не решают. Не чувствуют свободы выбора. Поэтому и правовые нормы, которые устанавливает государство, часто игнорируются.

М.:Еще какие мысли? Что там думают оба Сергея ?

Сергей:Ничего не думают.

Артем:Раз начали говорить про историческую ретроспективу можно вспомнить монголо- татарское иго, когда наш народ был под вражеской властью и не имел никаких возможностей сформироваться.

Юноша 1: наш принцип: мы хотим подчинения но не хотим подчиняться!

Рита: В Советском Союзе такого не было. Сейчас мы живем в правовом государстве, мы все знаем, все открыто, в советском союзе все жили за советским занавесом. Но тогда люди были более законопослушны, чем сейчас. У них были другие ценности. Брать чужое было невозможно, все знали четко - это плохо.

М.: Не следует также идеализировать правовую сторону жизни в период СССР. Напомню, что еще до Отечественной войны юридической ответственностью человек был наделен с 12 лет. Ребенка могли привлечь к ответственности, если он, например, украл булочку в магазине. К юридической ответственности привлекали, например, за опоздание на заводскую смену на 10 минут. Для анализа распространенного отношения к праву в нашем обществе, давайте посмотрим фрагменты одного из фильмов телесериала «Глухарь».

ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ ФИЛЬМ.

М.: Что вы видели в фильме и как ведут себя главные действующие лица?

Анастасия: Разговор полиции: один соблюдает, второй не соблюдает законодательство.

Рита: Жестокое обращение с женщинами, насилие, убийство

М.: кто еще что видел?

Ася: свое отношение к праву одним из полицейских. А нем говорило чувство справедливости

Юноша 1: Противоборство закона и личностных качеств

М.: Объясните, что Вы видели? Какие действия?

Вика: Мы видели с самого начала, что в конкретном участке существует проблема: около метро двое грабят постоянно женщин. О них известно, что их двое и они не русские. Они могут быть кем угодно (не русские), то есть все может быть. Следователь говорит: про них больше ничего не известно и герои говорят пока случайно не поймут на чем-то (зацепок нет) – нельзя их найти. Поймали, привезли. А откуда мы знаем что это те преступники. А полиция откуда знает?

Юноша 2: Это их личные домыслы. Были факторы и они решили, что задержали преступников. Главное отличие суда от самосуда - это беспристрастие. Следователь по факту хотел сделать хорошее дело. Ради этого все пошло на казалось бы, правомерные действия. Но далеко не факт, что задержали именно тех, кто совершил преступление. Но нашли кого-то и появился идеальный вариант повесить на них все.

Девушка 3: задержанные просто молчали и их били полицейские

Юноша 3: Когда человек не виновен, он пытается доказать свою не виновность.

Девушка 2: Можно было сказать сначала, что я не виновен, а потом разбираться.

Дарья: Потерпевшая не уверена, она делают то, что ей скажут. По сути – все это самосуд полицейских.

Рита: Что мы видим? Мы видели, что полицейские договорились с понятыми.

М.: Почему пострадавшие занимают сторону полицейских, если они действуют не по праву?

Вика: Но понятые тоже выполняют роль, которую им скажут полицейские.

М.: в этом сюжете много людей, которые занимают правовую позицию?

Артем: Нет, только один.

М.: А мы одобряем или не одобряем действия следователя?

Анастасия: У меня двойное чувство. Ну разве там только действия Глухаря?

М.: Ситуация правовая, но можно ли ее расследовать по праву?

Сергей: Можно. Их же задержали.

Вика: Смотрите что делает полицейский: он сам выбирает, что это за действие хулиганка или разбой. По сути, следователь выступает в роли судьи. А разве так может быть?

Артем: - Это сговор, когда люди понимают друг друга с полуслова и договариваются о своем не правовом поведении.

М.: Очень хорошо, что прозвучало это определение. Интересно, что полицейские, свидетели, пострадавшие одинокого определили ситуацию и согласились действовать в рамках, которые предложил следователь.

Артем: Конечно, был сговор.

Рита: они понимали что поступают не по праву, и они понимали что сговор был, при это они берут на себя полномочия суда, а где у них вообще основания что бы занимать такую позицию?

М.: скажите для них право ценно?

Голоса с мест: Нет.

М.: А что ценно?

Голоса: Справедливость.

Вика: В Европе нет такого термина, который описывал бы состояние справедливости.

Дарья: на мой взгляд, право и правосудие строится на рациональной объективной оценке, а остальное основано на личных побуждениях и ориентировано на мораль.

Юноша 3: В европейский шаблон права не включает ментальные образы конкретной страны, например, России..

Маргарита: Хочу сказать, что, действительно, право не учитывает менталитет.

Юноша 3: В целом - да, мы используем модель европейских стран, но нам она не подходит.

Сергей: С другой стороны, Россия - синтез европейской и азиатской цивилизации. Но в чем особенная специфика России? Мы очень специфичные.

Оля: я бы выделила территориальные размеры и национальный состав населения.

М.: Стоп. Подведем итоги. Мы с вами говорим о том, какая специфика России влияет на нашу правовую систему. Определились с тем, что для России право не является внутренней ценностью, а является внешним принуждением. Второй момент: мы очень сильно уверены в оправданности произвола своего поведения. Вот вам ситуация сговора. Человек знает правовую норму, но на свое усмотрение ее нарушает. Ведет себя не по логике ценности права. И третье - в основе права есть экономические интересы. У нас мелкий и средний бизнес должен функционировать по праву но у него не совсем все получается. Поэтому у нас не четкая экономическая система, которая пока жестко не требует именно правовых знаний. В этом тоже одна из важных причин шаткости нашей правовой культуры.

Заключительный вопрос: Как вы считаете, в школе уделяется внимание праву, формируется ли правовое сознание и правовые ценности? Дело не в том, сколько часов отводится на изучения права, а в том формируется ли право как ценность.

Голоса с мест: Нет.

Артем: опираясь на свой опыт, могу сказать, что многое зависит от человека который хочет это ценность донести. И кроме того, если люди понимают с раннего возраста необходимость поведения по правилам, по праву, то все будет в порядке.

Анастасия: Не нужно преувеличивать роль школьных уроков. Если сейчас введут ЕГЭ по праву в школе – лучше будут его знать. Но это будет формальное знание – для сдачи ЕГЭ. В головы сегодняшних школьников вкладывается другая ценность: если не сдашь ЕГЭ - будешь бомжом. В головы вкладываются не ценности, а ориентация на несколько ближайших лет.

Рита: На самом деле все не так просто. Например, ценность патриотизма воспитывается с детства. И мы к Родине относимся как к ценности. А к праву мы относимся как к чему-то второстепенному.

М.: Итак, к завершению дискуссии мы пришли с неутешительными выводами: в настоящее время остро актуальной является организации жизни по праву; но право пока не выступает в России значимой ценностью, и эта ценность не формируется учреждениями системы образования. Я считаю, что обнаружение и обсуждение этой проблемы уже является успехом для нашей дискуссии. Спасибо Вам за участие.

Выдержки из стенограмм групповых дискуссий слушателей факультета первоначальной подготовки Краснодарского университета МВД

ДИСКУССИЯ 1. Всего участвовали 15 слушателей.

Модератор (М): Добрый день, уважаемые коллеги!! Меня зовут Владимир Вячеславович. Мы пригласили Вас на встречу, чтобы обсудить актуальные вопросы состояния правовой культуры современного российского общества. Широко известно, что важным направлением внутренней политики государства в постсоветский период является укрепление его правовой основы и формирование правовой культуры. Составными частями этого направления выступают антикоррупционная деятельность, правовое образование и просвещение, контроль за деятельностью правоохранительных органов. Успехи и проблемы этого направления внутренней политики мы предлагаем обсудить. Дискуссия рассчитана на полтора часа, включает обсуждение трех блоков вопросов. Ход дискуссии будет записываться для последующей аналитической обработки. Эти записи останутся в ведении исследовательской группы и будут использоваться в обобщенно-аналитическом виде (без упоминания региона и персональных данных участников).

М.: Какое содержание, на Ваш взгляд, мы вкладываем в понятие *правовая культура*? Отличается ли в России отношение к праву, в сравнении, например, с другими государствами?

Слушатель 1: У нас по-другому относятся к праву. Например, другое отношение к сотрудникам правоохранительных органов. Граждане знают больше о своих правах, чем об обязанностях. Они хотят больше свое «Я» выставить.

Слушатель 2: В других странах, например, в США, полиция имеет больше прав, чем в России. У нас права полиции ущемлены.

Слушатель 3: У нас полицию население не очень уважает. Но когда у кого-то что-то происходит, например, что-то украли, куда обращается человек? – В полицию.

М.: А есть ли реальное основание для неуважительного отношения к полиции, как Вы думаете?

Слушатель 1: Определенные причины, есть, конечно. Я, например, думаю, что полиция не очень эффективно работает.

М.: Не эффективно, это как?

Слушатель 1: Ну, мне кажется, что у нас примерно 20% раскрываемости, например, мелких хищений. А обращений по этому поводу достаточно много.

Слушатель 3: Да дело не только в этом! Посмотрите, как полиция работала у нас в начале 90-х годов, у нее совсем другие права были. Тогда полицию боялись. Но не нужно выставлять полицию на посмешище. Нужно какое-то содействие оказывать полиции со стороны населения. А в

реальности получается, что население не только не уважает полицию, но даже не задумывается о том, чтобы самостоятельно защитить свое имущество. Мы постоянно проводим профилактическую работу с населением. Пытаемся донести: нужно заботиться о своем имуществе, например, закрывать свои автомобили, ставить их на сигнализацию; не оставлять свои вещи без присмотра. То есть какую-то профилактическую работу мы ведем. Но не все это понимают. Уже поэтому совершается много краж. А люди думают, что стоит обратиться за помощью в полицию и мы все сразу же найдем! Сами люди провоцируют правонарушения.

М.: - У нас люди уважают закон? Или они предпочитают какие-то другие формы регуляции? Как люди относятся к штрафам, например?

Слушатель 4: Да многие – игнорируют.

Слушатель 2: Игнорируют потому, что у населения маленькие зарплаты, не из чего платить штрафы!

Слушатель 4: Да, бросьте! Когда нарушают какие-то административные правила (например ПДД), никто не думает о своей заработной плате, просто нарушают. А платить штрафы бывает нечем, но ведь это не останавливает нарушение! Нужно принять закон о том, чтобы штраф оплачивался в четкие сроки, нужен жесткий закон!

Слушатель 1: Нет, вряд ли это поможет! Вон, ужесточили санкции за наркотики, а это не привело к снижению преступлений по этой статье.

М.: Но ведь и полицейские (милиционеры) не всегда следуют нормам закона, например, в профессиональной службе. Вспомните культовый фильм «Место встречи изменить нельзя»? Помните ситуацию с Жигловым и Шараповым? Помните, как Жиглов подложил кошелек вору Кирпичу? Между Жигловым и Шараповым произошел спор, который проходит через всю деятельность милиции и до сих пор. Мы сейчас посмотрим современный фильм с аналогичным сюжетом и его обсудим.

ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ ОСНОВНОЙ СЮЖЕТ ИЗ ФИЛЬМ «СУТКИ»
(Т/С «ГЛУХАРЬ»)

М.: Скажите, что мы здесь видели?

Слушатель 5: Постановку. Постановка преступлений. Подозреваемому подкинули якобы украденные им вещи.

М.: Насколько такие ситуации типичны? Или они – плод художественного воображения создателей фильма?

Слушатель 2: Я не могу сказать. Мы с такими ситуациями не сталкивались в своей практике. Мне кажется, таких ситуаций сейчас в полиции не происходит. Сейчас совсем другие условия. Не такие, как были в 90-е и в начале 2000-х годов!

Слушатель 6: У граждан сложился стереотип о том, как работает милиция. Этот стереотип и представлен в сериале. Но сейчас полиция работает иначе. Точно также, как есть стереотип о родителях. Если отец работает дальноточником или у ребенка нет матери – то этот ребенок – потенциальный нарушитель. Им не занимаются родители и он склонен к

преступлениям. Но это стереотип! Все люди разные, и преступность не зависит от семейного положения и благополучия семьи.

М.: В чем проявляется постановка?

Слушатель 5: Подводят двух подозреваемых под статью.

М.: А все, кто присутствуют при этой постановке в фильме, все с этим согласны?

Слушатель 7: Нет, не все. Парень-стажер из юридического факультета с этим не согласен! Но это потому, что он образованный, знает, как все должно происходить по правилам. А все остальные – уже много работали, имеют опыт, знают как в действительности развиваются события. Да, бывают, что бьют подозреваемых. Но почему постановка? – Не хватает каких-то доказательств. Но в фильме били подозреваемых не потому. Били, потому что была обида. Особенно, личная обида.

Слушатель 2: - Подозреваемый, которого посадили за решетку, сам был агрессивен, сам нарывался на удар.

Слушатель 1: У метро совершались преступления. И в один из вечеров там задерживают двух человек. Почему? – А сотрудники ППС в фильме говорят – они, увидев полицейских, бросились убежать. Они просто еще подошли под описание преступников, подошли под подозреваемых

Слушатель 2: А дальше их задерживают, доставляют в участок... И навязывают им преступление.

Слушатель 3: Но их же за дело задержали. Они не только убежали, но еще и избili женщину.

Слушатель 7: Да, но за избиеие совсем другое наказание, меньше, чем за ограбление. И дело в том, что этих людей – не исправить! Поэтому герой фильма, как и Жиглов, считает, что их нужно «закрыть». Формулировка другая, чем у Жиглова, но суть – та же. Такие преступники не должны быть на улицах, их не нужно выпускать!

М.: Почему следователь переквалифицировал статью за правонарушение, по факту, переопределил ситуацию? Он имел на это право?

Слушатель 4: Чтобы закрыть преступников уже «на районе». Нужна ведь и статистика раскрываемости! Для своей статистики, для своей работы!

Слушатель 5: Да, здесь два варианта: во-первых, статистика; во-вторых, когда уже избili подозреваемых, то следователь решил идти дальше, до конца, чтобы это дело не пошло дальше.

М.: Но ведь описаний на правонарушителей, практически не было: только то, что их – двое, они – не русские и грабят женщин...?

Слушатель 2: Любая ориентировка, которая приходит в участок, связана с тем, что нарушители с Кавказа.

М.: Какие нарушения со стороны полиции в этой ситуации Вы увидели?

Слушатель 8: Понятые были привлечены с нарушением правил: с ними изначально договорились о том, что они расскажут. Сама процедура была проведена с нарушениями. Потерпевшая была в таком состоянии, что ее

не имели права привлекать к опознанию. Да там была ошибка на ошибке! А еще им [задержанным] там в неприкрытой форме подкинули якобы украденные вещи!

М.: почему все правоохранители, которые на тот момент были в участке, согласились с такими грубыми нарушениями ?

Слушатель 5: Потому, что им выгодно было. Все дела сразу можно закрыть.

Слушатель 2: К тому же была острая личная неприязнь!

Слушатель 1: Но еще помогли и своим близким (полицейскому, чья сестра тоже пострадала в предшествующий раз) разобраться с ситуацией, найти виновного.

Слушатель 2: Скорее, у следователя была личная неприязнь ко всем этим гастарбайтрам.

М: Но чем руководствовались правоохранители, когда «закрывали» этих задержанных, без улик в том, что им впоследствии вменили (неоднократные ограбления)? Им нужно было просто закрыть дело, или они были убеждены, что именно эти двое совершили все прошлые преступления?

Слушатель 7: Дело не в национальности, а в самой преступности. К тому же, один из задержанных, сам набросился и ударил следователя.

М: Вам не кажется, что главный герой (следователь) не просто закрывал дело для отчетности, а был убежден, что задержали именно преступников, которые ограбили четырех женщин (а одна из них – умерла)?

Слушатель 1: Без доказательств нельзя быть убежденным на 100%! Они могли сделать постановку, но не таким грубым способом!

Слушатель 8: Конечно, нужно было сделать все другими методами – в соответствии с профессиональными нормами задержания – установить личность, бывшие судимости, обыск на квартире и т.д.

Слушатель 9: Нужно было соблюсти процедуру! А они «сэкономили» время! Зачем выезжать куда-то, искать доказательства! Они все раскрыли на месте! Они и так добились своего.

Слушатель 4: А мне кажется, что там были еще и различные обстоятельства: давление начальства (помните, начальница сказала: «уже было 5 эпизодов, а вы не можете раскрыть преступления, не справляетесь!»), второе – это давление со стороны общественности, представления о том, что полиция ничего не делает, женщин избивают, и никто этим не занимается! Учитывая это, полицейские решили одним действием все решить! А два убегающих, случайно оказались, их задержали на месте преступления, пусть и по другой статье, но они как раз подошли!

Слушатель 7: Получается, что преступление не раскрыто! Явки с повинной не было. Доказательств нет.

Слушатель 9: Да все дело у них рассыплется!

Слушатель 10: Один из основополагающих принципов в судебных делах является принцип презумпции невиновности. А здесь свидетелей – нет. Понятые не дают показания.

Слушатель 5: Но по формальным признакам можно составить в документах ту картину, которую нам показали в фильме: понятые и потерпевшие все подтвердят!

Слушатель2: Но Глухарев (следователь) может почувствовать, что справедливость восторжествовала, он убежден в своей позиции. А потерпевшие, наверное, нет.

Слушатель5: Тот, кто вошел за ограждение к задержанному и стал его избивать за свою потерпевшую жену, - он тоже убежден, что наказывает преступника. Он удовлетворен справедливостью!

М.: В рассматриваемой ситуации право и нравственность (справедливость) совпадают? Получается, что все процедурные правовые нормы нарушены правоохранителями, но чувство справедливости и основного большинства действующих героев – восторжествовало! Право должно соответствовать нравственности?

Слушатель 1: Право может не совпадать с нравственностью и справедливостью. Каждому человеку не угодишь!

Слушатель5: Есть еще понятие кровной мести!

Слушатель6: Право должно быть правом, а человеческие чувства – человеческими чувствами!

Слушатель10: Но чувства – это не справедливость! Справедливость – это уравнивание преступления и наказания!

М.: Вспомним ситуацию. Взрослый мужчина, осетин, который потерял свою семью в авиакатастрофе, случившейся по вине диспетчера над Австрией, приехала в эту страну. Он нашел диспетчера, виновного в крушении по неосторожности, и убил его. Как был воспринят его поступок на родине, в Северной Осетии?

Слушатель 1: Он нарушил закон, но его действия в Осетии поняли. Его восприняли как героя – он отомстил за свою семью.

Слушатель 3: Все совершают ошибки, также и диспетчер. Его преступление же не умышленное!

Слушатель 5: Но в республике, тем не менее, с пониманием отнеслись к поступку своего земляка. Менталитет такой. Это – кровная месть.

Слушатель 4: Но в других регионах России, например, у нас на Юге, тоже поняли его поступок, потому что виновного (диспетчера) в должной мере по суду не наказали. Диспетчера наказали, но очень на небольшой срок, чуть ли не условно. То есть была нарушена справедливость, вот осетин и поехал ее устанавливать!

Слушатель 6: Но даже если б осетина осудили пожизненно, - он все равно получил моральное удовлетворение.

Слушатель 9: Но тем, что он убил диспетчера, он не вернет свою семью!

Слушатель 10: Но ведь преступление может быть умышленное, а может быть – по неосторожности. Вот, например, водитель заснул за рулем, совершил ДТП, погибло 10 человек. Но ведь ему не назначать наказание

больше того, что положено за убийство по неосторожности. И даже если он был в состоянии алкогольного опьянения – это отягчающее обстоятельство. Но все равно от этого преступление не становится умышленным! Хотя эту диспозицию нужно пересматривать, т.к. человек, садясь пьяным за руль умышленно подвергает угрозе жизнь окружающих! Но пока это квалифицируется как неосторожность. В случае с диспетчером – та же ситуация. Это преступление по неосторожности, не умышленное. Поэтому кровная месть не вернет погибших родственников. Но он своим поступком еще у кого-то забрал близких. Можно как-то понять его поступок, но в цивилизованном обществе такое оправдание не предусмотрено. Да, и по представлениям традиционного общества эта ситуация не может быть подведена под кровную месть. Это неосторожность!

М.: Но предположим, что задержанные в фильме – реальные преступники. Оправдана ли и в этом случае фабрикация доказательств?

Слушатель 7: Нет, ведь все равно преступление оказывается не доказанным. Ну, задержали, бежали... Мало ли от из за чего можно убежать! У них ведь все-таки нашли пакетик с наркотиками. Может быть из-за него и побежали!

Слушатель 6: Нет, они не просто убежали! Полицейские видели, что они избивали женщину! Поэтому убежали.

Слушатель 1: Но связать их с предшествующими преступлениями – не получится никак!

М.: Здесь важно отметить, что хотя их задержали за правонарушение, но милиционеры им заменили статью на более суровую! И еще, этот телесериал идет в самое популярное вечернее время и его смотрят миллионы зрителей. И основное большинство зрителей симпатизирует этому следователю!

Слушатель 4: Действительно, зрителей не интересует то, насколько выдержана юридическая процедура! Их интересует торжество справедливости!

М.: Нам на самом деле важнее торжество справедливости, чем торжество права?

Слушатель 7: Нет и для милиции, и для населения важно торжество права, закона.

М: тем не менее, большая часть людей уклоняется от уплаты штрафов, коммунальных платежей. Просто исходя из того, что маленькая зарплата. Такое поведение – это поведение правовое или исходя из произвольной позиции, восполняющий справедливость: платите больше зарплату – буду платить налоги?

Слушатель 3: Но оплатить штрафы заставят. Сейчас – везде камеры стоят.

Слушатель 8: У нас общество разделено: кто-то ориентируется на соблюдение законов, кто-то руководствуется принципом справедливости!

Слушатель 10: Но я думаю, что если бы милиция в фильме следовала четко юридической процедуре, это был бы более длинный путь. Но тогда бы справедливость восторжествовала и не был бы нарушен закон! Не было бы этого противоречия!

М.: Тогда почему у нас право и справедливость расходятся? Почему у нас люди не ценят право, не стремятся укреплять правовую систему?

Слушатель 1: Каждый действует по-своему разумению. Смотрите, у нас к богатым право применяется по-другому, чем к бедным. Сколько угодно примеров, когда богатая семья выгораживает своего ребенка за совершенное им преступление. А бедные – не могут этого сделать! Справедливости в повседневной жизни нет, потому и поступают по своему разумению, исходя из ситуации!

М.: Перспективы изменения отношения к праву у нас есть?

Слушатель 3: Наверное, рост доверия к праву у нас будет пропорционально расти в соответствии с совершенствуем правовой системы.

Слушатель 7: Я думаю, что тогда у нас изменится ситуация, когда будет четко соблюдаться принцип равенства граждан перед законом. Не взирая на чины и статусы. Кроме того, сегодня люди больше всего суду. И те, кто обращался в суд – меньше ему доверяют, проволочки, бюрократическая волокита!

М.: Как Вы считаете, телевизионные фильмы формируют достоверный образ современной полиции у населения?

Слушатель 6: Да мы не смотрим телевизор!

Слушатель 8: Сегодня полиция не такая, как показано в этом фильме!

М.: А что сегодня изменилось, из-за чего полиция стала другой?

Слушатель 9: Сегодня жестче отбор в полицию, жестко соблюдаются правила профессиональной деятельности. Сегодня в полицию (и у нас в Адыгее, в частности) принимают только лиц с юридическим образованием. Все кандидаты проходят диагностику на психологическую устойчивость к такой службе. Опять же – камеры по всему городу Майкопу. В Москве, Питере и других крупных городах – камеры почти повсеместно. Поэтому легче людей находить, легче устанавливать произошедшие события. Ужесточен контроль за профессиональной деятельностью сотрудников полиции – наказывают строго за превышение служебных полномочий. Сегодня за такой произвол следователя обязательно бы привлекли к суду! Да и его начальнику досталось бы!

ДИСКУССИЯ 2. Всего участвовали 16 слушателей.

ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ ФИЛЬМ «СУТКИ».

М.: Что мы видели?

Слушатель 1: Справедливость. Видно было в фильме, что задержанным подкинули вещи (доказательства), чтобы увеличить сроки наказания. Скорее, это было по совести. Если по закону – срок от 3 до 5, учитывая количество пострадавших от их рук. Видимо, решили, что

задержанные заслуживают более сурового наказания. Может милиционеры хотели большей справедливости добиться?

Слушатель 2: Я согласен. Хотя по фильму не ясно, что именно задержанные совершили все эти преступления. Пепеэсники их задержали. Но пострадавшая девушка не видела, кто на нее напал и об этом сама сказала. Я раньше смотрел этот фильм полностью, и знаю, что нарушители сами себя выдали. В ролик не вошел фрагмент, когда один из задержанных в пылу сказал, что он и задержанную избил и начальнице полиции достанется! И хотя он не сказал об ограблениях, но он очень грубо угрожал начальнику полиции. Конечно, это нельзя привязать к преступлениям, но по совести, милиция была права. Эти действия не правомерны, но по совести. Т.е. факт грабежа есть, но доказать его нет оснований, но милиционеры убеждены, что они найдут эти основания. Но одна жертва из прошлых преступлений их все-таки опознала! Какая бы не была система – но ведь нигде не бывает идеала! Такие моменты раньше были и все о них знают.

М.: А на каком основании следователь переопределил ситуацию, переквалифицировал преступление. Каков его мотив? И все с ним согласились? Что такое – по справедливости? Почему не справедливо?

Слушатель 3: Я считаю, что это справедливо, т.к. они совершили уже несколько преступлений. Я думаю, что это они, т.к. преступления похожи, их задержали по горячим следам. Расписания всех событий очень похожи на то, с которым их задержали – только ограбления они в этот раз не успели совершить. По составу они подходят как подозреваемые.

Слушатель 4: И я считаю, что милиционеры поступили правильно. Можно сделать было несколько по-другому. Не сразу обвинять их во всех делах. Тем более, что оснований для этого было недостаточно.

М.: Но как они определили, что это не русские?

Слушатель 5: Там было двое и оба молдованина. Конечно, - не кавказской национальности, сразу не бросаются в глаза. Меня убеждает эта ситуация – Глухарев был прав, но отчасти.

Слушатель 6: А я считаю, что его действия были неправомерны. Этот сериал далек от реальности, от того, что происходит. Следователь – не судья, чтобы на месте так наказать человека. Он почему-то сразу определил, что их нужно наказать, чтобы срок был побольше. Это не правомерно.

Слушатель 7: Я тоже думаю, что нужно было придерживаться законодательства. Но они решили сократить время для раскрытия преступления, решили сделать по-своему. По закону, они все равно получили бы полную меру наказания за все свои преступления. Если бы в суде все жертвы их опознали, они бы получили, минимум по 20 лет. Глухарев – не Закон, чтобы решать все самостоятельно!

Слушатель 8: И я считаю, что он был не прав.

М.: Есть два подозреваемых, и в пользу этого предположения примерно 30 %. Начальник полиции должен был сделать ряд стандартных действий: установить личность, сделать ряд обысковых мероприятий,

позиционирование телефонных звонков и т.д. Но этого сделано не было. Перед нами коллизия: право или справедливость – так получилось в дискуссии. Помните – дискуссию Жиглова и Шарапова? И она прозвучала уже после войны. Но актуальна была и для периода показа фильма «Место встречи изменить нельзя». Теперь прошло почти сорок лет после показа этого фильма. И вот – новый телесериал и опять та же ситуация. Что мы наблюдали и здесь?

Слушатель 7: Нет ситуация немного другая. Они похожи, но с точки зрения действий полицейских отличаются по смыслу. Там Жиглов и Шарапов задержали вора Кирпича прямо на месте преступления и только это преступление ему вменили. А здесь задерживают на месте преступления, но оно не такое (не успели украсть) и им еще вменяют пять эпизодов, в которых они могли и не участвовать. Глухарев доподлинно не знал, кто преступник, но он руководствовался своим опытом и поступил по своему выбору.

Слушатель 9: А я хочу напомнить другой фильм – «Ворошиловский стрелок», в котором объясняется почему так действовал участковый-милиционер. Там было совершенно особо тяжкое преступление – групповое изнасилование. Мы знаем, кто преступники и тем не менее, их не призвали к ответу. У одного был папа – руководитель МВД, полковник. Он мой с легкостью вытащить своего сына из любого изолятора. Поэтому эти негативные молодые люди особенно не боялись правосудия. Отсюда и действия участкового, который собрал все улики против старика-стрелка, но сам решил не давать делу ход!

М.: То есть в ситуации, когда мы точно знаем, что право не работает, мы хотим чтобы работал участковый – Робин Гуд, так ?

Слушатель 9: По фильму – так. И дед поступил по совести, потому что его загнали в такие рамки из которых он выйти уже не мог. У него просто не было выбора, как он еще мог наказать виновного ? Конечно, это не правомерно: никто не является ни судьей, ни обвинителем. Но справедливо: преступник должен быть наказан!

Слушатель 7: Я считаю, что все-таки Глухарев поступил не правильно, нельзя так быстро все решить.

М.: Но почему с ним все согласились? Ведь никто же не возразил, исключая студента-стажера, который юридически там не работал в этом отделении полиции.

Слушатель 5: Конечно у них не было достоверных доказательств. Но там еще был такой факт – в числе пострадавших была сестра пепеэсника. У них была заинтересованность. Работали всей группой, все ему сочувствовали.

М.: Мы выделили три фильма и везде столкнулись с проблемой: правоохранители берут на себя не свойственные им по статусу функции. Они судят, но они не судьи. Глухарев переопределил состав преступления. Он взял на себя функции судьи. Но то же сделал и участковый в фильме «Ворошиловский стрелок» - он тоже взял на себя функции судьи. И то же с

Жигловым. Тогда получается, что в нашей культуре правоохранители берут на себя не свойственные им по статусу функции судьи. Это у нас такая норма. Но почему?

Слушатель 7: Эти сюжеты не имеют никакого отношения к сегодняшней нашей жизни. Фильмы – про другое время. Это когда было !...

М.: А что сегодня изменилось?

Слушатель 8: Был принят Закон о полиции. По этому закону введены более строгие правила контроля за деятельностью полиции. Закон теперь больше защищает полицейских. Теперь этим задержанным могли вменить еще и нападение на сотрудников полиции и уже за это привлечь к ответственности. Сейчас полиция более защищена, чем в 90-е и нулевые годы. Кстати, за такое нападение виновному прибавляется существенный срок.

Слушатель 10: При сегодняшнем статусе полиции у следователей уже нет необходимости в осознанной неправомерной переквалификации преступления. Нет необходимости в подтасовки документов.

М.: А в обществе изменилось отношение к праву? Следуют ли люди правовым нормам всегда? Рассматривают ли они право как ценность: только на этой основе возможно разрешение правонарушений и взаимных претензий? Граждане, не правоохранители, в своей повседневной жизни, выходят ли они за рамки права?

Слушатель 8: То же самое и с людьми. Если бы они не выходили за рамки права, для чего бы тогда была нужна полиция?

М.: Но если речь идет не об уголовных преступлениях, за которые полиция сразу привлекает к ответственности, а о нарушениях административного права – неуплата налогов, штрафов и пр. ? Почему у нас люди повседневно нарушают закон?

Слушатель 5: Потому что люди не боятся наказаний. Может быть и потому, что люди думают, что те, кто работает в полиции не достаточно грамотны и не смогут разобраться в ситуации.

Слушатель 10: Я думаю, что такие фильмы направлены не только против полиции, но и против власти. И то же касается многих других фильмов о полиции, а также роликов в Интернете.

Слушатель 11: Обычные граждане далеко не всегда и не все следуют закону в своей повседневной жизни. Все зависит от человека и от культуры его поведения.

Слушатель 5: Люди не всегда следуют закону, потому что он недостаточно строгий, лояльный. Человека нужно держать в «ежовых рукавицах». Люди должны отвечать за свои проступки.

Слушатель 11: Наверное, люди различают законы. Те, нарушения которых не влечет строгой ответственности, не нанесло какого-то большого ущерба другим, наверное, не рассматриваются как правонарушения. Часто человеку легче погасить штраф, например, за переход улицы в неположенном месте, чем потерять время на поиск правильного перехода. Он

ведь не думает в этот момент о том, что создает кому-то риски для жизни. У нас свободная страна – что хочу, то и делаю!

М.: Получается, что закон существует сам по себе, а люди – сами по себе, вот тот же Глухарев: он взял и изменил состав преступления.

Слушатель 7: Да его самого за это нужно призвать к ответственности!

Слушатель 8: Но так не поступают все. Как можно говорить, что все так поступают? Мы же не знаем реальной ситуации!

Слушатель 11: Люди по инерции следуют за другими, за теми, кто нарушает правила.

Слушатель 12: В нашей стране проживает множество национальностей – у всех разное отношение к закону. Воспитывать нужно уважение к закону.

М.: При каких условиях мы будем ценить закон?

Слушатель 2: Когда к людям по-людски будут относиться. В первую очередь – правительство. По-людски, это когда достойная зарплата, пенсии, когда бензин по доступной цене. Садики, школы и т.д.

М.: То есть, в ситуации дефицита социальной поддержки, мы не готовы жить в соответствии с законом?

Слушатель 1: Да, было бы хорошо, чтобы люди жили в материальном плане примерно одинаково. Но такого тоже не будет!

Слушатель 9: У нас очень большой разрыв в материальном обеспечении между разными социальными группами. Возьмем, например, нашу зарплату. Мы получаем по 20 тыс. в месяц. Что мы можем думать о каких-то блогерах, которые оскорбляют своими роликами в интернете полицию, и при этом они зарабатывают по 200 тыс. в месяц, еще и хвастаются этим!? Как нам жить после этого? Как работать после того, что мы видим по телевидению о полиции?

Слушатель 7: У нас разное право для разных людей. До тех пока право не будет в равной степени распространяться на всех, независимо от богатства и статуса – до тех пор у нас не будет уважения к праву. Если сами законодатели и правительство будут соблюдать право, то также будет вести себя и общество.

М.: Мы с Вами сегодня обсуждаем эти сложные и, казалось бы, абстрактные проблемы потому, что для основного большинства населения закон реализуется не через деятельность федеральных судей или Федерального собрания, а через вашу деятельность. Человек в форме полиции Вы и есть носитель закона. Закон и нравственность должны совпадать.

Слушатель 6: Да, если бы соблюдалась юридическая процедура – то справедливость все равно восторжествовала бы. Нужно понимать, что никакой преступник не собирается сознаваться в свершенном преступлении. Вывести его на это, доказать его преступление – в этом искусство и функция правоохранителя.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ.

1. Выдержки из интервью представителя регионального филиала Института повышения квалификации Следственного комитета РФ.

Вопрос: Какая правовая культура должна быть у общества с точки зрения профессионалов-правоохранителей. Чем должна характеризоваться правовая культура?

Ответ: Если с точки зрения правоохранителя, то, в первую очередь надо сказать про нормативно-правовое мышление самих правоохранителей. Оно определяется уголовно-правовым кодексом. Совершив преступление человек должен понести наказание. Честно говоря, к правовой культуре это не особо относится, согласитесь. А вот уже формат гражданско-правовых отношений – административное и избирательное право, – это уже ближе к гражданскому обществу и правовой культуре. С этой позиции, под правовой культурой можно понимать умение пользоваться этими «правовыми правами», извиняюсь за тавтологию. Должно быть осознание того, что право дает не только права что-то решать и защищать свои интересы, но и обязанность эти права соблюдать. Приведу в пример налоговое законодательство. Все мы понимаем: все должны налоги платить и при этом мы все возмущаемся, что должны эти налоги платить. У нас нет социального осознание ценности этих налогов. Получают зарплату врачи, учителя, ремонтируются больницы, строятся дороги, и т.д. Почему у нас нет этой социальной ценности? Потому что мы изначально все считаем, что эти налоги разворовываются, и больницы не ремонтируются должным образом, врачи не получают зарплату, и возникает вопрос «Зачем же мне тогда платить эти налоги?» Вот на примере налогов и показана наша правовая культура. То есть, если я буду знать, что с меня взяли 20 рублей, но эти 20 рублей потратили на так называемое государство и его социальные институты, то легче будет мне работать с этим обществом, мотивируя их к тому, что, не заплатив налоги, вы обокрали конкретного страдающего ребёнка тем или иным заболеванием. Не очень конкретно наверное...

В.: Тогда, получается, что если бы люди знали, куда и как государство тратит надгровые поступления...

От: То они лучше бы относились к сбору налогов.

В.: А разве отчёты Госдумы не указывают, куда идут все бюджетные средства?

От: В настоящее время нет государственной программы, которая делала бы это направление деятельности прозрачным и открытым. Этому не уделяется внимание. Те кто слушают заседания государственной думы, и те, кто листают эти отчеты – они знают. Но, это очень узкая категория людей. Государство устроено таким образом, что мы выбрали народных избранников в лице депутатов, они и утверждают этот бюджет. То есть депутаты выражают наше с вами мнение. Так считается, но это же не означает, что так оно и есть на самом деле.

В.: А каким тогда образом мы можем заставить всех послушать, куда деваются наши налоги?

От: Не надо слушать. Надо просто-напросто проводить работу на уровне регионов. Когда регион работает с гражданами. Когда не просто пришел депутат и перерезал красную ленточку, вот мы торжественно что-то открыли. Когда есть общественное слушание, когда эта информация рассказывается. Когда приглашают представителей бизнеса и не только их наказывают, уничтожают. Говорят на собраниях спасибо, мол наши люди такие-то налоги заплатили, другие люди другие налоги заплатили. То есть конкретные цифры. Это узкий очень пример. Но, на самом деле это конечно философские категории. Наверное, правовое общество мы построим лишь тогда, когда закон будет равно применим ко всем сферам и гражданам общества. Если я буду знать, что за нарушение правила дорожного движения накажут в равной мере и меня, и руководителя ГИБДД - тогда мы все будем более правопослушными. А вот когда право носит избирательный характер, то о какой тогда правовой культуре может быть речь? Люди сами себя оправдывают, когда не следуют нормам права. Если у вас выделена полоса и вы едете, то почему я не могу этого делать? Кто-то считает, что государственным служащим можно нарушать правила в силу их должности и занятости. Но нет правила дорожного движения, где написано, что если вы имеете государственную должность, то вы имеете право ехать «против шерсти».

ПРОСМОТР СЮЖЕТА ИЗ ФИЛЬМА «СУТКИ»

В.: Скажите, что мы здесь увидели?

От: Я не понимаю, зачем это в фильмах показывать... это бред... Сейчас 21 век, когда происходят такие преступления полицейские в данном случае действительно не хотят работать. Есть камеры видеонаблюдения, есть проезжающие мимо машины с видеорегистраторами, это всё можно поднять. Более того, все равно на месте преступления остаются какие-то биологические следы, если это следы борьбы и т.д., которые спокойно снимаются и назначается генетическая экспертиза. То есть невиновного человека привлечь сегодня к уголовной ответственности по такому виду преступления достаточно непросто, то есть требуется собрать полный пакет доказательств. Ну и камеры сегодня работают нам во благо. Мне кажется, Вы просто хотели мне показать эту амбивалентность касаясь того, как легко быть законником, когда это не касается тебя, и говорить о правах, о гражданском обществе. А когда касается тебя – то мы все хотим крови, все хотим того, чтобы наши родственники были отомщены, «зуб за зуб», «глаз за глаз». Так оно и есть, когда это касается наших близких. Просто, я не понимаю, зачем такие фильмы снимать, где в принципе подрывается авторитет полицейских и они изображаются такими же бандитами, как и те, которые совершают эти преступления.

В.: То есть в этом фрагменте главные действующие лица – они бандиты?

От: Да, потому что они так же нарушают закон. Нарушает закон – значит бандит. Вот в этом фильме они нарушают закон. Мотивация таких действий тоже понятна: им надо поймать преступника любыми доступными способами. Ума, сил и желания на умные способы – видеокамеры и т.д. - у них нет, а этот метод проще. Если мы говорим о сегодняшнем дне - у нас 70% преступлений раскрываются по горячим следам – по камерам. Этот фильм десятилетней давности. Тогда была другая ситуация. Такая модель поведения полицейских в то время была возможной. Все решают кадры.

В.: А кадры, которые мы здесь увидели, чем мотивированы?

От: Они должны раскрыть преступление. Они пытаются сказать, что пострадала сестра... Пострадало 5 женщин. Ублюдки на районе, которых надо поймать, то есть надо прекратить это безобразие в своём районе. А законно, не законно – дальше это уже проблема прокурора, это проблема судьи – что законно, что не законно. Их это уже не касается, они – опера. Опера так и работают, вот, они его нашли...

В.: Сейчас в следственном комитете есть следователи, у ФСБ есть следственные отделы, и у розыска в МВД – тоже свои следователи...

От: Вы про разделение функционала? - Да, есть следствие у комитета, есть следствие у милиции, и есть следствие у ФСБ. Значит в чем разница: Следователи ФСБ расследуют дела против государственной власти, это надо смотреть в конституцию и УПК. То есть следователи ФСБ могут расследовать коррупционные преступления, совершенные против государственной власти должностными лицами, но они этого не делают. В основном - это терроризм... ну и всё.. контрабанда... Следственный комитет расследует тяжкие и особо тяжкие преступления, убийства, преступления против личности – это убийство, изнасилование, это коррупционные преступления – экономические преступления, совершенные должностными лицами. Все преступления, совершенные несовершеннолетними, и совершенные в отношении несовершеннолетних – это тоже Следственный комитет. И налоговые преступления – это тоже следственный комитет. Вся остальная категория преступлений - так называемая, «вся земля», весь этот шквал: грабеж, разбой, кража, мошенничество, – это все расследует полиция. Такое вот разделение.

В.: Какой уровень образованности у следователей «на земле», в следственном комитете, и в ФСБ?

От: Самые высоко квалифицированные следователи это только следователи следственного комитета. Они профессиональнее следователей и ФСБ, и МВД, почему? Поток, сложная категория дел, резонансная категория дел, она требует всегда серьезных экспертных исследований, требует привлечения криминалистических данных серьезных. То есть насколько ты не раскроешь и не докажешь.. То есть раскрыть можно, но надо доказать, что именно это лицо совершило именно это преступление. То есть повесить например кражу сумки... Вот ,например, есть серия грабежей, случайно поймали какого-то жулика, навешивают на него и ваши похищенные вещи, и ваши, и ваши, повесить вещи очень легко. А вот убийство ты не повесишь, потому что требуется «биология», опознание, ну масса... инструментов, - такой большой конструктор, из которого складывается доказательственная база. Поэтому самые высококвалифицированные следователи -это следователи Следственного комитета.

В.: Рассмотрим ситуацию, представленную в этом фильме. Мы понимаем, что в данном случае в тех дворах в темноте не было камер, никто ничего не видел. Они приехали задержали и мы думаем в соответствии с

предложенной легендой. А дальше какова мотивация главного действующего лица... ?

От: Мотивация раскрыть преступление. Я этого человека не знаю, я не знаю психологических мотивов, почему он пришел на службу. Самоутверждается он или нет... - ну, я не знаю. Он – опер, и ему эту ситуацию нужно закрыть. Ему нужно чтобы на его районе был покой, и вот он раскрыл его таким способом.

В.: А не кажется ли Вам, что он руководствуется не просто должностными обязанностями (просто преступление раскрыть), а другими помыслами – например, достижением торжества справедливости?

От: Справедливость – это не его категория. Справедливость – это уже к судье. И то, что он, грубо говоря, меняет квалификацию закона, сам подбрасывая вещдоки и т.д – Ну это жизнь такая. А что ж – они выйдут и будут заниматься этим же самым. И он хочет, чтоб дольше они были в изоляции от нормальных людей.

В.: Он сам правит, своим профессиональным чутьем?

От: Ну да. И по большому счету они же действительно не успели эту сумку забрать. Но истинный же их мотив был забрать эту сумку. Если бы мы жили в Великобритании там был бы судебный прецедент. Им было бы все равно забрали сумку или не забрали. У них судебные прецеденты, у них нет писаного права. Мы сами себя загнали в эти писанные нормы. И ведем мы себя соответствующе тому контексту ситуации в котором произошло то или иное преступление. И правоохранители вынуждены это делать, а иногда наоборот они идут навстречу человеку и на какие-то моменты закрывают глаза. И перепрофилируют ситуацию по-другому, ситуацию потерпевшего, или наоборот обвиняемого. То есть может быть и наоборот. Но это проблема писаного права, то есть отсутствия судебного прецедента. Они прекрасно понимают, что при таком раскладе они должны его выпустить через 48 часов. И тогда у меня как родственника потерпевшей возникает вопрос: зачем тогда вообще правоохранительным органам платят зарплату, если они не могут обеспечить нам безопасность? Следовательно в фильме руководствуется своим «традиционным» правом, своими представлениями об этом праве.

В.: А имеет ли он на это право?

От.: Я считаю, это не относится к сотруднику полиции, к его профессиональной деятельности. Вот, например, у человека изнасиловали

дочь, он пошел и убил насильника. Имеет на это право отец или не имеет? Он руководствуется своими внутренними чувствами. Он сам не будет никого спрашивать. Давайте возьмем фильм «Ворошиловский Стрелок», где главный герой совершал самосуд. Мы ему все сочувствуем и считаем, что он прав. Но по большому-то счету он не прав. И мне кажется вопрос о том, что он как полицейский наделил себя правом менять это право – не совсем правомерен. Это его личная установка. Вот Вы едете по дороге, горит красный свет, пустой перекресток, и Вы берете, переезжаете. Оказывается «свет не такой уж и красный, а розовый», вы же сами определяете, нарушать вам правило или нет. Но полицейский же готов нести ответственность за то, что он нарушает; он же понимает, что он на грани фола и он может оказаться по ту сторону решетки за превышение должностных полномочий. Он готов и берет на себя эту ответственность.

В.: Эта характеристика только нашей правовой системы?

От.: Нет. На мой взгляд, это абсолютно личная установка. Есть люди, которые живут по принципу «моя хата с краю». Банальная ситуация: идешь по дворам собирать свидетельские показания. Что вы слышали? Что вы видели? Одни вообще на самом деле ничего не видели, вторые действительно активно сотрудничают со следствием, третьи говорят - ничего не видел, ничего не знаю. Другая категория – волонтеры, которые собираются в отряды, ходят ищут без вести пропавших людей. Им что, дома скучно? Но они же почему-то не равнодушны, они же идут? Не имея погон, не наделенных признаками власти, они ищут этих людей, они оказывают очень серьезную помощь правоохранительным органам, они не равнодушны. Почему? Ну, если например, какая-то несправедливость по отношению вашего коллеги по работе: Вы же идёте, хотите как-нибудь заступиться, высказать своё слово. Даже если это не подействует, но ваша совесть вам говорит, что я должен так сделать, я это сделал. Вот и в фильме та же ситуация. Этот следователь - неравнодушный человек.

В.: Да, неравнодушный. Но, посмотри, сюжет начинается с чего? Задержали без достаточных оснований. И сами полицейские эту ситуацию четко осознают...

От.: Их уверенность основывается на профессиональном чутье, а за ним – многие годы практической работы! Вы знаете, опытный практик только приезжает на место преступления, и может «схватить ситуацию. Никто не знает, чем он руководствуется, - как собака. Но сразу он может сказать: это мы раскроем, а вот это мы не раскроем. Не потому что он не

хочет. Потому что понимает: , вот здесь есть за что зацепиться, а здесь - вообще ничего нет.

В.: Мы говорим о том, что следователь, фактически, переквалифицировал ситуацию...

От.: Но заметим: он изначально себя так повел. Он же честно вначале сказал, пока преступников ППС не поймают, ничего не будет. Так и получилось! Но не потому что, он не хотел. Вот представьте в Вашем районе, кто-то орудует. И, никаких следов, никаких свидетелей, - ничего?

В.: То есть, Вы считаете, что эта ситуация допустима? То есть, иначе - вообще «висяк»...?

От.: Я не говорю, что допустима. Я говорю, что само писанное право, которое у нас существует, вынуждает правоохранителей так действовать. Кроме того, им надо раскрыть преступление. Это их главная задача.

В.: Значит, дело не в том, что они руководствуются нормой нравственности, служат закону, служат людям. И дело не в том, как они для себя объясняют возникшую ситуацию. Просто существуют внешние условия, которое правоохранителей заставляет поступать таким образом?

От.: Это не совсем так. Если взять начальную ситуацию, когда они идут на службу в правоохранительные органы, могут быть разные стратегии. Вот – 22 года, выпускник, приходит на службу – у одного будет мотивация служить закону, у второго – заработать денег, у третьего – получить власть. У каждого - своя мотивация, не будем же мы их идеализировать? Но со временем она меняется даже у лучших ребят, которые приходят служить закону, вершить справедливость. Их поглощает профессиональная рутина, и они просто начинают видеть только эти уголовные дела. Как хирург видит во время операции только тот объем работы, который ему необходимо видеть. Фильм романтизирует человека, выполняющего профессиональные функции. «Вор должен сидеть в тюрьме». Всё. Это абсолютно обвинительная установка сотрудника правоохранительных органов. В нашей культуре это всё правда.

В.: Так может быть лучше люди все-таки бы действовали в рамках права и не руководствовались этим бы этим всем...?

От.: Это невозможно.

В.: Невозможно в данном случае определить, что задержаны именно те люди...

От.: Постойте. Он – опер. Сейчас включатся адвокаты, потом будет суд...

В.: Этот телесериал посмотрело огромное количество зрителей. Он шел в прам-тайм несколько сезонов! По медиа рейтингам он держит первенство среди сериалов этого направления. Как Вы считаете, показанные ситуации близки к реальности?

От.: Я думаю, да. Но, повторяюсь. Очень легко быть законником, и говорить о том, что это неприемлемо, когда эта ситуация не касается наших близких. Когда против вас идёт мать, которая орёт, « Дайте мне этого уroda, который изнасиловал и убил моего ребёнка!», и вам нужно что-то этой матери говорить. Все ищут ребенка всей областью неделю. Потом находите такое, что матери лучше не знать. Но эти ситуации откладывают отпечаток на психике всех сотрудников правоохранительных органов. Они же тоже живые люди. Вот вы говорите про служение обществу. Да, у них конечная цель раскрыть преступление. Но они же не хотят, чтобы эти вот, которых людьми назвать невозможно, ходили по этой земле. Это очень такой долгий разговор, там своя профессиональная деформация. Там действительно конечная цель начинает доминировать над всеми остальными целями. Или вот это громкое дело «амазонок», когда банда убивала на трассе М4 людей, и ее долго не могли найти. Когда их нашли, их никто не бил, над ними никто не издевался, они с удовольствием давали все свои показания и еще гордились этим. Даже женщина, которая втянула своих детей в эту преступную группу. Я помню эту ситуацию: было уже всё равно, надо было их найти, потому что детей убивают, милиционеров, людей! Это вышло вообще за рамки допустимого! Это разве не служение обществу? Сколько полицейских погибло, сколько рисковало своей жизнью. Да, какие-то нарушения идут, безусловно. Вопрос в том, где грань этих нарушений? Вот, наверное в этом. Но это вопрос будет не к обществу, а лично к каждому. Если здесь я подсовываю телефон, чтобы закрыть этого уродца, из-за которого уже человек умер, или я незаконно ставлю на прослушку бизнесмена, чтобы потом с него денег срубить. И вот эта грань у каждого своя: что допустимо, а что недопустимо. В данном случае, в случае из фильма – он профессионал и он делает свою работу. Это имеет место быть, это не вызывает отторжения. Если коротко – легко быть законником, когда это не касается тебя и твоих близких.

В.: Как объяснить ситуацию, которая показана в фильме: все знают о нарушении права при задержании и предъявлении состава преступления и все друг друга понимают? Особенно не требуется объяснять, как нужно себя вести и что нужно сказать. А зрители сочувствуют Глухареву, который организовал этот спектакль.

От.: Но их же поставили в эти рамки. Ну ведь суть же не меняется от того, украл он эту сумку или нет. Вот потерпевшая сидит с пробитой головой, он же у неё хотел украсть эту сумку, но не успел.

В.: А насколько оправдан тезис, который выдвигает в финале фильма следователь: правильное оформление дела следователем – это почти гарантия «посадки» подозреваемых? Чем объясняется такая практика?

От.: В нашем уголовном судопроизводстве первоначально возбуждается уголовное дело и проводится предварительное следствие. Потом обвинительное заключение направляется прокурору, прокурор его должен утвердить – он его принимает или не принимает. Если не принимает – дело отправляется обратно на доследование, если принимает – дело передается в суд. И уже после этого прокурор в суде представляет сторону обвинения в суде. У нас вот такая система. Если ругают наши суды за то, что у нас нет оправдательных приговоров – это чушь, значит не понимают наш механизм судопроизводства. Он отличается от европейского. Как к нас происходит сообщение о преступлении? Следователь должен провести проверку и сказать – есть основания для возбуждения уголовного дела, или их нет. И он проводит доследственную проверку. И, наверное, доследственная проверка круче самого следствия, и не иногда, а очень часто. Материалов этих доследственных проверок - не представляете какое количество! Следственные отделы завалены этими проверками! И в принципе, на этом этапе уже принимается решение – есть состав преступления, или нет. Если дело возбудили, то дальше следователь на этот шампур надевает систему доказательств и оно уже приходит в суд полностью сформировано. Фактически, судья решает только вопрос наказания. А в Европе нет предварительного следствия как у нас дознания. У них есть вот эти материалы проверки – возбуждаем дело или нет. Они дознание провели и всех опросили, возбудили дело и затем передали в суд. И дело расследуется уже в суде, и вот поэтому у них есть оправдательные приговоры. Ведь достаточно часто встречается возбуждение дела без достаточных оснований, что и выясняется в ходе судебного следствия. У нас большого количества оправдательных договоров их не может быть по определению. Не потому

что у нас инквизиционная система. Уже все, что не является преступлением – оно уже отведено на стадии доследственной проверки. И дальше уже идёт следствие. И если вдруг выносится в суде оправдательный приговор – то это судья исправляет грубейшую ошибку прокуратуры и следствия, это ЧП. Почему ЧП? Представьте, какая это страшная вещь, заключить человека в СИЗО! Человек просто находился в СИЗО, пока в отношении него ведутся следственные действия. Но это же какой прессинг! Это же не в консерваторию сходить, это неприятная процедура. То есть у нас на самом деле эти ступени более качественные, чем в Европе. Я сейчас не отстаиваю нашу систему. Я как следователь изнутри, могу рассказать, как это происходит. У нас другой «косяк». В Англии, например, - прецедент судебный, - всё. Американцы - типа нас, они утверждают, что у них есть 12 биллей конституции, и дальше – судебный прецедент. Немножко врут. У них к этим биллям есть еще огромное количество поправок. Вот эти поправки – по сути, и есть наши кодексы. Что делаем мы? У нас есть писаное право – кодекс. Но, когда судья пишет своё решение, он руководствуется не только кодексом, но, прежде всего, – постановлениями Верховного Суда. Вот этот верховный суд и их постановления – это и есть судебный прецедент. Эти бюллетени Верховного суда стоят выше кодекса. Так прописано у нас в системе. Судья должен опираться на постановления пленума верховного суда. Мы не можем сравнивать нашу систему и европейскую с точки зрения того, где хуже где лучше, они просто разные.

По поводу прецедента, хочу привести конкретный пример, из судебной практики нашего региона. Женщина ехала с таксистом. Он совершил попытку её изнасиловать, фактически, он её изнасиловал. У нас же эти сомнительные градации: здесь хулиганка и побои, или это всё-таки был грабёж? – Ты должен четко установить грань. Так и в нашем случае: таксист уже ширинку расстегнул, по лицу ударил, на неё залез, но самого полового акта не случилось – не успел. Она в своей сумке находит железную пилочку для ногтей и этой пилочкой ударяет его в ягодицу. Попадает в какую-то аорту и от потери крови он умирает, не успевая сделать этих своих истинных намерений. Это покушение на изнасилование и тогда – это 5 лет. Или изнасилование, тогда – 13 лет. Для нее по травме есть разница? И конечно следователь, отстаивая её интересы, будет говорить, что он её изнасиловал. Потому что он же урод, он же сделал это... Однако суд определил, что он совершает попытку изнасилования, а женщину осудили «за превышение»! Норма, прописанная в кодексе, не срабатывает! Потом Верховный суд вынес свое решение, где он её оправдывает. У нас закон о превышении

самообороны несовершенно. Такие очень сложные случаи отправляются к пленуму Верховного суда, который дает эти разъяснения. С этой точки зрения Постановление Верховного суда – это и есть прецедент. Невозможно ведь все варианты ситуации продумать и внести в кодекс изначально.

В.: Хочу вернуться к сюжету фильма. Как Вы думаете, какова перспектива достижения такого правового порядка, когда все – и полицейские ППС, и следователи, и свидетели, и пострадавшие – все действуют в соответствии с нормой закона? Ведь в фильме показано, что каждый из этих персонажей нарушил норму на своем месте, т.е. все не следуют правовой норме!

От.: Там один момент серьезно был нарушен, все остальное – частности. Для проведения следственных действий они должны были вызвать хотя бы дежурного адвоката. Всё остальное уже можно не обсуждать. Всё остальное уже не важно. Уже все, что они там провели, можно выбросить в ведро. В принципе если этот сюжет взять в основу реальности – это дело передаётся в следствие и оно уже разваливается, потому что не было адвоката на этом следственном действии. Уже нужно проводить заново всё, опознание и т.д. Тут в юридические тонкости по этому сюжету входить вообще нельзя, это же художественный вымысел.

В.: Не могу согласиться. Во-первых, сценарист и исполнители главных ролей утверждают, что они многие сюжеты такого рода взяли из реальных практик деятельности правоохранителей районного отдела. Телесериал, в частности, первый сезон, откуда взят этот сюжет, они снимали не по заказу, и преследовали цель изучить и показать проблему сохранения «лица» полицейским на службе, которая его принуждает потерять это «лицо»... Во-вторых, по различным опросам общественного мнения, большая часть населения формирует представления о действиях правоохранителей именно по сериалам и телепередачам. Так что недооценивать значение такого рода массового искусства нельзя.

От.: Защита моей диссертации проходила в 2005 г. Так вот, 15 лет назад очень сильно изменилось правовое поле. То есть значительно изменилось правовое поле. Я просто не знаю, можно ли говорить о правовой культуре. Мы все стали более законопослушными. Новые информационные технологии облегчили нам нашу послушность. Мы меньше нарушаем, даже не касаясь уголовного права, банально – ПДД, административное право. Мы знаем, что это наказуемо большим рублем, мы более дисциплинированы, мы более дисциплинированы в сфере сборов налогов, мы платим налоги за свое

имущество, причем вовремя. Мы стали лучше отстаивать свои права с работодателями, мы стали читать договора трудовые, которые мы подписываем. Массово! Мы стали больше задумываться о тех услугах, которые мы получаем в салонах красоты, в клиниках. Никогда мы раньше не подписывали договора, приходя на обслуживание в медицинские учреждения, никогда с нас не брали согласие о разглашении персональных данных. Но мы же всё равно это делаем. Мы читаем, мы знакомимся с тем, под чем мы подписываемся. А это не воспитание вашей правовой культуры? У нас стали более грамотные студенты. К сожалению, они про обязанности не помнят, но они знают про свои права. И они очень активно о них рассказывают. Поэтому на мой взгляд за эти 15 лет правовая грамотность выросла в разы.

В.: А с чем это связано? С тем, что лучше стало работать наказание штрафами?

От.: - Нет, государство выбрало для себя сейчас политику приведения всего в единое правовое поле. Это факт, это правда. Это не повсеместно, это идёт с центра. То есть мне не нравится все в целом, что происходит в стране, но правовое поле мне нравится. Вот взять избирательное право, там есть конечно вопросы, но ведь действительно сегодня выборы проходят более открыто. Опять же благодаря видеонаблюдению, онлайн-трансляции. Они все-таки это транслируют, это есть, мы это видим. Работает институт общественных приёмных, чего никогда не было, он правда работает. Работают вот эти вот народные фронты, общественные организации. Я не знаю, могут ли они на что-то повлиять, но они сегодня определенную сдерживающую роль для власть-имущих играют. Появились общественные приёмные. Они как бы были, но они не работали. А теперь во всех государственных структурах есть общественные приёмные, при помощи интернета мы сегодня можем отправить открытые письма, на многие ведь реагируют эти письма. И самое главное, что представители власти боятся этих интернет-приёмных, ведь понимают, что сегодня любой гражданин может обратиться и может приехать проверка любого уровня, и этот институт действует. Важна роль ЕГЭ. Теперь дети могут отправлять свои данные в любой вуз. И дети из провинции получили шанс на образование в лучших вузах страны! Это всё открыто и прозрачно, этот институт работает. Сегодня создаются через информационные технологии МФЦ. Сначала он вызвал негатив. Но теперь мы видим, это очень удобный институт, куда ты пришел, без блата, без взятки, в «одно окно» ты сделал все необходимые тебе процедуры. Этот институт блата, который был 15 лет назад, начал

потихоньку отмирать. Уже сотрудник МРЭО не такой великий и всемогущий, потому что то все гораздо проще сейчас делается. И паспортный стол - уже институт паспортисток отмирает. Эта система нас уводит от этих частных практик к единому правовому полю. Они требуют от нас снилсы, инн, страховки! Любой гражданин получая паспорт идёт в налоговую получить свой инн, потому что без него никуда не устроишься. Это не правовое поле? Не правовая культура? Поэтому по сравнению с тем, что было 15 лет назад, очень многое загоняется в жесткие правовые рамки. И очень показательно, сравнить например с Крымом. То есть когда у нас это уже всё действовало, в Крыму еще были наши 2000-е. И когда мы пришли в Крым, крымчанам очень это не понравилось. У нас все загнано в правовое поле. У нас прекрасно работает институт юстиции. Все, что касается межевания земель, кадастровых паспортов и т.д. Это действительно приведено в порядок. Был же полный хаос с муниципальной, федеральной, частной собственностью. Сегодня это все приводится в единое правовое поле. Но это Москва делает, и мы уже как в регионе получаем это как с небес. Я хочу сказать, что в области гражданского права, трудового права, в области нашего обращения в структуры, которые наделены какими-либо правовыми функциями, процедура стала гораздо проще. Сегодня проще обратиться в суд. Сейчас конечно эти IT технологии творят чудеса, мы все сейчас живём в этом цифровом поле.

В.: Скажите как управленец системы повышения квалификации следователей: сегодня этому институту чего не хватает? Чтобы Вы изменили?

От.: Для начала, изменений требует система высшего образования будущих юристов. На службу выпускники юрфаков приходят абсолютно неподготовленными. Надо менять вообще ФГОСЫ. Федеральные государственные образовательные стандарты в области юриспруденции не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Выпускники не знают уголовного права, судебной экспертизы, они вообще, учась на юрфаке, ни разу не выезжают на осмотры места происшествия, в том числе те у кого уголовно-правовая специализация. Они вообще не знают, как выглядит место происшествия, вот такие ФГОСЫ!

В.: Это – оставшееся наследие советской системы подготовки юристов?

От.: Нет! В юрфаке периода СССР студенты не вылезали с криминалистических полигонов, они все это знали. Кто выбирал уголовно-

правовую квалификацию, уголовную. У нас на юрфаке был великолепный криминалистический полигон, со зрительным залом, где великолепно всё делалось. Мы описываем все это тем, кто приходят к нам повышать квалификацию. А в нашей системе повышения квалификации следователей необходимо увеличить время обучения. Две – три недели – мало! Основной акцент в системе повышения квалификации – на практическую деятельность, экспертизу. Никаких отвлеченных курсов! У нас заказчик – следственный комитет. Мы вообще этику, культуру, общение в сельской местности и т.д. - не рассказываем. Важны например, программа расследования преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ - всё. Это полигон, это взрывы, машины взлетают, они делают осмотры места происшествия. Они приезжают и с девяти до девяти три недели без выходных и проходных максимально нагружены по полной программе. Если это налоги – то это налоги. Если это против личности – то против личности.

В.: Как Вы считаете, чем отличается квалификация оперативных работников и следователей?

От.: У них разные функции, потому – разные требования к их способностям и уровню подготовки. Например, следователи СК – это почти как научные работники, основной упор – на логику, анализ. У этого работника должен быть план расследования, его обоснование, гипотеза. Отсюда идет подбор фактов, их опровержение и пр. Если хотите, каждое дело – как самостоятельная творческая научная работа. Но хороший исследователь не факт, что будет хорошим опером, и наоборот. Опер, должен обладать другими способностями и навыками. Например, умением договориться, послушать, состыковать, соединить. Определить, какой человек нужен: тот для контактов в такой-то сфере, тот - мне даст информацию. Поэтому, на мой взгляд, дело не в уровне образования для следователей и оперов, а в складе характера и складе ума. Хороший опер на вес золота. Сегодня очень трудно найти хорошего оперативного сотрудника. И они общаются с очень разными категориями, от проституток до докторов. Они вынуждены со всеми общаться и находить с каждым контакт. У следователей больше кабинетная аналитическая работа. Эти две роли невозможны друг без друга!

2. Выдержки из экспертного интервью отставного руководителя городского отделения полиции

В.: Как Вы считаете, какое сегодня в обществе отношение к полиции?

От.: На мой взгляд, уважение к полиции зависит от качества предоставляемых полицией. услуг. А сегодня потребности населения в услугах полицейских, в частности, по раскрытию мелких хищений, правовой защите в бытовом насилии и др. – удовлетворяются примерно на 10-12%. Какое может быть уважение?

В.: Как Вы считаете, почему люди совершают преступления, зная о правовых санкциях за них? Не бояться правового наказания? Требуется ужесточение наказаний?

От.: Это уже есть, но это не действует! Смотрите, какие сроки дают за наркотики (по 228, прим и т.д.)? – До 20 лет! Сбыт наркотиков в особо крупном размере – до 20 лет! А (6) часть – до 25, до пожизненного заключения! И что мы видим? – колонии до 75 % забиты осужденными за наркотики! Значит, ужесточение не действует! Не адекватно по своим последствия? Нет, не в боязни только дело! Дело в прибыльности преступлений! Наркотики – самый прибыльный бизнес. У нас большой оборот наркотиков! На фоне беднеющего общества начинает развиваться легкая прибыль! В короткое время! Недавно мы были в Ханской средней школе. Здесь задержали группу десятиклассников – за сбыт наркотиков, использование различных «закладок». Нас встречает директор школы и говорит: у нас такие ребята хорошие! – Активисты, общественники, из хороших семей! Семьи-то зажиточные. Что их к этому привел? А я им сразу говорю: а что родители делают? – На Москву фуры гоняют с обощами, ранними кабачками, помидорами и пр. – Вот ответ на вопрос. Родители уехали зарабатывать для него деньги, а он сам себе зарабатывает!

В.: Прокомментируете, пожалуйста, действия полицейских ППС в фильме «Сутки».

От.: В этом фильме, все не по инструкции! Давайте посмотрим на ситуацию через профессиональные очки, с точки зрения курса «Тактики охраны общественного порядка». Задержали двух возможных подозреваемых. – Возможных! Показанные нам события по задержанию, избиению и пр. – все, что сделано – сделано от отсутствия элементарного профессионализма. Чтобы изобличить этих людей в соответствии с «Тактикой...», нужно было сделать: 1) установить их личность: проверить их на судимость, отдактилоскопировать, проверить по видеоучету; 2) выехать по месту жительства, провести обыск, посмотреть, что же у них дома? А может быть у них дома – похищенные вещи? Нашли – нет необходимости им что-то навязывать. Это было сделано? – Нет! Т.е. в фильме нам показывают абсолютно не профессиональную полицию; 3) кроме того, уже в фильме показывают наличие сотовых телефонов (они уже были!). Нужно было пробить эти телефоны через «Биллинг», установить, где они были на момент

ранее совершенных преступлений. И если позиционирование телефона совпадает с местом совершения преступлений – не нужно никаких доказательств. Берете в суде санкцию, задерживаете и работаете с задержанными. Но что делают следователи в фильме? – Они сами умышленно гробят это дело. Потому что завтра в суде любой адвокат встанет и скажет: «Все доказательства собраны с грубым нарушением УПК. Значит, они должны быть признаны недопустимыми доказательствами. А именно, опознание было проведено без статистов». Наиболее приближен к реальности фильм «Ментовские войны». Глухарь – это сказка. А вот Шилов – реален. А для чего сегодня все это показывать? Глухарь дискредитирует полицию. Для чего это делается? До реформ – все фильмы в СССР про милицию были про идеальный образ милиции – «Знатоки», «Аниськин». А сегодня – все наоборот. Сценаристы в любом действии сделали массу нарушений. Не сделали протокол осмотра, не сделали протокол задержания, досмотр не провели, статистов на опознание не дали,

Что должен делать полицейский, выехав на место происшествия? Основное – обеспечить охрану места происшествия до приезда розыскной группы с целью документировать возможные доказательства. Но нам в сериалах показывают все не так! Все показывают в извращенной форме. Это все – неправда, либо частично правда, накрученная в гиганстских масштабах на ошибки и придумки!

Мне этот сюжет очень напомнил противостояние Жиглова и Шарапова. По смыслу ситуация была одинакова. Но там немного было другое: Жиглов и Шарапов видели сам факт воровства. А здесь причастность задержанных к преступлениям сомнительна. Если составлять милицкий протокол, то в нем будет указано, что преступление совершено в том же месте, при «аналогичных обстоятельствах». Но они ли совершили предшествующие пять преступлений – изначально не ясно. Вот это и должны доказать Глухарев (следователь) и компания. А следователь по нашим нормативам, вы знаете, является руководителем оперативно-следственной группы. Они и должны были определить – те ли это лица, или – другие. Жиглов подложил однозначно тому, кто совершил преступление. И то у него с Шараповым возникли разногласия. Как он говорил: закон не кистень, которым можно покарать любого. И здесь Жиглов возражает – вор должен сидеть в тюрьме и общество не беспокоит, каким образом я его туда упрячу. Вспомним также другой фильм Говорухина – «Ворошиловский стрелок». В этом фильме участковый скрупулезно собрал все доказательства против главного героя – дедушку. У него не было никаких сомнений. И тем не менее, он закрыл глаза на собранную доказательную базу и вошел в положение этого деда. И здесь мы на стороне участкового, хотя он поступает вопреки закону. И мы на стороне этого участкового. То есть наша аудитория – на стороне Жиглова, и на стороне этого участкового и сегодняшнего героя – Глухарева. А почему? Потому что преступления лиц, которых подозревают (задерживают) не вызывают сомнения, зритель видит эти преступления. Ситуация с

Глухаревым другая. Она не очевидна с точки зрения обвинения в пяти предшествующих эпизодах!

В.: Как Вы считаете, сегодня в полиции возможны ситуации, которые показаны в фильме?

От.: Нет. Судебная практика сегодня тоже очень ужесточилась. Сегодня Глухарева и его начальство привлекли бы к суду и посадили бы. Например, еще в советский период оперов привлекали за превышение полномочий. Но что происходило: было расследование, но потом все спускалось «на тормозах». Какое было к этому отношение? – Снисходительное. Ну, стукнул опер пару раз, ну ладно, поставим ему на вид, пусть идет. Сейчас это не пройдет! Сегодня по этим вопросам ужесточилась судебная практика. Сейчас бы задержанные написали жалобу прокурору. С них бы сняли телесные показания, смывы на решетках, сняли кулаки постовых – и применили бы к полицейским 286 статью, третью часть (там до 8 лет), а если бы телесные повреждения были тяжелые, то еще плюс к этому сроку. Это – однозначная посадка. Чем страдает ППС? За что их привлекают к ответственности? – За превышение по тяжести телесных. Когда пепеэсник закручивает руку с целью надеть наручники, валит задержанного на землю, становится ему коленкой на бок. От этих действий моментально происходит перелом ребра. Перелом ребра – это статья 112 – средний вред здоровью. Автоматически наступает превышение полномочий – и осуждают! Второе типовое нарушение полицейских – при оформлении человека за неповиновение при задержании. Почему? – Потому что требования должны быть законными. Т.е. сначала человек должен совершить правонарушение, а потом – не повиноваться. А не просто: «иди сюда», а в ответ: «А я не пойду». – «А я тебя привлеку!» И даже если человек, увидев полицейского, начинает убегать, то это еще не основание для его задержания. Действуйте по закону. Откройте статью «Применение специальных средств» – там написаны все случаи и условия применения средств. Нужно действовать только в рамках закона. А если человек побежал, а вы не видели его правонарушения, но преследуете? В этой ситуации должно применить специальные средства (резиновую палку, наручники или просто силу). Но за какие проступки ты будешь это применять? Применение любого из этих средств в данном случае не законно! Побежал – пусть бежит, если нет оснований его задерживать! Я приведу пример по САЧ – суд по правам человека. В Адыгее выиграл его гражданин, в его пользу было присуждено 200 тыс. с казны РФ. За что? – За работу ППС. Ситуация: задерживают гражданина по правильным основаниям. Мимо идет другой гражданин и спрашивает: «А за что вы его задерживаете?» В ответ полицейские: «А тебе чего надо? Иди своей дорогой». Гражданин: «Нет, вы его отпустите, он ничего не совершал!» – «Ну тогда пошли и ты вместе с ним!» Его задержали на сутки. Суд по ошибке зачел ему эти сутки как административное наказание. Он вышел, написал жалобу в САЧ – 200 тыс. из казны РФ. За незаконные действия ППС:

они его оформили за неповиновение. А в чем неповиновение? Он ведь ничего не совершил!

У нас законодательство не совершенно и правоприменительные практики тоже далеки от совершенства! При нашей системе мы можем наказать невинного. Только из этой логики мы отказываемся от применения смертной казни: пусть лучше у нас будут не наказаны 10 виноватых, чем мы покараем одного невинного. Та же ситуация показана в фильме «Глухарь». Вот они слепили дело, но очень топорно! И, видимо, эту «лепуху» специально так топорно показали, чтобы все ее увидели! Здесь краски сгущены до самого крайнего варианта. Но вспомните, ведь по делу Чикатилы двух невинных расстреляли, еще 4 осудили!

И еще нужно отметить, что качество работы полицейских во многом определяется отношением к той службе со стороны государства. На мой взгляд государство не достаточно уважает свою полицию. И это касается не только зарплаты. Полицейские получают небольшую зарплату. Но сегодня еще и деформировано само предназначение органов внутренних дел. Сегодня полиция занимается всем – и снегом, сосульками, бродячими собаками. У участкового 90 обязанностей! Но только примерно десяток из них связаны с раскрытием преступлений. Назначение выхолащивается. В результате мы приходим к тому, что не уважение к полиции, низкий уровень раскрываемости преступлений и т.д. – это производные от ненадлежащего использования правоохранительных органов. В фильме показано, что один из следователей заявляет – как мы можем найти преступников, если о них ничего не известно? И тут случай дает им двух нарушителей. Их нужно было добросовестно отработать «на причастность» - дактилоскопировать, установить личность и пр. Первое, что не сделали в фильме ППС – не обеспечили сохранность места преступления. Они задержали нарушителей и повезли их в участок. А должны были задержать, посадить в машину, вызвать опергруппу и обеспечить охрану места преступления. Они это не сделали. В фильме показано, что отсутствие профессионализма заменяется популизмом. Все преступления совершаются в условиях очевидности или неочевидности. Значительно труднее раскрыть квартирную кражу – она совершена в условиях неочевидности. Там нужно информацию и свидетелей разыскивать. Здесь – в условиях очевидности. Преступников поймали. Но ни одного действия, которое нужно сделать по процедуре не было сделано! А показано то, как не нужно делать. Говоря о низком уровне зарплаты полицейских нужно подумать: а отвечает ли деятельность полиции запросам населения? Чтобы раскрыть преступление милиционер должен проработать на одном месте 5-6 лет, знать население района, иметь свои источники оперативной информации, знать места сбыта. Это филигранная работа. А когда полиция занимается сегодня снегом, завтра паводком и МЧС – то он перестает быть борцом с преступностью. Для правовой культуры необходимо правовое воспитание, профессионализм и высокая социальная оценка деятельности полиции. Конечно и зарплата правоохранителя играет

роль. Не должен сотрудник правоохранительных органов получать зарплату такую же, как работник тылового обеспечения. Не должно быть одинаковых пенсий. Оперативник должен получать материальное поощрение несравненно более высокое – он на передовой. Преодоление этой ситуации – тоже ключ к повышению правовой культуры.